ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

Krasnïĭarkhiv

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

38

ТОМ ПЕРВЫЙ (ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ)

1930

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО
В 1-й ОБРАЗЦОВОЙ
ТИПОГРАФИИ ГОСИЗДАТА.
МОСКВА, Валовая улица, 28.
Главлит А-61860. П. 12. Гиз 38.02.
Заказ № 258. Тираж 2000 экз. 12 п. л.

General Haus.

„9 января“ в Петербурге.

Публикуемые ниже материалы о «действиях войсковых частей 9 января 1905 г.» в Петербурге заслуживают внимания исследователя, во-первых, потому что рассеивают всякое сомнение о том, будто бы правительство не готовилось к избиению и расстрелу рабочих, во-вторых, потому что дают точную картину расположения (диспозицию) и действий войск, и, в-третьих, потому что дают возможность вычислить количество и род действовавших войск.

Трудно предположить, читая описание, что правительство не предполагало прибегать к оружию: так тщательно и так подробно разработана диспозиция, и — главное — военные руководители были прекрасно осведомлены о том, кто идет во главе рабочих, откуда рабочие намерены двигаться и т. п.

Имея в руках диспозицию, можно прекрасно начертить расположение войск на карте Ленинграда, пути движения рабочих потоков и пункты наибольшего скопления человеческих масс, т. е. картину выступления, и тем самым внести поправки в другие документы.

Диспозиция дает возможность учесть и численный состав войск, действовавших против народа. Мы видим, что это была целая армия лучших гвардейских частей.

Описание, в общем, подтверждает известную уже картину расстрела [1]), хотя, конечно, в каргине этой указаны только важнейшие моменты столкновения; детали и, быть может, самые драматические эпизоды опущены.

И несмотря на это публикуемый ниже документ имеет большую ценность: в нем указаны точно часы выступлений войсковых частей, залпов, число их, место расположения частей. Однако нужно сказать, что документ преднамеренно явно преуменьшает число жертв; их всего по этим сведениям 132 чел., между тем как по спискам полиции и больниц, мною проверенным, число убитых и раненых было около 1 000 человек.

Неверны, конечно, и сведения, будто бы Гапон двигался во главе толпы, направлявшейся с Петербургской стороны: Гапон, как известно, шел из-за Нарвской заставы, здесь был встречен выстрелами и отсюда благополучно скрылся.

Явно бросается в глаза также тенденция автора описания представить толпу рабочих, вызывающей нападение войск и залпы. Несмотря однако на все усилия автора,

[1]) См. хотя бы нашу работу: «Январские дни в Петербурге в 1905 г.» «Кр. летопись», 1922, I.

попытка его остается неудачной: даже из-за сухой реляции чувствуется мирное настроение рабочих и ничем не вызванное применение оружия. В этом отношении этот сухой, деловой, краткий военный рапорт, быть может, — лучший обвинительный акт против самодержавия.

Как видно из диспозиции, город был заранее разделен на районы, и во главе военных частей каждого района были поставлены генералы: Самгин, Рагозин, Рудановский, Ширма, Лангоф, Щербачев, Гадон и др., подчинявшиеся старшему командованию Петербургского военного округа, т. е. одному из членов царской семьи и, значит, в конечном счете — царю.

В числе генералов, расстреливавших рабочих, мы находим имена и тех, которые остались верны своему знамени, и уже в наши дни, напр., во время Октябрьской революции, хотя и безуспешно, боролись с революцией (например, Щербачев).

В. Невский.

Описание действий войсковых частей 9 января 1905 г. [1]).

Расположение частей 9 января.

К 11 часам утра 9 января все войска, за исключением отдельных частей, занимавших дворцы, арсенал и некоторые другие специальные здания, были распределены по районам города Петербурга согласно прилагаемой при сем диспозиции.

Васильевский остров. Ген.-майор Самгин.

Около 10 часов утра большая толпа рабочих, собравшись на 4-й и 6-й линиях Васильевского острова, между Средним и Малым проспектами, стала приближаться к Неве. Для преграждения ей возможности проникнуть за Неву 2 роты пехоты загородили толпе выходы из означенных линий на набережную, а навстречу были высланы части л.-гв. Уланского ее величества и л.-гв. Казачьего его величества полков, которые, произведя несколько атак, оттеснили народ к Большому проспекту.

Около 1 часа дня толпа на 4-й линии, значительно увеличившись в числе, стала устраивать проволочные заграждения, строить баррикады и выкидывать красные флаги. Против этой толпы по требованию и. д. полицеймейстера подполковника Галле были выдвинуты две роты л.-гв. Финляндского полка и 89-го пехотного Беломорского полка; 1 рота л.-гв. Финляндского полка, после безуспешных предупреждений и троекратного сигнала, дала один залп, после чего роты двинулись вперед, по направлению к Малому проспекту, разбирая

---

[1]) Заголовок подлинника. Московский Военно-Исторический Архив. Дело мин. воен., гл. штаба, 3 ст. 2 отд., № 15, ч. 2, 1905 г., «О командировании войск для содействия гражданским властям Петербургского военного округа», л. л. 22—36.

проволочные заграждения и баррикады и рассеивая толпу, оставившую на баррикаде двух убитых.

Во время движения рот из дома № 35 по 4-й линии, а также из строящегося дома напротив него, бросались кирпичи, камни и были произведены выстрелы.

На Малом проспекте у 12-й линии толпа снова сплотилась и, загородив дорогу, стала стрелять. Тогда одной полуротой 89-го пехотного Беломорского полка было произведено три залпа, которыми толпа была рассеяна, и роты, разбирая целый ряд баррикад, дошли до Смоленского кладбища. К 6 часам вечера роты вернулись к 1-му кадетскому корпусу.

Около двух часов дня, ввиду донесений о нападении толпы на оружейную фабрику Шафф, к означенной фабрике, на 14-ю линию, была выслана одна рота, которая угрозами открытия огня рассеяла шайку грабителей, в числе около 200 человек, и отобрала от них часть захваченного оружия. Этой же роте удалось остановить угрозами толпу рабочих, приближавшихся по 14-й линии со стороны Большого проспекта, и заставить ее отойти назад. Во время этих действий был арестован один студент, обращавшийся к солдатам с вызывающей речью, и при нем был найден заряженный револьвер.

Во избежание нового скопления рабочих в районе Большого проспекта на углах 17-й и 19-й линий были оставлены пехотные части. Кроме того по особому приказанию был занят ротой пехоты дом № 35 по 4-й линии.

В продолжение всего времени непрерывно высылались кавалерийские части для предупреждения скоплений рабочих и прекращения начинавшихся в разных местах грабежей лавок.

Во время действия войск на Васильевском острове войсками было задержано за грабеж и вооруженное сопротивление 163 человека.

Петербургская часть. Ген.-майор Рагозин.

Первое скопление народа было обнаружено в $10^1/_2$ часов утра на Выборгской стороне близ Сампсониевского моста, откуда толпа, через этот мост и Большую Дворянскую улицу, двинулась к Троицкой площади, но была остановлена и рассеяна несколькими атаками улан и угрозами пехоты действовать огнестрельным оружием.

К 1-му часу дня перед Троицкой площадью на Каменноостровском проспекте появилась новая густая масса народа, в числе (по определению полиции) до 20 тысяч человек, которую уже никакие увещания, угрозы и предупреждения не могли более остановить. Тогда, после троекратных предупреждений и сигналов, полторы [1]) роты

[1]) В л.-гв. Павловском полку роты в первый день были половинного против других размера. — Прим. в подлиннике.

л.-гв. Павловского полка дали один залп, после чего толпа остановилась и стала отходить, подобрав своих убитых и раненых (приблизительно около 40 человек), и была затем окончательно рассеяна высланными в атаку лейб-уланами.

По сведениям полиции, с толпой этой шел и главный агитатор, священник Гапон, которого рабочие несли на руках в середине толпы; после залпа и атаки кавалерии означенный священник был скрыт толпой и после уже не был разыскан.

В течение остальной части дня и ночью сильные кавалерийские разъезды препятствовали толпе собираться вновь перед войсками и разгоняли появившиеся на Большом проспекте шайки грабителей и хулиганов, бивших стекла на фонарях и в магазинах.

В 12 часов ночи из резерва была выслана одна рота для занятия дома Рабочего союза на Теслеровской улице.

Коломенская и Нарвская части. Генерал-майор Рудановский.

В 12 часов дня в районе Нарвской части была замечена толпа рабочих, в числе до 3 тысяч человек, которая двигалась по Петергофскому шоссе к Нарвским воротам, неся с собой портреты их величеств, кресты и хоругви. Ввиду безуспешности попыток остановить толпу увещаниями или угрозами, против нее был выслан один эскадрон конно-гренадер, при приближении которых толпа раздалась, причем с ее стороны было произведено два выстрела из револьвера (не причинивших вреда), и одному из нижних чинов был нанесен удар крестом. Тогда, ввиду явно враждебного настроения толпы, эскадрон был отозван назад, а двум ротам 93-го пехотного Иркутского полка, после троекратного предупреждения и сигнала, было приказано стрелять. После пяти залпов толпа, наконец, рассеялась, оставив на месте более 40 человек убитыми и ранеными.

Александро-Невская, Рождественская части и Шлиссельбургский участок. Ген.-майор Ширма.

В районе Александро-Невской и Рождественской части особенно значительных скоплений рабочих не наблюдалось и столкновений в войсках не было.

Толпа рабочих, в числе до 16 тысяч человек, пытавшаяся пройти к городу по Шлиссельбургскому тракту, была задержана двумя сотнями атаманцев, причем один из толпы был легко ранен в руку. При виде приближавшихся подкреплений толпа бросилась на лед р. Невы и направилась к Охте, где, по всей вероятности, и рассеялась, так как затем в течение остального дня особенно крупных масс рабочих и серьезных нарушений ими порядка в районах Охты или Выборгской части не было замечено.

Московская часть. Ген.-майор Лангоф.

Около 9½ часов утра вблизи Московской заставы стала, было, собираться толпа рабочих, но была рассеяна драгунами, не прибегая к действию оружия.

Ввиду сравнительного спокойствия в районе, в 3-м часу дня из состава войск этого района было выделено 2 роты и 2 эскадрона на усиление войск, расположенных на Дворцовой площади.

Около того же времени было выслано две роты к Семеновскому мосту и 2 роты к Каменному мосту. Эти роты разгоняли толпы рабочих, неоднократно собиравшихся на Садовой и Гороховой улицах и на Фонтанке, причем прибегать к действию оружием не приходилось.

Адмиралтейская часть. Ген.-майор Щербачев.

Между 12 и 2 часами дня значительные массы народа стали собираться вокруг Дворцовой площади по прилегающим улицам набережной и у Александровского сада, но до 2 часов дня толпы эти удавалось рассеивать действиями конницы и пехоты, не прибегая к оружию.

Около 2 часов дня толпы стали значительно увеличиваться, собираясь преимущественно у Певческого моста и у Александровского сада, причем у последнего масса народа держала себя особенно вызывающе, не уступая никаким увещаниям и требованиям разойтись и отвечая бранью и насмешками на угрозы действовать оружием.

Толпа напирала и теснила войска все настойчивее и смелее, и из нее выделялись отдельные лица, обращавшиеся к солдатам с дерзкими заявлениями и угрозами.

Тогда, истощив все средства к обузданию бесчинствующей массы, эскадрон кавалерии на Певческом мосту был принужден произвести две атаки с обнаженным оружием, нанося удары шашками плашмя, после чего толпа рассеялась и более не собиралась. У Александровского же сада толпа укрывалась у решетки сада и позади ее, вследствие чего даже и атаки кавалерии с обнаженным оружием не оказали никакого действия. Тогда, после многократных увещаний и сигналов «стрелять», одна рота л.-гв. Преображенского полка принуждена была дать два залпа. После второго залпа толпа очистила прилегающую часть площади и сад, оставив на месте около 30 человек убитых и раненых, а затем была окончательно рассеяна атакой высланных вперед казаков.

К 3 часам на усиление войск, расположенных на Дворцовой площади, из Московской части (генерал-майор Лангоф) были присланы две роты и два эскадрона.

Ввиду скопления народа на Невском проспекте, Морской и улице Гоголя и угрожающего поведения толпы, избившей на глазах у всех несколько проезжавших офицеров и юнкеров, на означенные улицы были высланы пехотные и кавалерийские части. Последние во многих местах были встречены камнями и выстрелами из револьверов (не причинивших никому вреда).

Улицу Гоголя, Морскую и Исаакиевскую площадь удалось очистить от толпы, не прибегая к действию оружием, а сильные кавалерийские части, непрерывно после того объезжавшие эти улицы, не позволяли толпе снова сплотиться в каком-либо месте в угрожающую массу. Но на Невском проспекте у Полицейского моста буйствующая толпа совершенно преградила дорогу высланной в этом направлении роте л.-гв. Семеновского полка и заставила последнюю, после многократных предупреждений и сигналов, открыть огонь. Тремя взводами этой роты было произведено шесть залпов (по два залпа каждым из взводов отдельно) в направлении Невского проспекта и в обе стороны по р. Мойке, и только после шестого залпа толпа отхлынула и рассеялась, оставив на месте человек 15—20 убитыми и ранеными. Во время этих действий по одному из офицеров л.-гв. Семеновского полка из окна ресторана «Альберт» (по свидетельству солдат) было произведено два выстрела из револьвера без нанесения вреда.

Около 5 часов дня из состава войск, расположенных на Дворцовой площади, было выделено две роты пехоты и два эскадрона кавалерии на Петербургскую сторону для поимки священника Гапона, который, по донесениям полиции, находился в доме Рабочего союза на Геслеровской улице. По прибытии на Петербургскую сторону, священника Гапона там более не оказалось; также не оказалось его и на Васильевском острове в доме № 35 по 4-й линии, куда был направлен отряд согласно указаниям полиции (дом № 35 был уже занят частями л.-гв. Финляндского полка), вследствие чего высланные части были возвращены обратно.

С наступлением темноты толпы рабочих стали постепенно уменьшаться и рассеиваться, а части войск, распределенные по разным пунктам района, были постепенно стянуты обратно на Дворцовую площадь. Из отряда высылались лишь сильные кавалерийские разъезды для патрулирования улиц и предупреждения грабежей.

Выборгская часть. Ген.-майор Белов. Казанская, Спасская, и Литейная части. Ген.-майор Гадон.

В районах Выборгской, Казанской, Спасской и Литейной частей особенно значительных скоплений рабочих не наблюдалось, и порядок поддерживался, не прибегая для этого к действию оружием.

Л.-гв. Уральская казачья его величества сотня.

В 9 часов вечера, по требованию градоначальника, к Аничковскому дворцу была вызвана л.-гв. Уральская казачья его величества сотня, которая оставалась около дворца до 11 часов вечера. Серьезных столкновений с толпой не было, к оружию не прибегали. Один казак был легко ранен камнем в лицо, но остался в строю.

Переход на ночное положение.

Конец вечера и ночь прошли относительно спокойно. Кроме отдельных попыток к грабежу и бесчинств незначительных групп хулиганов, серьезных нарушений порядка не было, и войска, стянувшись к ночи к важнейшим пунктам в своих районах, частью (по соглашению с полицией) были отправлены на отдых по своим казармам.

Приложение: Диспозиция на 9 января.

Старший адъютант полковник [подпись].

Диспозиция на 9 января.

Васильевский остров.
Ген.-майор Самгин. Ст. сов. Пащенко

Л.-гв. Финляндского полка . .	2 бат.	2 р.—Николаевский мост; 2 р.—Дворцовый мост; 2 р.—против Горного института; 3 р., 2 эск. и 2 сот.—общий резерв.
» Стрелкового полка . . .		
» Казачьего его в. п. . . .	2 сот.	
» Уланского ее вел. п. . .	2 эск.	
89 п. Беломорского п. (ф. Лаферм)	1 р.	
	2¼ бат. 2 эск. 2 сот.	

Петербургская часть.
Ген.-майор Рагозин. Подп. Крылов.

Л.-гв. Гренадерского полка . .	2 бат.	2 р.—Биржевой мост; 2 р.—Троицкий мост; 4 роты и 2 эск.—резерв [1]).
» Павловского полка . . .		
» Уланского ее вел. п. . .	2 эск.	
» Казачьего его вел. п. . .	½ сот.	
	2 бат. 2½ эск.	

Выборгская часть.
Ген.-майор Белов. Подполк. Шалфеев

Л.-гв. Московского полка . . .	2 бат.	2 роты—Литейный мост; 2 роты—клиника Вилие; 4 роты и 2 эск.—резерв.
» Уланского ее вел. п. . .	1 эск.	
» Драгунского п.	1 »	
	2 бат. 2 эск.	

Коломенская и Нарвская части.
Ген.-майор Рудановский. Ротм. Давыдов. Подполк. Сокович.

Гвардейского Экипажа	1½ бат.	Нарвские ворота—2 роты, 1 эскадр.; Лейхтенбергская ул.—1 рота; Варшав.
Л.-гв. Измайловского п. . .	1 бат.	
91 п. Двинского полка . . .	3 роты	
93 п. Иркутского полка . . .	2 »	

[1]) Так в подлиннике.

96 п. Омского полка	2 роты
Л.-гв. Конно-гренадер. п. . .	3 эск.
	$4^1/_4$ бат. 3 эск.

Мост — 1 рота; Старый Калинкинский м.— 2 р.; в Нарвской части — 3 р. (верфь); Мал. Калинк. м.— 1 рота; уг. Английского пр. и Мойки — 1 эск. и 1 р.; Англ. наб. прот. Замятина пер.— 2 р.; Англ. пр., уг. Офиц.— 3 р. (резерв). [1])

Александро-Невская, Рождественская части и Шлиссельбургск. уч.

Ген.-майор Ширма
Подполк. Бабулевич
Подполк. Васильев
Подполк. Лесников
Подполк. Романкевич
Подполк. Дейтрих
Подполк. Иванов

Л.-гв. Атаманского полка . . .	4 сот.
» Драгунского полка . . .	2 эск.
» Преображенского полка .	1 бат.
90 п. Онежского п.	2 рот.
91 п. Двинского п.	1 »
89 п. Беломорского п.	1 »
198 п. р. Алекс.-Невского п. .	2 »
	$2^1/_2$ бат. 2 эск. 4 сот.

Архангелогородский мост у Невы — 2 роты и у Шлиссельбургской части — 2 эск.; Невский пр., угол Суворовского — 4 роты, 1 эскадрон; Знаменская площадь—резерв — 2 роты, 1 эскадрон; Новокаменный мост, уг. Лиговской и Обводной — 1 рота, 1 эскадрон; Суворовский проспект, Акад. генерального штаба — 1 рота, 1 эск.

Московская часть.
Ген.-майор Лангоф. Подполк. Менчуков

Л.-гв. Семеновского п. . . .	$2^1/_2$ бат.
» Егерского полка . . .	$^3/_4$ »
» Драгунского полка . .	2 эск.
	$3^1/_4$ бат. 2 эскадрона

2 р. 1 эск.— уг. Боровой и Обводного кан.; Московская заст.—2 р., 1 эск.; Нов. Моск. мост (Обводн. кан.)— 2 р.; Московская часть — $1^3/_4$ батал.— резерв.

Казанская, Спасская и Литейная части.
Ген.-майор Гадон. Подполк Пчелин

Л.-гв. Преображенского п. . .	3 роты
» Саперного батальона . .	1 рота
» Конно-гренадер. п. . . .	2 эск.
	1 бат. 2 эскадр.

Гостиный двор — 1 р. и 1 эск. Кон.-гр.; Казанская № 3 — 1 рота и 1 эск.; 1 рота.— Дума [1]).

Адмиралтейская часть.
Ген.-майор Щербачев

Л.-гв. Павловского полка . . .	2 бат.
» Преображенского п. . .	3 рот.
Кавалергардского полка	4 эск.
Л.-гв. Казачьего его в. п. . . .	2 сот.

1 батал. л.-гв. Павловского п. и 2 сотни Казачьего полка выслать к Зим-

[1]) Так в подлиннике.

Л.-гв. Конного полка . . . . . 4 экс.	нему дворцу к 9 час. утра. Л-гв. Павловского полка 1 бат. и 3 роты Преображ. п. 11 час. утра — Дворцовая площадь. Кавалергардский п., л.-гв. Конный полки готовы к 9 час. утра, а в 11 час. утра прибывают на Дворцовую площадь.
$2^3/_4$ бат. 8 эск. 2 сотни	

Описание действий войск 10 января 1905 г.

Расположение войск.

Войска были расположены по районам, согласно прилагаемой при сем диспозиции.

В каждом районе, распоряжением соответствующих начальников, высылались разъезды и дозоры. В некоторых случаях, для рассеивания толпы, по особым вызовам полиции, высылались отдельные кавалерийские и пехотные части.

Во многих случаях указания полиции о сборищах народа и беспорядках, по высылке войск, оказывались неверными.

Васильевский остров. Флиг.-адъютант полковник Орлов.

В ночь на 10 января серьезных беспорядков на Васильевском острове не было. Полицией было арестовано лишь около 50 хулиганов, занимавшихся грабежом.

В 5 часов 45 минут дня по телефону от пристава было получено сообщение, что толпа идет к оружейному складу Шаффа (на 14-й линии) с целью его разграбить. Части, находившиеся вблизи склада, с поддержкой высланного к ним ½ эскадрона улан, заставили толпу рассеяться, не прибегая к помощи оружия.

Арестованные за 9 и 10 января лица, в числе 148 человек, ночью, под конвоем одной роты л.-гв. Финляндского полка и конной полиции, были отведены в Спасскую часть.

Петербургская часть. Ген.-майор Рагозин.

На Петербургской стороне в течение дня было спокойно, за исключением беспорядков, производимых хулиганами с целью грабежа съестных лавок.

Выборгская часть. Ген.-майор Белов.

В 10 часов утра, по требованию полиции, был выслан разъезд драгун на угол Сампсониевского проспекта и Нейшлотского переулка. Разъезд нашел значительное скопление народа, рассеять которое уговорами не удалось; в разъезд бросались из толпы железные гайки и болты, вследствие чего в 11 часов туда же был выслан эскадрон драгун, по прибытии которого толпа разошлась без сопротивления.

Коломенская и Нарвская части. Свиты его в. ген.-майор Порецкий.

В районе Коломенской и Нарвской частей серьезных нарушений порядка не было.

Экстренно вызвана была полицией лишь одна полурота л.-гв. Измайловского полка в Мясную улицу, где

толпа рабочих принялась было разбивать лавки и стекла в окнах и фонарях, и одна рота л.-гв. Измайловского полка — в Александровский рынок, где толпа пыталась грабить лавки. В обоих случаях толпа разошлась при появлении воинских частей после словесных увещаний.

Александро-Невская и Рождественская части и Шлиссельбургский участок. Ген.-майор Ширка.

В 3 часа дня две сотни атаманцев были вызваны на Знаменскую площадь ввиду значительного скопления народа на Невском проспекте. Сотни высылали разъезды по окружающей местности, оттесняя и рассеивая бесчинствующую толпу. Последняя не оказывала серьезного сопротивления, вследствие чего к действию оружием прибегать не приходилось.

Московская часть. Ген.-майор Лангоф.

В 9 часов утра из состава частей района были выделены 2 роты л.-гв. Семеновского полка и отправлены на станцию Колпино для смены находившегося там л.-гв. 1-го стрелкового его величества батальона.

В 5 часу дня 1-я рота л.-гв. Семеновского полка и ½ эскадрона драгун были посланы к типографии «Правительственного вестника», ввиду полученного от пристава уведомления об ожидаемом разгроме типографии. Драгуны очистили прилегающие улицы, и к 7 часам вечера, ввиду полного спокойствия около типографии, части вернулись обратно.

Казанская, Спасская и Литейная части. Ген.-майор Гадон.

В районе Казанской, Спасской и Литейной частей серьезных беспорядков не было и войскам действовать не приходилось. В 8½ часов утра в состав войск района была вызвана л.-гв. Уральская казачья его величества сотня, которая тотчас была отправлена к дворцу великого князя Сергея Александровича. От нее по окружающей местности высылались разъезды, несколько раз для рассеивания скоплявшихся рабочих высылались взводы, а два раза выходила вся сотня. Толпа серьезного сопротивления не оказывала, и действовать оружием не приходилось. Во время действий около Гостиного двора один казак упал вместе с лошадью и переломил себе левую ногу.

На Путиловском заводе, занятом четырьмя ротами л.-гв. Егерского полка, было покушение на поджог здания, не удавшееся вследствие подхода пехотного дозора.

Адмиралтейская часть. Ген.-майор Щербачев.

В районе Адмиралтейской части все было спокойно.

От Кавалергардского полка несколько раз высылались эскадроны по вызову полиции: 1 эскадрон в 2 часа дня на Сергиевскую улицу, 1 эскадрон в 7 часов вечера к водокачке и 1 эскадрон в 8 часов вечера на угол Кирочной и Воскресенского. Все

три раза тревога оказывалась ложной, и эскадроны возвращались, не обнаружив ни толпы, ни беспорядка.

Царскосельский район.

В 9 часов вечера, по приказанию коменданта императорской главной квартиры, из Царского села был выслан отряд под общим начальством генерал-майора Кашерининова, в составе л.-гв. 1-го его величества и 4-го императорской фамилии стрелковых батальонов, л.-гв. Гусарского его величества и Кирасирского его величества полков и 4 орудий конной батареи Офицерской артиллерийской школы, в дд. Кузьмино и Пулково для преграждения пути большой толпе рабочих, которая, согласно полученным сведениям, направилась из С.-Петербурга в Царское село.

Одновременно с этим и из С.-Петербурга в 11 часов вечера был выслан конный отряд из 5 эскадронов, под начальством генерал-майора князя Багратиона-Мухранского, с целью нагнать и вернуть обратно направившуюся в Царское село толпу.

Однако разъезды, высланные из Царского села, никакой толпы на Московском шоссе не обнаружили, вследствие чего царскосельский отряд к 11 часам ночи вернулся обратно в Царское село.

Конный отряд, высланный из Петербурга, успел дойти до Средней Рогатки, где встретил посланные ему навстречу разъезды кирасир, и, узнав от них об отсутствии на шоссе какой бы то ни было толпы, ночью возвратился обратно.

В общем 10 января всюду прошло спокойно. Толпы народа, где таковые собирались, расходились при появлении воинских частей без особого сопротивления, вследствие чего к действию оружием нигде прибегать не приходилось. Кое-где беспорядки были произведены, главным образом, небольшими шайками хулиганов, пытавшихся бесчинствовать и грабить лавки; все эти беспорядки легко прекращались самой полицией, в редких случаях лишь прибегавшей к содействию войск.

Старший адъютант
подполковник [подпись].

Диспозиция на 10 января.

Васильевский остров.
Флигель-адъютант полковник Орлов

Л.-гв. Финляндского полка . .	2 бат.	2 роты — Николаевский мост; 1 рота — Дворцовый мост; 1 рота — против
» Казачьего полка	2 сот.	

Л.-гв. Уланского ее вел. полка	2 эск.	Горного института; 2 роты — угол 6-й линии и Среднего проспекта; 2 роты — угол Малого пр. и 5-й линии. Общий резерв 1 р., 2 эск., 2 сот.
89 пех. Беломорского п. (фабр. Лаферм)	1 р.	
	2¼ бат. 2 эск. 2 сот.	

Петербургская часть.
Генерал-майор Рагозин

Л.-гв. Гренадерского полка	1 бат.	2 роты — Биржевой мост; 2 роты — Троицкий мост; 2 роты — Большой проспект, Петербургская сторона. 2 роты, 1 сотня, 1 эскадрон — резерв.
» Павловского полка	1 »	
» Уланского ее вел. полка	1 эск.	
» Казачьего его вел. полка	1 сот.	
	2 бат. 1 сот. 1 эск.	

Выборгская часть.
Генерал-майор Белов

Л.-гв. Московского полка	2 бат.	2 роты — Литейный мост; 2 роты — клиника Вилие. 4 роты, 2 эскадрона — резерв.
» Уланского ее вел. полка	1 эск.	
» Драгунского полка	1 »	
	2 бат. 2 эск.	

Коломенская и Нарвская части.
Свиты е. в. ген.-майор Порецкий

Гвардейского экипажа	1½ бат.	Нарвские ворота — 2 роты, 1 эскадрон; Лейхтенбергская ул.—1 рота; Варшавский мост — 1 рота; Старый Калинкин мост — 2 роты, 1 эскадрон; в Нарвской части — 4 роты, 2 эскадрона (верфь); Новый Калинкин мост—1 рота; угол Английского пр. и Мойки—1 рота; Английская набережная против Замятина пер. — 2 роты; Митрофановское шоссе — 1 рота; Измайловский мост — 1 рота; Египетский мост — 1 рота; угол Офицерской и р. Пряжки — 1 рота; угол Английского пр. и Торговой ул.— 1 рота; угол Рижского пр. и Таракановой — 1 рота; угол Английского и Екатерингофского проспектов—1 рота.
Л.-гв. Измайловского полка	2 »	
91 пех. Двинского полка	¾ »	
93 » Иркутского полка	½ »	
96 » Омского полка	½ »	
Л.-гв. Конно-гренадерского полка	4 эск.	
	5¼ бат. 4 эск.	

Александро-Невская, Рождественская части и Шлиссельбургский участок.
Генерал-майор Ширма

Л.-гв. Атаманского полка	4 сот.	Архангелогородский мост у Невы — 2 роты и 1 сотня; Невский, 91 (Александро-Невская часть) — 2 роты, 1 эскадрон и 1 сотня и у Шлиссельбург-
» Драгунского полка	1 эск.	
» Преображенского полка	½ б.	
90 пех. Онежского полка	½ »	

91 пех. Двинского полка . . . . ¼ б.	ской части — 2 сотни; Знаменская площадь — резерв — 2 роты. Новокаменный мост, угол Лиговской и Обводной — 1 рота; Малая Болотная, 17 — 1 рота.
89 » Беломорского полка . . ¼ »	
198 » рез. Александро-Невского п. . . . . ½ »	
2 бат. 1 эск. 4 сот.	

Московская часть.
Генерал-майор Лангоф

Л.-гв. Семеновского полка . . 2 бат.	2 роты — угол Боровой и Обводного канала; Московская застава — 2 роты; Ново-Московский мост (Обводный канал) — 2 роты. Московская часть — 4 роты, 1 эск. — резерв.
» Егерского полка . . . . ½ »	
» Драгунского полка . . . 1 эск.	
2½ бат. 1 эск.	

Казанская, Спасская и Литейная части.
Генерал-майор Гадон

Л.-гв. Преображенского полка ¾ бат.	1-й Спасский уч. — 1 р., 1 эск. л. драгун; Гостиный двор — 1 р. и 1 эск. конно-гренадер; Казанская, № 3 — 1 р. и 1 эск. л.-драгун; Дума — 1 рота; дворец великого князя Сергея Александровича — ¾ сотни.
» Саперного батальона . . ¼ »	
» Уральской его вел. сотни ¾ сот.	
» Конно-гренадерского полка . . . . . 1 эск.	
Л.-гв. Драгунского полка . . . 2 »	
1 бат. 3 эск. ¾ сотни	

Адмиралтейская часть.
Генерал-майор Щербачев

Л.-гв. Павловского полка . . . 2 бат.	2 роты л.-гв. Преображенского полка в 7½ час. утра занимают Зимний дворец, в 11 час. утра на Дворцовую площадь прибывают остальные части.
» Преображенского полка . ¾ »	
» Кавалергардского ее вел. полка . . . . . 4 эск.	
Л.-гв. Казачьего его вел. полка 1 сот.	
» Конного полка . . . . . 4 эск.	
2¾ бат. 8 эск. 2 сот.[1])	

Описание действий войск 11 января 1905 г.

Расположение войск. Войска были расположены согласно диспозиции [2]). По усмотрению начальников районов некоторые части в течение дня были помещаемы под крышей на отдых.

Действия войск. Ночь с 10 на 11 января. Ночь с 10 на 11 января всюду прошла спокойно. Только на Васильевском острове было задержано 2 человека, захваченных при попытке срубить электрический столб.

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) При сем прилагаемой. — Прим. в подлиннике.

11 января. В течение дня во всех районах также было спокойно и серьезных беспорядков не возникало.

В районе Васильевского острова, на 8-й линии за Малым проспектом, несколько человек рабочих пытались врываться в мелочные лавки с требованием денег и еды. Порядок был легко восстановлен, причем один из рабочих был задержан. В продолжение дня было еще несколько арестов, по указанию полиции; всего было задержано 8 человек, в том числе 3 студента. 3 студента были с небольшими поранениями; одного избили рабочие, стащив с вагона конно-железной дороги, другие два, по их рассказам, были поранены казаками, а по свидетельству казаков — городовыми во время их задержания. Один из этих студентов был арестован за подстрекательство толпы к беспорядкам.

В районе Казанской и Спасской частей вечером погасло электрическое освещение на всем участке Невского проспекта между Казанским и Полицейским мостами, ввиду чего по Невскому посылались усиленные разъезды и пехотные дозоры. Такие же разъезды и дозоры охраняли порядок вокруг Гостиного двора и по Александровской линии на Садовой улице. Толпа бывала довольно густой, но беспорядков и бесчинств не производила. Около 5 часов дня три взвода л.-гв. Преображенского полка, по требованию полиции, были высланы в пассаж для охранения магазинов. Позднее один из рядовых л.-гв. Преображенского полка, находясь в дозоре около пассажа, пытался задержать одного из студентов, оскорблявшего войска бранными словами, но был в это время ранен в шею другим студентом, успевшим после того скрыться в толпе. Рана, по свидетельству врача, относится к разряду тяжких.

Отдельные командировки на 11 января. Ввиду возникновения необходимости в охране Сестрорецкого и Охтенского порохового заводов, на означенные заводы 11 января были командированы особые воинские части: на первый — эскадрон Офицерской кавалерийской школы и 2 крепостных батальона из Кронштадта, а на второй — $^1/_2$ эскадрона от Гвардейской конно-артиллерийской бригады при 2 орудиях.

Кроме того высылались небольшие части для охранения транспортов военного ведомства во время перевозки их через Петербург согласно требованию окружного артиллерийского управления.

Старший адъютант

подполковник [подпись].

Диспозиция на 11 января.

Васильевский остров.	
Флигель-адъютант полковник Орлов	
Л.-гв. Финляндского полка . . 1¾ бат.	2 роты — Николаевский мост; 1 рота — Дворцовый мост; 1 рота — против Горного института; 2 роты — угол 6-й линии и Среднего пр.; 2 роты — угол Малого проспекта и 5-й линии. Общий резерв — 3 эскадрона, 2 сотни.
» Казачьего его вел. полка 2 сот.	
» Уланского ее вел. полка 3 эск.	
89 пех. Беломорского п. (ф. Лаферм) . . . . . ¼ бат.	
2 бат. 3 эск. 2 сот.	
Петербургская часть. Генерал-майор Рагозин	
Л.-гв. Гренадерского полка . 1½ бат.	2 роты — Биржевой мост; 2 роты — Троицкий мост; 2 роты — Большой проспект, Петербургская сторона. 2 роты, 1 эскадрон, 1 сотня — резерв [1])
» Павловского полка . . 1 »	
» Уланского ее вел. полка 1 эск.	
» Казачьего его вел. полка . . . . . 1 сот.	
2½ бат. 1 эск. 1 сот.	
Выборгская часть. Генерал-майор Пыхачев	
Л.-гв. Московского полка . . . 2 бат.	2 роты — Литейный мост; 2 роты — клиника Вилие; 4 роты, 2 эскадрона — резерв.
» Уланского ее вел. полка 1 эск.	
» Драгунского полка . . . 1 »	
2 бат. 2 эск.	
Коломенская и Нарвская части.	
Свиты его вел. ген.-м. Порецкий	
Гвардейского экипажа . . . . 1½ бат.	Нарвские ворота — 2 роты, 1 эскадрон; Лейхтенбергская улица — 1 рота; Варшавский мост — 1 рота; Старый Калинкин мост — 2 роты, 1 эскадрон; в Нарвской части — 3 роты, 1 эскадрон (верфь); Новый Калинкин мост — 1 рота; угол Английского пр. и Мойки — 1 рота; Английская набережная против Замятина пер. — 2 роты; Митрофановское шоссе — 1 рота; Измайловский мост — 1 рота; Египетский мост — 1 рота; угол Офицерской и р. Пряжки — 1 рота; угол Английского проспекта и Торговой улицы — 1 рота; угол Рижского проспекта и Тараканова улицы — 1 рота; угол Английского и Екатерингофского пр. — 1 рота [2]).
Л.-гв. Измайловского полка . 2 »	
91 пех. Двинского полка . . ½ »	
93 » Иркутского полка. . ½ »	
96 » Омского полка . . . ½ »	
Л.-гв. Конно-гренадерского полка . . . . . 3 эск.	
5 бат. 3 эск.	

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Рота Гвардейского экипажа назначена охранять главный почтамт.— Примечание в подлиннике.

Александро-Невская, Рождественская части и Шлиссельбургский участок.
Генерал-майор барон Нетгельгорст

Л.-гв. Атаманского полка	4	сот.
» Преображенского полка.	1/2	бат.
90 пех. Онежского полка	1/4	»
91 » Двинского »	1/4	»
89 » Беломорского полка	1/4	»
198 п. р. Александро-Нев. полка	1/2	б.
	1 3/4	бат. 4 сот.

Архангелогородский мост у Невы — 2 роты и 1 сотня; Невский, 91 (Александро-Невская часть) — 2 роты и 1 сотня и у Шлиссельбургской части — 2 сотни; Знаменская площадь — резерв — 1 рота; Новокаменный мост, угол Лиговской и Обводной — 1 рота; Малая Болотная, 17 — 1 рота.

Московская часть.
Генерал-майор Лангоф

Л.-гв. Семеновского полка	1 1/2	бат.
» Драгунского полка	1	эск.
	1 1/2	бат. 1 эск.

Угол Боровой и Обводного канала — 1 рота; Московская застава — 1 рота; Ново-Московский мост (Обводный канал) — 1 рота; Московская часть — 2 роты, 1 эскадрон — резерв [1]).

Казанская, Спасская и Литейная части.
Генерал-майор Сирелиус

Л.-гв. Преображенского полка.	3/4	бат.
» Егерского полка	1/2	»
» Саперного батальона	1/8	»
» Урал. каз. его вел. сотни	3/4	сот.
» Конно-гренадерск. полка	1	эск.
» Драгунского полка	2	эск.
	1 3/8	бат. 3 эск. 3/4 сот.

Гостиный двор — 1/2 роты и 1 эскадрон конно-гренадер; Казанская № 3 — 1 рота и 1 эскадрон л.-драгун; Дума — 1 рота; дворец великого князя Сергея Александровича — 3/4 сотни уральцев; угол Невского и Литейного проспектов — 2 роты егерей и 1 эскадрон л.-драгун. [1]).

Адмиралтейская часть.
Генерал-майор Гадон

Л.-гв. Павловского полка	1 3/4	бат.
» Преображенского полка	1/2	»
Кавалергардского ее вел. полка	3	эск.
Л.-гв. Конного полка	3	»
» Конно-гренадерск. полка	1	»
	2 1/4	бат. 7 эск.

2 роты л.-гв. Павловского полка и по 1 эскадрону Кавалергардского и л.-гв. Конного полков занимают Зимний дворец; 1 эскадрон л.-гв. Конно-гренадерского полка — в Мраморном дворце. В 11 час. утра на Дворцовую площадь прибывают остальные части.

Сверх того отдыхают по одному эскадрону от полков Кавалергардского л.-гв. Конного и Драгунского и одна сотня от л.-гв. Казачьего его величества.

Описание действий войск 12 января 1905 г.

Расположение войск. Войска были расположены согласно диспозиции [2]). Разрешено было разместить части в теплых помещениях, оставив на улицах лишь необходимые дозоры и часовых.

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Будет представлена дополнительно. — Прим. в подлиннике.

Кроме того, по усмотрению начальников района, часть наряда (около 1/4) могла быть отпущена на отдых.

Действия войск. Ночь на 12 января.

В ночь на 12 января, ввиду предстоящего перевезения трупов убитых 9 января из больниц на кладбища, войсками, по требованию полиции, были приняты соответствующие меры предосторожности.

В районе Васильевского острова около больницы Марии Магдалины к 3 часам ночи была скрытно расположена половина сотни казаков, которая затем следила за перевозкой трупов до соприкосновения с кавалерийской частью, высланной на Петербургской стороне (которая, в свою очередь, провожала далее до станции Финляндской железной дороги). Кроме того 1 эскадрон улан освещал всю местность в районе перевозки, и 1 рота л.-гв. Финляндского полка была скрытно расположена у Тучкова моста.

К 7 часам утра охранение было снято. Ни толпы, ни беспорядков нигде не было.

В районе Московской части, ввиду вывоза в 7 часов утра тел из Обуховской больницы на Николаевский вокзал, также 1 рота пехоты была расположена наготове с 3 часов ночи во дворе 3-го батальона л.-гв. Семеновского полка против Гороховой улицы, но в 5 часов утра снята за ненадобностью. Вместо того к 7 часам утра 1 рота и 1 эскадрон были отправлены в 4-й участок Московской части (Клинский пер.), а в 9 часов утра возвращены обратно. Надобности в них не представилось, так как порядок нигде не был нарушаем.

День 12 января.

День 12 января прошел спокойно, и никакого беспорядка нигде (кроме кладбища на ст. Обухово) не было обнаружено.

В районе Петербургской стороны войска несколько раз были вызываемы полицией, но каждый раз тревога оказывалась ложной, а сведения полиции о движениях толпы рабочих — неверными.

На кладбище у станции Обухово в 10 часов утра была вызвана полицией половина сотни атаманцев, стоявшая на Обуховском заводе. До прибытия сотни настроение собравшейся толпы было крайне возбужденное, но с приходом ее толпа сама стала расходиться. С прибытием на кладбище к 1 часу дня конной полиции половина сотни возвратилась на завод.

Отдельные командировки.

Кроме указанных выше случаев вызова войск, отдельные воинские части были наряжаемы для сопровождения транспортов с консервами и мазутом, согласно требованиям окружного интендантского и главного военно-медицинского управлений.

Старший адъютант подполковник [подпись].

---

25 лет назад.

Из дневников Л. Тихомирова.

В «Красном архиве» уже были опубликованы воспоминания и часть дневников Л. Тихомирова, относящиеся к начальному периоду его отхода от революции и первых лет жизни по возвращении в Россию. Здесь мы публикуем часть его дневников, относящуюся к революции 1905 г. К этому времени Л. Тихомиров занял довольно прочное положение в рядах черносотенной журналистики, сделавшись правой рукой Грингмута и идейным вдохновителем «Московских ведомостей». Он в это время был довольно тесно связан с зубатовской организацией и ее московскими руководителями—охранниками Афанасьевым, Красивским и К°, писал «исследование» под заглавием «Монархическая государственность», окружил себя монахами, попами и светскими церковниками. В качестве фактического редактора «Московских ведомостей» Л. Тихомиров не мог не интересоваться политическими событиями того времени. Начавшаяся русско-японская война, всколыхнувшая все слои населения, естественно, выбила из колеи и этого бывшего революционера, укрывшегося в стенах монархической редакции под защитой полицейского участка.

Изо дня в день Тихомиров писал в «Московских ведомостях» статьи о славе русского оружия, незыблемости основ самодержавия, необходимости упорной и беспощадной борьбы с «крамолой». В то же время на страницах своего дневника, оставаясь наедине с собой, он не менее беспощадно разоблачал моральное и политическое убожество, гниль и разложение того строя, которого официальным защитником и трубадуром он был.

Л. Тихомиров искал тихого пристанища, спасения от революционных бурь в служении самодержавной России. Мертвящий режим александровской эпохи, распад революционных организаций, тяжелое личное материальное положение привели Тихомирова, уже давно чувствовавшего себя «чужим» в стане революции, в стан защитников царизма. Здесь он думал найти успокоение и возможность материального обеспечения. Всплески новой революционной волны заставили его почувствовать всю зыбкость почвы, на которой он хотел укрепиться. Он скоро понял, что его надеждам на «мирное житие» не суждено осуществиться.

Этого ренегат не мог простить царизму. В моменты нарастания революционной волны, когда он чувствовал неизбежность гибели самодержавного строя, он в своем дневнике не находил достаточно сильных выражений, чтобы заклеймить этот строй, обманувший его надежды.

Для характеристики личности самого Тихомирова эти места дневников очень любопытны. Но они представляют также несомненный исторический интерес, поскольку Тихомиров невольно отобразил в своем дневнике настроение среднего русского обывателя, умевшего наблюдать и довольно хорошо записывать виденное.

Публикуемая здесь часть дневника охватывает период русско-японской войны до разгрома революции 1905 года.

Общую обстановку и свое настроение в начале 1904 г. Тихомиров рисует так: «В Питере готовятся придворные балы. У нас, у великого князя, первый бал был вчера, и Грингмут был. Такова жизнь: с одной стороны — балы, с другой — беспорядки, с третьей — война. А в то же время — скучно на свете» (16 января).

Войны он хочет и боится. «Может быть, война была бы полезна, только при условии жестокого поражения японцев. К несчастью, если война и будет, то я не верю в русскую победу. Правительство слишком нерешительно и неспособно на сильные удары. Никакое геройство войне не поможет».

«Порт-артурские пушки загремели с чувством и достоинством», — записывает он 28 января, а на другой день, при первых же известиях о неудачах, он уже пишет: «Мы почти погибли.... Япония имеет правительство, быть может, самое великое в своей истории; мы имеем самое слабое, какое только было до сих пор, беспримерно слабое». Впрочем настроен он в эти дни все же довольно воинственно. Клеймит Ламздорфа в связи со слухами, что министр иностранных дел поднимает «подлый голос в пользу миролюбия», брюзжит на царя, что он якобы настроен «миролюбиво», сам Тихомиров готов «воевать с целым светом». При новых известиях о неудачах он восхищается японцами: «Бесстрашные, настоящие воины, смелы до полной дерзости.... Нельзя не любоваться» и т. д. А русские?.. «Интеллигенция — какая-то разлагающаяся гниль», русская эскадра трусливо держится под батареями, не смеет нападать, «плохие моряки», «движение Рейценштейна тоже совсем дрянное» (13 февраля).

Через месяц Тихомиров подводит итоги: «Десять лет находимся в истинном гниении, по всем внутренним делам. Нелепым ведением внешних дел подготовили войну японскую и вот уже целый месяц испытываем срам. Самое лучшее, что мы узнаем, это то, что мы еще не биты, успели спрятаться и т. п. Итак, даже и в военном отношении то же самое, что во внутренних делах. Куда еще итти в позорности положения!»

Любопытны записи Тихомирова о беседе с Треповым по поводу возникновения войны: «Рассказывал [Трепов], что государь был введен в заблуждение Ламздорфом и Безобразовым, которые уверяли, что войны не будет. Алексеев их поддерживал тоже. Понятно недовольство государя... Войну он решил перенести на острова и вообще раз навсегда решить вопрос, разбив Японию врах. Если Америка или Англия будут вмешиваться — бить и их, вообще действовать: «пан или пропал».... Тут же очень интересное замечание: Трепов «досадует, что правительство не пользуется этим временем для того, чтобы удовлетворить законные желания верных подданных и раздавить этим всякую революцию».

После разгрома флота он констатирует: «Война идет очень плохо, и правительство теряет последние искры авторитета в России. Оно, действительно, еще хуже, чем я предполагал». И дальше: «Мне все больше кажется, что Алексеев — дубина», «по-моему, и

Куропаткин — скотина и дурак. Раскричали неизвестно за что!» «Неужели мы стали уже такая сволочь, что даже драться не умеем? По уму — ослы, по знаниям — невежды, по нравственности — развратники. И в довершение уже и не воины... И это естественно... Для войны нужны не люди Гаагских конференций, а герои»...

О положении в русской армии и, в частности, о взаимоотношениях Алексеева и Куропаткина Тихомиров делает интереснейшую запись 29 июня со слов бывшего в Манчжурии Хилкова и его свиты. Картина обеда во дворце наместника, охарактеризованная Тихомировым «собачьей комедией», поистине незабываема. Действия Алексеева в отношении Куропаткина он, со слов Хилкова, прямо именует «изменническими», — и, действительно, иными назвать их трудно.

Характерны записи о Плеве. 7 апреля после взрыва в «Северной гостинице» Тихомиров пишет: «Плеве теперь нужнее, чем когда-либо. Без него едва ли кто сумеет поддержать порядок, который теперь важнее всего». А вот запись от 9 августа (после убийства): «Убийц ругали. Но о самом Плеве я не слыхал ни одного слова сожаления... Нигде сожалений, нигде проявления симпатии... Никому он не сделал добра. Всем надоел. Говорят, будто бы и государь отнесся холодновато... Множество людей ожидали от него многого. Он всех слушал, всем, попросту сказать, лгал, морочил всех, будто он о чем-то думает. Постепенно всех честных людей устранял, а сам т о л ь к о душил и б о л ь ш е н и ч е г о. Плеве был глубокий, до мозга костей, б ю р о к р а т, носил в своей душе и сердце то величайшее зло, от которого гибнет Россия».

В конце 1904 г. война в дневнике отодвигается на второй план. Революционное движение заставило Тихомирова все больше и больше уделять внимания событиям внутри страны. «Очень похоже на близость внутренней потасовки,— записывает он 26 октября.— Между тем правительство — слабое и жалкое — вдобавок, вполне утратило свой авторитет. Его никто не уважает, не боится, не верит ему»... 5-го ноября Тихомиров записывает мнение Трепова: «Едва ли удастся нам избежать кровопролития». В декабре Тихомиров уже пишет о возможности гибели самодержавия: «Замечательная вещь. Пожалуй, что монархия погибнет»... Сдачу Порт-Артура он расценивает, как «последний удар нашей монархии». Под новый год он прямо пишет: «Монархия, сорганизованная Александром III, распалась вдребезги и обнаружила свою полную несостоятельность»... «Уж лучше бы это правительство хоть рушилось поскорее, — восклицает он 4 января, — даже нестерпимо жить в подобной бессмысленной анархии».

Довольно подробные записи имеются в дневнике о событиях 9 января. Чрезвычайно интересна, между прочим, его запись о Гапоне, относящаяся к 19 мая 1904 г. «Относительно священника Гапона, с которым о. [Григмут] виделся, Григмут положительно заявляет, что он состоит на жаловании у охранного отделения, а в то же время называет его революционером».

События 9 января Тихомиров считает «форменной революцией». Довольно подробно говорит он об отголосках 9 января в Москве. Правительство после 9 января он уже аттестует «гнусным». «Россия — погибшая, презренная, развратная, идиотская страна. Но все это во сто раз больше относится к гнусному нашему правительству». И дальше: «Нет ничего гнуснее вида нынешних начальств решительно везде... В администрации

в церкви, в университетах... И глупы, и подло трусливы, и ни искры чувства долга. Я уверен, что большинство этой сволочи раболепно служило бы и туркам и японцам, если бы они завоевали Россию.... Часть из них — принципиальные враги самодержавия и желают конституцию. Но и среди этих — мечтают о карьере и выгоде, а помогают «революции» потому, что это совершенно безопасно. Это — мало сказать — безопасно,— это менее опасно, чем мешать «революции». Здесь Тихомиров дает портрет самого себя. Разочаровавшись в своих надеждах на прочность самодержавия, он уже злобно клеймит самодержавие и его слуг, — он готов был бы даже помогать «революции», если бы не сознавал, что его помощь последнею не будет принята...

В одном месте дневника (14 марта) он делает такой вывод: «Правительства не только нет, но, кажется, н е м о ж е т б ы т ь. А так как страна погибает, то правительство д о л ж н о возникнуть с н и з у. Но и это трудно представить без отчаянной резни»... «Что мы, простые русские, — как я, например, — можем сделать?» спрашивает он. И отвечает: «Ничего ровно. Сиди и жди, пока погибнешь»... Другого ответа для себя Лев Тихомиров найти не мог. Отсюда его ничем не сдерживаемое озлобление и против самодержавного правительства и против революции.

Довольно обширный дневник Л. Тихомирова за эту эпоху сохранился полностью. В настоящей публикации опущены те части дневника, которые относятся к семейным делам автора. Опущены также многие цитаты из газет того времени, включенные Тихомировым в некоторые части дневника. В остальном текст дневника публикуется полностью. Подлинник его хранится в Особом отделе Центр. Истор. Архива в Москве.

1904 ГОД.

3 я н в а р я.

Сегодня — почти лежу, в доме никого, кроме Клавдии, кухарки. На парадной звонок, и она пускает без доклада. Вот и является — хочешь не хочешь — Афанасьев (Михаил Афанасьевич) [1]); пришлось посидеть и с ним. Рассказал, что Воронов [2]) будет читать не в Комиссии [3]), а на районных собраниях, и что он обещает привлечь еще несколько приват-доцентов. «А кто же распоряжается этими чтениями»? — «Совет рабочих»... Далее говорил, что Плеве [4]) обещал разрешить все 8 касс рабочих и дать в ссуду (безвозвратно) 20 000 р. [5]). Будто Плеве говорил, что он уже давно все это разрешил, но дело задерживается министерством финансов. «Однако, — прибавил Афанасьев, — и з д р у г и х*) источников мы знаем, что никаких таких предложений от Плеве в министерство финансов не поступало...» [6]).

Великий князь [7]) принимал на новый год депутацию рабочих и пожелал и м и с п о л н е н и я в с е х и х ж е л а н и й.

---

*) Разрядкой здесь и ниже набрано подчеркнутое в подлиннике.

«Ну, — спрашиваю, — а в Петербурге тоже разрешают кассы, чтения, собрания?»

— «Нет, ничего не разрешают».

Спросил, не слыхал ли он чего о Зубатове? [8]) Рассказал, что он в формальной ссылке во Владимире, по высочайшему повелению, и даже не имеет паспорта, а живет по проходному свидетельству (я когда-то тоже жил по проходному свидетельству, когда состоял под надзором полиции). Лишен он и пенсии, после 17 лет службы, а получает от директора деп. полиции пособие — 250 р. в месяц, причем директор обязан следить за ним и может прекратить выдачу пособия в случае неудовлетворительности поведения Зубатова...

Кара, стало быть, весьма суровая.

Сам Афанасьев, вероятно, останется при Комиссии общеобразовательных чтений. Он получает 25 р. жалованья в месяц и 25 р. разъездных. Ведет все счета и расходы. В 1903 г. через его руки прошло 19 908 р. с копейками. Инвентаря им накуплено на 8 000 р. И — говорит — никто в Комиссии даже не следит, где этот инвентарь, цел ли и т. п. Вообще Комиссия эта — так: ширма какая-то. Устава и определенных прав до сих пор нет. Все делает Трепов [9]). На 1904 г. он решил отпустить 25 000 р. на Комиссию.

5 января. Воскресенье.

Я и нездоров и в апатии. Ничего не делаю. Даже свою «Монархическую государственность» забросил опять. Правду сказать — не к чему себя мучить. Россия меня знать не хочет, да и сама монархия не интересуется собою.

За таков строй стоят интересы могущественного чиновничества, которое не допустит до царя ничего, способного воскресить монархию, ни — подорвать господство бюрократии. Эта сила необоримая. Против нее могут быть отдельные «идеалисты» вроде Киреева [10]), Хомякова или меня. А если монархия совсем рухнет, — не чиновничество будет плакать; оно тогда еще лучше устроится, ставши политиканским сословием.

Ничего не поделаешь — сила!

Повидимому, японская ссора совсем утихает. Объегорят они нас и без войны.

12 января.

Сегодня в редакции рассказывал Воронов, что рабочие его (Соколов [11]), Красивский [12]) и К°) очень жаловались на Комиссию народных чтений. В ней, говорят, честные люди — только Парфений да Фудель [13]), да Тихомиров (хотя я и не в Комиссии), остальные —

мошенники. Струженцова особенно ругали и говорили, что хотят его «бить». Ругали также Афанасьева, который, дескать, замошенничивает деньги Комиссии, которые даны «нам, рабочим»... Какая-то каша у них происходит.

13 января.

Получил от Сенумы печальное письмо из Токио *).

Мне приходит на мысль, что, может быть, война была бы полезна, только при условии жестокого поражения японцев.

К несчастью, если война и будет, то я не верю в русскую победу. Правительство слишком нерешительно и неспособно на сильные удары. Никакое геройство войне не поможет.

Наша политика на Дальнем Востоке прямо противоположна той, какая нужна для нравственного воздействия. Мы — жадны, лживы и трусливы. Никогда мы не лгали так невероятно, как на Дальнем Востоке. А в то же время — показываем боязнь войны. Нужно, чтобы нас уважали и боялись. Нас же уличают в обманах и подозревают в бессилии.

Это не обещает добра ни в мире, ни в войне.

Говорят, вчера пьяная студенческая толпа пела у нас под окнами «вечную память» кому-то... Прислуга говорит. Не понимаю смысла. «Вечная память» — выражает почет. Я однако ничего не расслыхал. На мое ухо они кричали скорее или «анафема» или «да здравствует», а на «вечную память» звук не походил.

Впрочем, я занят был писанием статьи и слушал их шум и песни довольно невнимательно.

Позднее Грингмут [14]) мне сказал, что они пели перед его окнами «Со святыми упокой».

16 января.

Трепов уехал в Петербург, по словам Владимира Андреевича [14]), в какую-то комиссию по еврейскому вопросу. Но Владимир Андреевич скрывает от меня что-то по своему «рабочему вопросу». Не сказал даже,

*) В этом письме (от 31 дек. (нов. ст.) 1903 г.) Ив. Сенума пишет:

«Затем я не могу умолчать о натянутых отношениях между Россией и Японией. Это крайне прискорбно за миссию и за церковь нашу. Если теперь, когда еще только толкуют о войне с Россией, успехи нашей проповеди окончательно задержаны, так что теперь не только почти нет вновь обращающихся, но слабые христиане даже отпадают, и всевозможные клеветы и злоба со стороны язычников и языческой печати направляются по адресу нашей церкви, — то что же будет с ней, когда лопнут все отношения между обеими странами?! Беда в том, что язычники никак не могут возвыситься до того разумения, чтобы отвлекать православие от России. Поэтому злоба к России для них нераздельна со злобой к православию».

что получены 20 000 р. на кассы. Неприятный человек своей скрытностью.

Он что-то не очень весел. Но — извольте сами догадываться — почему.

Воронов попался на улице вчера и что-то говорил, что между рабочими ссоры, и он подумывает несколько отстраниться. На улице я не стал говорить. Но в редакции он, тоже мимоходом, говорил, что среди рабочих усилилась революционная пропаганда. Подробный же разговор он имел с Владимиром Андреевичем, который — вот — вовсе ничего не открыл.

Нет ли чего? И Трепов в Питер укатил... Не собирается ли какая гроза? При политике Плеве это очень возможно. Вообще положение тоскливое до тошноты.

На Пироговском съезде [15]) в Петербурге говорились речи антиправительственные. Говорят об арестах или что «начнутся аресты». Был суд над сообщниками Балмашова [16]) (5 человек), но приговора не знаю.

В Питере готовятся придворные балы. У нас, у великого князя, первый бал был вчера, и Грингмут был. Такова жизнь: с одной стороны — балы, с другой — беспорядки, с третьей — война. А в то же время — скучно на свете.

17 января.

Сегодня Тверское губернское и Новоторжское уездное земства лишили на 3 года самоуправления. Правит. сообщение объясняет их проступки, подчас, действительно, весьма безобразные. Назначенным от правительства лицам дана миссия водворить порядок.

Мера крутая. Недовольства она, конечно, вызовет много, и нельзя не пожелать, чтобы водворяли порядок как можно тактичнее, не делая таких раздражающих бесполезностей, как передача школ епархиальному ведению. Надо сказать, что за последнее время там-сям начинает как будто формироваться «консервативная партия». Но она всюду, где проявляет свое существование, совершенно безидейна; видимо, состоит из стариков или ограниченных людей. Едва ли она составит большую опору против мириад либералов и недовольных.

21 января.

Из Петербурга пишут, что мы очень близки к войне с Японией. Ну, может быть, и лучше...

Войска туда идут. Хилков [17]) отправился наблюдать за переправой через Байкал... Но, что важнее всего, сегодня — газетное известие о нарезке земли переселенцам по Китайской железной дороге. Это — шаг решительный, если бы его делали в широких размерах.

А по внутренней части плоховато. Вчера ночью, в редакции, Воронов рассказывал о падении ценностей на бирже. Особенно р е н т а — государственная — каждый день по рублю падает, дошла до 96 р. (я покупал — по 105 р.). Это — падение вследствие заявления Госуд. банка, что он не станет мешаться в биржевые дела. Его представитель даже не показывается на биржу, и все бросились продавать ренту.

Это падение ренты грозит многими экономическими осложнениями.

Цена хлопка почти удвоилась. Фабрики сокращают производство. Это грозит осложнениями с рабочими.

Рассказывал Воронов, что Красивский и Игнатов крайне скучны и обескуражены. Их ругают среди рабочих, на собрания почти не ходят. Рабочие мрачны. Масса прокламаций, но от этих (т. е. С о в е т а, Красивского и прочей компании) скрывают все, так что они даже не знают, откуда идут прокламации. Конечно, прокламации гласят, что правительство обманывает рабочих и ничего для них не сделает.

Среди рабочих слышатся даже разговоры, что дескать как уйдут из Москвы войска (на войну), то нужно «тряхнуть» хорошенько, добиваться интересу своими средствами...

Ну, засим, по сведениям Озерова [18]), Плеве, действительно, ничего не хочет делать. Он считает большим злом, что Зубатов н а п о р т и л. Нужна была с т р о г о с т ь , а он создал идею реформ. Все это, будто бы, Плеве намерен прикрыть. Препятствие составляет великий князь. План Плеве состоял де в том, чтобы удалить от великого князя всех людей, стоящих за реформу. Зубатова отозвал в Петербург, а потом уничтожил. Теперь хлопочет взять в Петербург Трепова. Великий князь не пускает его, но Плеве будто бы действует через государя, доказывая ему, что Трепов необходим для спокойствия Петербурга. Затем, с переходом Трепова, дела с рабочими в Москве придут в беспорядок, и можно будет доказать вел. князю, что следует все прекратить.

Таковы будто бы мысли и планы министра.

Озеров, конечно, тенденциозен, но нельзя не признать, что по связям своим может быть осведомлен.

Если рассказ этот верен, то становится понятным, почему министр устранил меня из Комиссии.

22 я н в а р я.

Владимир Андреевич пишет, что Витте имел 12 января т р е х ч а с о в у ю беседу с государем, излагая ему свой план добыть денег для войны. В этой аудиенции видят начало победы Витте над Безобразовым [19]), который уехал в Швейцарию.

Вот как качаются чашки весов доверия и фавора!

В сущности, как ни антипатичен Витте, но, по крайней мере, умен, а все эти прочие уж очень плохи... Да и по честности и широте идей — кто же выше?

23 января.

Владимир Андреевич поправляет прежнее известие в диаметрально противоположном смысле: «Аудиенция была не на радость Витте: ему предъявили ужасные, последне-полученные известия о его дороге и уличали во лжи».

Ну, видно, что Владимир Андреевич сообщает первые попавшиеся петербургские сплетни, вчера — победа, сегодня падение. Можно считать, что ничего верного нет.

У нас в Москве ничего. Воронов сейчас (ночью) в редакции говорил, что среди рабочих смутно, и его друзья — Красивский с Соколовым — говорят, что, дескать, убежим тайком из Москвы, пока еще ребра не переломали... Ну, это тоже старая история... Воронов говорит, что работа на фабриках сокращается — и это не ново. Говорит, наконец, что предвидятся стачки.

Все это — пустая болтовня, где немыслимо разобрать степень выдумки и правды.

А Трепов в Петербурге отличается: не только представлялся государю, но был дежурным на высочайшем бале вместе с каким-то великим князем. Вот человек, хорошо двинувший свою карьеру в Москве.

25 января. Воскресенье.

Очень важный, быть может, исторический день *).

*) К дневнику приложена вырезка из газеты:

«Циркулярная телеграмма

министра иностранных дел императорским российским представителям за границей.

(Телеграмма «Российского телеграфного агентства»).

Петербург, 24 января 1904 г. По поручению своего правительства, японский посланник при высочайшем дворе передал ноту, коей доводится до сведения императорского правительства о решении Японии прекратить дальнейшие переговоры и отозвать посланника и весь состав миссии из Петербурга. Вследствие сего государю императору благоугодно было высочайше повелеть, чтобы российский посланник в Токио со всем составом императорской миссии безотлагательно покинул столицу Японии.

Подобный образ действий токийского правительства, не выждавшего даже передачи ему отправленного на-днях ответа императорского правительства, возлагает на Японию всю ответственность за последствия, могущие произойти от перерыва дипломатических сношений между обеими империями».

Все это произошло без подготовки. Наш ответ послан Розену [20]) в субботу. Но в ту же субботу Япония, не дождавшись ответа, отозвала посланника.

Это похоже на начало военных действий, или точнее — высадки в Корею... Но возможна еще мысль: может быть, заготовлен п о с р е д н и к, — Соединенные Штаты или еще какая-нибудь шельма. Тогда мы опять можем сыграть в дурака.

Что касается в о й н ы, то мы к ней, несомненно, неготовы. Войска, снаряды и т. д. — все только и д е т, но не дошло. По Китайской дороге, говорят, лежит масса орудий. Однако, как бы ни были неготовы, все-таки лучше война, чем посредничество. В войне возможен успех, в посредничестве — неизбежно поражение: размякнут, все отдадут, будут кругом обмануты наши, а не враги...

26 я н в а р я.

Печальные новости. Оказывается, что Петербургский кабинет делал в своей ноте в с е уступки: 1) влияние Японии во всей Корее, 2) признание верховных прав Китая в Манчжурии и всех трактатов с Китаем, 3) позволение Японии занимать войсками Корею и т. д. Но японцы, узнав о содержании ноты (она была сообщена их посланнику), поторопились прервать переговоры.

Итак, они хотят чего-то бесконечно большого. Или очень уж дики или очень легкомысленны.

Полковник Симанский [21]) говорил, что у нас от Читы до океана 103 000 войск. Из них в поле может быть сосредоточено около 30 000. Силы, конечно, жалкие. Флот — 7 броненосцев против 18 японских.

27 [я н в а р я].

День каторжно-мучительный. С утра телеграмма:

«В с е п о д д а н н е й ш а я т е л е г р а м м а, п о л у ч е н н а я е г о и м п е р а т о р с к и м в е л и ч е с т в о м о т н а м е с т н и к а н а Д а л ь н е м В о с т о к е:

«Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству, что около полуночи с 26 на 27 января японские миноносцы произвели внезапную минную атаку на нашу эскадру на внешнем рейде крепости Порт-Артур, причем броненосцы «Ретвизан» и «Цесаревич» и крейсер «Паллада» получили пробоины. Степень их серьезности выясняется. Подробности представлю вашему императорскому величеству дополнительно.

Генерал-адъютант Алексеев» [22]).

Днем слухи о якобы победе русского флота. Но вот уж 1-й час ночи. Известий нет. Ясно, что биржевая утка.

Положим, японцы напали изменнически, но — все же ужасное начало.

Днем частные слухи о бомбардировке Порт-Артура и морском бое. Известие биржевика о «блестящей победе» русских. Полное отсутствие официальных сведений о потерях японцев *).

28 января.

Приехал Грингмут. Он ровно ничего не знает, но здешние известия, частные и полуофициальные, окончательно выясняют, что наш флот действовал молодецки и что японский флот потерпел жестокое поражение. Если бы наши моряки знали о том, как они растрепали японцев, то, вероятно, могли и истребить их. Но, к сожалению, они не преследовали неприятеля. Правда, что из 10 судов наших — 3 получили пробоины от миноносцев, а 4—в бою. Но у японцев, обратившихся в бегство менее чем через час, потоплено — 1 эскадр. броненосец, 2 броненосных крейсера, 4 миноноски, а 4 контр-миноносца приведены в негодность. У нас же пострадала сильно одна «Паллада», введенная в док.

Мелкие повреждения, аналогичные нашим, у японцев не выяснены еще. Убитых и раненых у нас — 66 человек, у японцев — 370.

В Москве настроение высокое и патриотическое. В земском собрании и в думе, пославших адреса государю, какая-то сволочь, очевидно одна и та же шайка, человек 60, вроде студентов и курсисток, пытались демонстрировать против адреса... Но это — ничтожество, не заслуживающее внимания.

Вообще, благодарение господу, сегодняшний день вознаградил за тревоги и огорчения вчерашнего. Очевидно однако, что нападение японцев имело целью помешать действию нашей эскадры против их десанта в Чемульпо. Быть может, они достигли цели, хотя наши и без того сидели бы смирно, потому что война не была объявлена. Эти негодяи японцы напали изменнически, во время мира...

Все это, может быть, и хорошо. Наше правительство — поистине удручающее. Оно (т. е. Ламздорф) [23]) было уверено, что обманут японцев переговорами и оттяжками, а также и уступками, и что войны

---

*) В дневнике далее следует:

«Позднейшая приписка.

Все эти сведения о нашем «героизме» и о «потерях японцев», как известно, не имеют ничего общего с действительностью. Но тогда мы жили в атмосфере именно таких утешительных, — к сожалению, совершенно ложных слухов. Впрочем, мы и тогда — скоро стали разбираться и замечать, что дела у нас — дрянь».

не будет еще до весны, пока мы не подготовимся. У Ламздорфа лживость азиата соединяется с мозгом пятилетнего дитяти!

Ему ли обманывать кого бы то ни было! И этакая ничтожность, посмешище европейской дипломатии, за грехи России является советником государя!

И, бог весть, сколько бы этот кабинет еще позорил Россию лганьем и уступками, если бы японцы, видя его ничтожность, не начали войны, уверенные в бессилии этой изолгавшейся страны.

Благодарение богу, что теперь, благодаря японской дерзости, выступила на сцену честная русская сила, и не придется еженедельно краснеть перед миром за лживую дипломатию.

Сегодня в Москве — только в одном Успенском соборе — читали м а н и ф е с т о войне. Он вял, безжизнен, ни искры чувства или достоинства.

Но бог с ним! Зато порт-артурские пушки загремели с чувством и достоинством.

29 я н в а р я.

А в Порт-Артуре, повидимому, о ч е н ь с е р ь е з н о. 27 числа японцы отбиты и, видимо, недурно, хотя известий о потерях японцев все-таки нет. И что же? Ночью, с 28 на 29, уже снова они н е с к о л ь к о р а з пытались высадиться в ближних к Порт-Артуру бухтах...

Значит, у них громадные силы собраны в Вей-Хай-Вее. А если так, то должно думать, что их п л а н к а м п а н и и — вовсе не итти за Ялу-Узянь, а захватить Лиао-Тонг. Если это в о з м о ж н о сделать, то план — блестящий. Имея Лиао-Тонг, японцы могли бы двигаться по линиям железных дорог и взбунтовать весь Китай.

План дерзок, в е л и к, если осуществим. Если бы он осуществился, то мы — почти погибли.

Если положение точно т а к о в о, то теперь Порт-Артур становится пунктом почти неслыханной важности в России, а может быть, и мировой истории.

Япония имеет правительство, быть может, самое великое в своей истории. Мы имеем самое слабое, какое только было до сих пор, беспримерно слабое.

30 я н в а р я.

Ночью, в два и три часа, были патриотические демонстрации. Ходили толпы с трехцветными знаменами, «Ура», «Спаси, господи», «Боже, царя храни», «Славься». Останавливались даже перед редакцией, кричали «ура» и кидали вверх шапки.

Главная демонстрация — перед дворцом великого князя, который два раза выходил, раскланивался. Было немало и студентов.

Сегодня то же возобновилось с 7 часов вечера. Теперь 9 часов.

В 10 ч. прошла толпа манифестантов.

31 января.

Слухи бесконечные. Но хорошее — только слухи, а мерзкое — факты. Факт, что «Енисей», ставя мины, сам себя взорвал и погиб.

А слухи — истребление японского флота и десанта у Кьон-Сена, бомбардировка Хакодатэ, гибель японских броненосцев у Порт-Артура, истребление 3 полков десанта на Лиао-Тонге... Хорошее — все в слухах.

Если это хорошее — не выдумка, то морской штаб состоит из идиотов и подлецов.

Очевидно, Старк в Порт-Артуре — совершенная дрянь адмирал, как о нем и говорили всегда.

Замечательно медленно идет время. Всего 4 дня войны, а кажется, будто уж все это было чуть не всегда. За день переживается бесконечно много.

Огорчает меня государь: нет ни одного заявления его без уверений в миролюбии. Ему представляют, что готовы за него умирать, а он отвечает на все лады, что мир необычайно хорошее дело. И откуда у него эта страсть к миру? И что он понимает под словом мир? Прямо удручает меня эта удивительная черта.

Надоели манифестанты! Кажется, начинают уже безобразничать. Остаются одни буяны да мальчишки. Пора бы начальству принять меры к успокоению, пока еще не поздно. Дело, пожалуй, кончится хитровцами.

4 февраля.

За эти дни окончательно определилось, что японский флот потерпел большие повреждения у Порт-Артура. А владивостокская эскадра даже вызвала объявление осадного положения берегов Японии. Наконец, гибель «Варяга» и особенно «Корейца» — это нечто легендарно героическое [21]). Японцы, кажется, несколько опешили, перестали думать взять нас «на уру», и военные действия, кажется, приняли более медленный ход. Они в море, и мы в море, они подвозят войска в Корею, и мы движемся в Манчжурию. Повидимому, серьезное столкновение назревает, но медленно. Может произвести осложнение (и очень!) восстание китайцев, если бы оно произошло... Но, кажется, все стараются его предупредить...

Ждут в Москву государя на первой неделе.

Слышно, что скоро поедет в Манчжурию Куропаткин [25]). Он будет командовать армией, Макаров — флотом, а Алексеев — главнокомандующим. Лишь бы не перегрызлись...

Назначение Куропаткина, говорят, произведено Скрыдловым [26]). Он упал на колени перед государыней и умолял ее, для спасения России, просить у государя назначения Куропаткина... А тот давно рвется, только государь не пускал... Государыня, страшно взволнованная, немедленно провела Скрылова к государю, и дело было сделано.

Повидимому, это хорошо, а то они там, на Востоке, довольно таки вялы. Впрочем, фраза о «спасении России» — чрезмерна. Справились бы, конечно, и без Куропаткина. Беда не в Алексееве, а в «миролюбии». Вот если бы господь избавил нас от этого «миролюбия» самого государя, то, конечно, царствование Николая II могло бы стать великим и славным. Его губит это негодное «миролюбие», которое и подвело нас уже десять раз. А теперь — храни господь — если еще заключат постыдный или даже н е б л е с т я щ и й мир, то наверное начнутся смуты.

Но авось господь бог укрепит, наконец, сердце царево для спасения божия дела, России и русской монархии.

5 ф е в р а л я.

С Дальнего Востока нет новых вестей, только подробности о гибели «Варяга» и «Корейца». Они вполне на совести Ламздорфа.

В Корее у Сеула и к Ялу уже 120 000 японцев... Это не считая юга и Гензана... А у нас на Ялу всего 37 000. Что это за ужасная вещь «миролюбие»! Сколько народу погибнет из за-него! И сколько сраму наберемся? Самое мерзкое то, что успехи японцев взбунтуют китайцев. А тогда — только держись.

По России все частные письма показывают воодушевление. Да что проку.

7 ф е в р а л я.

Грингмут говорил, что Ламздорф снова подымает свой подлый голос в пользу «миролюбия» и, того гляди, предложит Гаагскую конференцию. Вероятно, правда, что он продался Англии...

Однако, появилось в «П р а в и т е л ь с т в е н н о м в е с т н и к е» объяснение, обещающее России, что правительство будет мужественно *).

*) К дневнику приложена вырезка из газеты следующего содержания: «Сегодня, 5 февраля, в «Правительственном вестнике» напечатано:

Прошла неделя, как вся Россия обуреваема чувствами самого глубокого негодования на врага, который неожиданно прервал шедшие переговоры и уда-

Хотя это не есть «правительственное сообщение», но все же нечто в этом роде.

Я написал по этому поводу очень горячую статью, стараясь отразить возможность возвращения к малодушию. Теперь ночь, и Владимир Андреевич, вероятно, трудится над кастрацией этой статьи, которая, действительно, настолько хороша, что может вызвать гримасу Ламздорфа. Хорошо бы, если бы государь его прогнал! Нехорошо в такую минуту иметь такого министра, не только не русского, не только глупого, но неблагонадежного нравственно.

Как слышно, в Туркестане на границе собрано у нас против Индии 200 000 войска, и будто бы туда поедет Куропаткин. Пожалуй, он там лучше, чем в Манчжурии.

Неужто вправду Англия так твердо решилась помогать Японии?

8 февраля.

Куропаткин назначен командующим Манчжурской армии, с отчислением от звания министра... Кто министр — еще не объявлено.

Надо думать, что Линевич [27]) постарается д о прибытия его пожать какие-либо лавры... Вероятно, на-днях услышим о битвах. Но сколько у нас там сил?

ром из-за угла хотел приобрести дешевый успех в давно желанной им войне. Все русское общество с понятным нетерпением желает скорого возмездия и с лихорадочным чувством ждет известий с Дальнего Востока. Единение и мощь русского народа навряд ли позволяют кому-либо на свете сомневаться в том, что Япония понесет достойную кару за свое вероломство и за нарушение мира, сохранение которого для всех народов являлось всегдашним желанием нашего обожаемого монарха. Но вся обстановка войны заставляет нас терпеливо ожидать известий об успехах нашего оружия, которые могут сказаться не ранее начала решительных действий русской армии.

Нападение на самую отдаленную часть нашей территории, отстоящую от центра государства на многие тысячи верст, искреннее желание нашего правительства сохранить мир, что делало невозможным заблаговременную подготовку к войне, заставляет нас употребить немало времени для того, чтобы начать наносить Японии такие удары, которые соответствовали бы могуществу России, и при наименьшем пролитии дорогой русской крови, были бы достойным возмездием нации, дерзко вызвавшей нас на бой. Пусть же русское общество терпеливо ожидает грядущих событий, вполне уверенное, что наша армия заставит сторицею заплатить за брошенный нам вызов. Серьезные операции на суше начнутся еще не скоро, и мы не должны и не можем ожидать быстрых известий о наших действиях на театре войны. Напрасно проливать русскую кровь для быстрой отплаты нашим врагам было бы недостойно величия и мощи России. Наше отечество выказало в эти дни такое единение и такое желание жертвовать всем своим достоянием на пользу дорогой родины, что, без сомнения, всякое достоверное известие и театра войны будет немедленным достоянием всего русского общества».

9 февраля.

О Куропаткине говорят, что поедет на 3-й неделе поста. Не торопится! Может быть, потому, что войск нет. Однако говорят, что есть в крае 200 000. Это вовсе не ничто.

Да, возвращаясь к войне: говорят, что наши рассчитывают пока держаться оборонительно... Как ни мало у нас сил, а я думаю, что это плохая идея. On ne périt que par la défensive [28]).

Не умнее ли было бы с 30 или 40 тысячами энергически вторгнуться в Корею? Если у японцев там хоть и 100 000, то можно было бы кое как бороться до прибытия подкреплений... А то дождемся поголовного восстания китайцев, и тогда все равно не выведешь против японцев больше 50 000, а остальные 200 000 должны будут гоняться за китайцами...

11 февраля.

На Дальнем Востоке, кажется, становится тяжко. «Миролюбие», должно быть, прольет реки крови неповинной...

Вчера «Правительственный вестник» извещал, что «10 числа официальных телеграмм с Дальнего Востока не получено»... Почему? Сегодня тоже не видать их...

А между тем английские известия говорят о высадке японцев около Артура, в Голубской бухте и Талиенване. А о китайцах — что Юаншикай с 65 000 войск и 95 орудиями стоит близь Ляо-Хе, а отряды китайцев в Синминтинь и Чан-ту-фу, т. е. дальше Мукдена, а какая-то шайка режет русских на Ляо-Яне... Ужас что такое! А наместник, дескать, в Харбин уехал... Правда, известия английские, однако! Своих же известий почему-то нет...

Это ужасное «миролюбие» погубит Россию...

Сегодня приезжий из Петербурга рассказывал, что Драгомиров [29]) 3 часа беседовал с государем, доказывая необходимость объявить Англии войну, и что государь с этим согласился... Положим, я думаю, что лучше объявить неподготовленно войну хоть целому свету, нежели быть в гангрене «миролюбия». Но что за политика! То неизвестно с чего «миролюбие», обезоружение России, предоставление своих войск на съедение японцам и китайцам, то — без подготовки объявить войну и Англии.

Но, очевидно, что мы вступаем на какой-то отчаянно трудный путь испытаний, в которых имеем надежду только на бога и «коллективный гений» нации, но политика сверху способна только гневить бога и портить все, что создает гений нации.

Если бы государь хоть прогнал этого дурака и скотину Ламздорфа, который подсказывает только гибельные глупости. Теперь мы все

толкуем о «нейтралитете» Кореи, объявили, что не признаем решений корейского императора в руках японцев. Что это за чепуха? Но тогда, значит, мы не смеем и завоевывать Корею? Несчастье с таким министром!

Этот «нейтралитет» Китая все дает японцам, а для нас хуже войны. Несчастный «Манджур» стоит в Шанхае, и во имя «нейтралитета» его гонят в море, где его сторожит японский крейсер, который его должен истребить... Во имя «нейтралитета» нам не дают угля из Одессы до Порт-Артура.

И этот губитель России — Ламздорф — вместо того, чтобы наплевать на все «нейтралитеты», явно лживые, имеющие целью помощь японцам, — распинается только перед «державами» о нейтралитете и жалуется: «Японцы обижают, нарушают нейтралитет»...

Злополучные наши воины, поставленные в меньшинстве, без припасов, без снарядов, да еще с обязанностью слушать петербургские приказания! Я бы, кажется, на месте Алексеева ничего не слушал и действовал бы по-своему, где нужно выгнал бы Юаншикая, вступил бы в пределы Китая и т. п. Лучше воевать с целым светом, чем находиться в положении барана, которого режут. «Державы» делают с нами то же, что сделала Австрия в Крымскую войну. Дураки были, что тогда послушали, но уж теперь, когда на карте вся участь России, то только смелость могла бы спасти. А у нас — самый идиотический, развратный и не русский министр иностранных дел, какой только был в России в истории.

12 февраля.

Превосходные известия от Алексеева. «Ретвизан» разбил 2 парохода и потопил еще 4... Нападали миноноски и пароходы, начиненные взрывчатыми снарядами.

Их подкрепляли 4 броненосца, 9 крейсеров, более 8 миноносок.

Блестящий бой. По обычаю — нападение ночное с 2 час. 45 м. ночи с 10 на 11 февраля.

В Москве какие-то негодяи разбрасывают прокламации, призывая к протесту против войны с Японией! В университете 40 мерзавцев подписали поздравительную телеграмму микадо с победой над русскими!

Отчего не вешают их? Неслыханная измена и оскорбление России.

13 февраля.

Вопреки обещанию, наместник не дал никаких дополнительных сведений... А между тем, судя по настойчивости японцев, они едва ли прекратили нападения. Вероятно, нужно таки ждать высадки их на

Лиао-Тонге, под прикрытием этих демонстраций на Артур. «Отбитие» меня нимало не успокаивает. Проклятое, преступное миролюбие, которое поставило нас бессильными против врага во всеоружии.

Японцы — конечно, разбойники, со всем вероломством разбойничьей шайки. Но нужно отдать справедливость: бесстрашны, настоящие воины! Моряки они, конечно, без сравнения выше наших. Вся тактика их построена на ночных атаках, в самые страшные снежные бури... Нужно быть чудо-моряками, чтобы избрать такую тактику и выдерживать ее. Наша Владивостокская эскадра — верх русской удали, не могла бомбардировать Хакодатэ из-за снежной бури. А японцы атакуют Артур исключительно во время таких бурь. Несомненно, что как моряки — они несравненно выше нас.

И смелы — до полной дерзости. Нельзя не любоваться.

Их можно победить, очевидно, никак не храбростью, в которой они с кем угодно сравнятся. Вопрос борьбы только в уме... И этот вопрос еще не решен. Если они под Артуром ничего не достигнут, то я скажу, что адмирал Того [30]) — не умен, что каждый день рискует своими судами под Артурскими батареями. Ну, а если успеет? Если у него не одна безумная храбрость, а и умный расчет?

В этой войне они имеют огромное преимущество перед нами в высшем правительстве, которое у них превосходно. Они превосходят нас и в патриотизме интеллигенции, которая у них имеет великие национальные цели, а у нас — какая-то разлагающаяся гниль. Значит, вопрос сводится к тому, насколько сильны у нас остатки русского духа, который нас только и может выручить...

Не скажу, чтобы я особенно восхищался артурцами. Они дерутся, отбиваются сносно, но не больше. Эскадра — труслива, держится под батареями, не смеет нападать. Мне кажется, что наши моряки чувствуют японцев выше себя. «Варяг» погиб недурно, однако погиб... Вот если бы он затопил «Корейца» и ушол, прорвался, — я бы сказал, что это подвиг — военный. Теперь же есть только нечто среднее.

Движение Рейценштейна тоже совсем дрянное. Ему бы недурно было бомбардировать десяток городов, а он утопил одно коммерческое судно да «три дня штурмовал»... Великая штука для моряка! Нет, — плохие моряки! Это уже совершенно ясно.

Что то скажет сухопутное столкновение? Если оно не будет лучше, тогда Россия закрывает историческую лавочку. Оставила бога и потеряла душу свою.

А от Алексеева нет вестей!

Я позабыл отметить, что̀ меня беспокоит: с 10 на 11 японцы были отбиты «Ретвизаном» и ретировались... Но 12, вчера же, была теле-

грамма Алексеева, что они с 11 на 12, ночью же, с н о в а атаковали и «отбиты», а «дополнительные известия» будут позднее... И вот их-то и нет до сих пор, до 12 часов ночи 13 числа. Японцы могли снова атаковать и, может быть, в эту самую минуту разрушают нашу эскадру.

А известий нет.

14 ф е в р а л я.

Есть телеграмма Алексеева от 13 февраля, но говорит о делах 12 числа. Это дело с 12 на 13 остается неизвестным.

Но еще более тревожное известие о будто бы высадке японцев в Посьете... Известие само по себе было бы «уткой»... Но вчера была телеграмма Флуга[31]) о каких-то судах в виду Владивостока, и ночью, по телефону, ее з а п р е т и л и печатать. Вот уже это крайне подозрительно... Не прозевали ли владивостокцы? Это было бы феноменально — проморгать Посьет... Но почему же запрещено печатать официальное известие?

15 ф е в р а л я.

Телеграмма Флуга гласит, что в Артуре с 13 на 14 все было спокойно, хотя эскадра торчит у крепости. О Посьете — ни слова. Конные части вступили в Корею...

Вот прошло 20 дней войны. А ничего ровно не определилось. Из-за чего японцы так торопились?

16 ф е в р а л я.

Множество гнусных явлений внутри России. Ходят слухи о попытке взорвать С ы з р а н с к и й мост на Волге. Приписывают — революционерам *).

Впрочем, должно сказать, что довольно мерзости и н е с о м н е н н о й. Свящ. Восторгов [32]) пишет, что в Кутаисе ученики и ученицы (гимназии, семинарии, епархиалки) и вообще молодежь целый день манифестировали по улицам, крича: «Да здравствует Япония!» и «Долой самодержавие!».

Здесь, в Москве, прокламации гласят, что дескать «пролетариям» не следует вмешиваться «в войну русского правительства», а должно «соединиться с японскими пролетариями».

Теперь на 19 февраля готовят беспорядки.

В университете брожение.

Ужасно, конечно, то, что правительство д е й с т в и т е л ь н о очень плохо, и даже не имеет ни малейшего намерения исправляться. Недовольство им отражается и на той дряни, которая воображает себя

*) Оказалось ложью. — П р и м е ч а н и е в п о д л и н н и к е.

«революционерами», хотя они только — интеллигентные «лобузы». Конечно, в национальном деле — все счеты следовало бы оставить, если бы общество не было деморализовано.

Правительству нужно бы было стать во главе устроения России, но правительство само плохо-преплохо... Вероятно, это происходит из общего источника — из умственного и нравственного принижения вообще нации.

Это-то и мерзко... Впрочем, мне кажется, что в России, какова она есть, при всей ее испорченности, можно было бы иметь все-таки лучшее правительство.

19 февраля.

На Дальнем Востоке — ничего. Наши ничего не делают. Японцы забирают Корею, укрепляются, даже прошли в Манчжурский Маэр-Хан, откуда, если угодно, могут зайти в тыл нашей армии на Ляо-Хе,— если угодно, бунтовать хунхузов в Гирине.

Наши таки действуют мерзко. И все — Петербург, его злополучное влияние. Теперь назначили Макарова и Куропаткина. Алексеев и Линевич сведены на нуль, и не могут действовать, а Куропаткин с Макаровым еще когда доползут да осмотрятся! Японцы могут несколько недель делать что им угодно.

И зачем путать, менять начальников? В самый важный момент действий! И все там подлежат смене. Стессель [33]), комендант Артура, заменится Смирновым. Начальник штаба Алексеев сделается нулем, а у Куропаткина с в о й начальник штаба. Роковой этот Петербург. Даже и войну портит.

Сегодня и вчера назначались, по слухам, беспорядки, и никаких даже признаков беспорядков не было. Вся Москва шьет на армию, тащат пожертвования, вещи, деньги. Какие тут «беспорядки»!

Относительно Сызранского моста все утверждают, что попытка была сделана я п о н ц а м и, одного из которых сторож успел столкнуть с моста вниз, а другого задержал.

Очень приятно настроение Москвы да, кажется, и всей России: все сомкнулось, все «революции» спрятались, все думают только о совместном служении родине. Очень легко дышется в этой чистой атмосфере, ставшей уже давно почти неизвестной у нас.

Но я думаю: ну, а что, если начальство умудрится так устроить, что не будет победы, или что нас будут бить?

Тогда все это сразу обрушится на правительство. Наказание божеское!

Чуть не вчера создан наместник, облеченный полномочиями на воде и суше, в гражданском и военном деле. И вот уже наместник пре-

вращен в ничто, и край, в ожидании Куропаткина и Макарова, остается без военачальников. А когда эти придут, то — вечная грызня между тремя и отсутствие о б щ е й, единящей власти.

21 ф е в р а л я.

С театра военных действий никаких военных известий. Куропаткин прохлаждается здесь и купил, сообщают газеты, «совершенно белую лошадь», на которой и будет в походе. Это очень глупо. Пародия Скобелева. Купить белую лошадь легко, но это еще не значит быть «белым генералом». Ребячество, не предвещающее доброго.

Новый Скобелев уж, вероятно, завел бы себе не белую, а хоть гнедую лошадь, чтобы не быть обезьяной.

Писал я вчера Киреeву, который, кажется, работал с Куропаткиным, чтобы он ему сказал, что не следует тянуть времени, ибо русское общество нуждается в п о б е д а х, а армия тоже несколько месяцев уже замучена неопределенным положением между миром и войной и нехорошо ее деморализировать еще два месяца дурацкой «обороной» да отступлениями.

22 ф е в р а л я.

Нигде ничего достопримечательного. В Корее наши войска отступают к Ялу... Ну, значит, скоро уйдут за Ялу и, может быть, даже дальше. А японцы уже недалеко и от Владивостока (100 верст от границы).

Не нравится мне наша чрезмерно «осторожная» система, хотя, если она взбунтует китайцев, то это, может быть, и будет хорошо. Авось, тогда займут Манчжурию окончательно. Либо пан, либо пропал.

25 ф е в р а л я.

Три дня назад японцы удивили нас всех бомбардировкой Владивостока. Собственно это не серьезная бомбардировка, а демонстрация.

Из первых телеграмм Алексеева можно заключить, что ядра долетели д о г о р о д а, т. е. до восточной его части. Если так, то, стало быть, неприятель легко может бить эскадру в самом Золотом Роге... Я этого не думал до сих пор.

Наши батареи молчали (далеко был неприятель). Броненосцы японские имеют лучшие орудия, чем наши батареи!

Это тоже довольно неожиданно для меня.

Не только мы, но и наш полковник Симанский, не имеем понятия об укреплениях Владивостока.

Это — военная тайна! Глупо. От кого тайна? Только от своих подданных. Кто был во Владивостоке, не может не знать числа и

общего места нахождения фортов. Японцы знают, англичане, французы и т. д. — все знают. А офицер генерального штаба в Москве не знает!

Эти дни получил два письма от Киреева. Так писаны, что трудно вклеить в дневник, а любопытные письма. Он все опасается, что конституционалисты одолеют, и говорит, что нужно собрать земский собор! Отвечал ему, что я — человек маленький, меня не спросят и не выслушают. Что же мне делать?

А понятно, что земский собор ничего не решит. Нужна п р о г р а м м а реформ, нужно правительству знать, зачем оно существует и куда ведет страну. Вот что нужно. А когда этого нет — земский собор непременно превратится в парламент.

26 ф е в р а л я.

В американских и английских газетах — известия, будто русские отступили из Фын-Хуан-Чена, который занят японцами!

Неужто правда? И почему же Алексеев ни слова не извещает об этом? Он же телеграфировал 24 числа.

Неужто Линевич так бессилен? Или он с досады гадит Куропаткину и, не имея, может быть, права итти вперед, отступает? А Куропаткина в Москву ждут только 29, да здесь проваландается два дня в чествованиях, да дней 10 будет ехать... Итого будет на месте не раньше 12 марта! Японцы к тому времени заберут Мукден.

Чего наши так копаются?

Мое здоровье что-то стало, будто, хуже. Японская война подрывает. Десять лет находимся в истинном гниении по всем внутренним делам. Нелепым ведением внешних (дел) подготовили войну японскую и вот уже целый месяц испытываем срам. Самое лучшее, что мы узнаем, это то, что мы еще не биты, успели спрятаться и т. п. Итак — даже и в военном отношении то же самое, что во внутренних делах. Куда еще итти в позорности положения?

27 ф е в р а л я.

Все иностранные известия гласят о занятии японцами Фын-Хуан-Чена... А наши власти молчат, как воды в рот набрали. Не признают, не отвергают... А между тем это капитальнейший вопрос. Откуда взялись японцы? Прогнали наших с Ялу или высадились в Дагушане? Если последнее — как наши могли проворонить? И значит ли это, что отряд на Ялу отрезан?

Ничего не объясняют, ни слова, ни звука.

Я таки ожидал, что наши войска получше! Или их режет Петербург?

Сегодня отправили вещи в склад Трепова.

Сегодня же получил снова письмо от той «монархистки» — Приезжевой, из Красноярской тюрьмы... Повидимому, несчастнейшее существо, и будто непохожа на шпионку. Но что мне с ней делать?

29 февраля. Воскресенье.

Известие о Фын-Хуан-Чене, очевидно, ложно. Официально сообщается, что японцев нигде в Манчжурии нет.

Приезд Макарова в Артур сразу ознаменовался не очень удачным боем. Приехал 25-го, а ночью уже была баталия миноносцев, с утра же 26-го — бомбардировка.

Хотя результатов больших нет, однако один наш миноносец погиб и даже команда взята в плен, чего еще ни разу не бывало. Плохое начало Макаровского командования. До него было лучше.

Саша вернулся с Куропаткинского торжества, куда его брал с собой епископ Парфений (в качестве книгодержца). Торжество было внушительно. Зала дворянского собрания битком набита. На хорах — дамы. Внизу—мужчины. Представители города, сословий и т. д. В том числе волостные старшины. Все подносили иконы, а дворяне — стяг...

Куропаткин в речи своей обещал «сообщить своему начальнику, наместнику Алексееву», о чувствах Москвы.

Не знаю, почему Куропаткин не внушает мне большого доверия. А впрочем — да пошлет господь милосердный, чтобы я ошибался в своем предчувствии!

Я бы больше верил Линевичу. У Куропаткина мне все чувствуется какая-то штабность, академичность, недостаток «глаза» и «таланта». При Скобелеве он был хорош. Но каков окажется один?

А впрочем, у нас всетаки он пользуется наибольшей репутацией, и это — шанс на успех. Да и прошлое у него хорошее.

Пошли, господи, ему успеха.

Был Новоселов [34]). Рассказывал о стачках в Твери. При беспорядках какие-то негодяи кричали: «Да здравствует Япония!» Гимназисты, говорят.

3 марта.

А у нас мерзкая история. В Варшаве поручик крепостного полка, чисто русский, забыл фамилию — вроде Лаврентьева или Леонтьева— продал за 12 000 руб. немцам планы Новогеоргиевска и хотел бежать заграницу... Схвачен, идет следствие. Варшавские судьи уже теперь решили его повесить... Но все трепещут, что наказание будет смягчено. Господи, когда же поймут, что грех — развращать народ

поблажками? Не лучше ли повесить одного негодяя, чем развращать миллионы?

А у великой княгини [35]), говорят, случилась к р а ж а вещей, жертвованных на армию. Она вздумала, говорят, проверить тюки, уже приготовленные к отправке, и оказался недочет вещей... Бедная Елизавета Федоровна, говорят, была поражена этой гнусностью до истерики. Теперь идет, как слышно, проверка, тюки распаковываются. Это, действительно, ужасно. Хоть бы великой княгине удалось открыть гнусных воров! Следовало бы их жестоко и гласно покарать... Но и тут, наверное, вместо того, постараются «замять дело»... Обычная система. А воры ободряются, а публика теряет окончательно доверие.

Можно сказать, что Россия прямо идет к разложению вследствие миролюбия и мягкосердечия свыше. Лучше бы помнили св. писание, что царю недаром дан меч, а на казнь злым и покровительство добрым. А то довели до того, что доброму житья нет, а мошенники плавают, как сыр в масле. Худо это кончится.

На Дальнем Востоке ничего не слышно. Уж хоть бы Куропаткин поскорее начинал действия, а он — даже по расписанию — не может быть в Мукдене раньше 13 марта... Какие скверные дни: уехал 29 февраля (високосный день), приедет 13 числа!

6 м а р т а.

С театра войны — ничего. Наши, видно, собираются, а японцы... тоже. Страшно самоуверенный народ... О них Церпицкий [36]) говорил, будто они легко обескураживаются... Ну, что-то не заметно.

А наш флот, очевидно, не имеет зарядов. Оказалось, что заряды были на «М а н ч ж у р и и», захваченной японцами в Нагасаки, и они именно этими 12-дюймовыми снарядами бомбардировали Порт-Артур... Но каким скотом и идиотом должен быть капитан «Манчжурии», который, везя н а м бомбы, остановился в Нагасаки, да еще надолго. Такого скотину не грех расстрелять. Да и начальство хорошо! Впрочем о начальстве нечего и толковать. Но от капитана парохода можно бы ожидать некоторой сообразительности и сознания своего долга.

12 м а р т а.

Был у Трепова собственно для разузнания правил о сестрах милосердия, но попутно, конечно, и о прочих предметах беседовали. Рассказывал, что государь был введен в заблуждение Ламздорфом и Безобразовым, которые уверяли, что в о й н ы н е б у д е т... Алексеев их поддерживал тоже. Понятно недовольство государя. Говорят, в нем произошла резкая перемена в сторону самостоятельности и

твердости. Войну он решил перенести на острова и вообще раз навсегда р е ш и т ь вопрос, разбив Японию в прах. Если Америка или Англия будут вмешиваться — бить и их, вообще действовать — «пан или пропал». Дал бы господь ему удержаться в этом спасительном настроении!

Но вести войну решено осторожно, с большими силами, без промаха. Крупных действий не ожидают раньше июля. В крайности, Куропаткин готов допустить даже обложение Артура с суши... Ну, это уж, пожалуй, и глупо... Впрочем, если это вызовет присоединение Китая к Японии, то — можно и на это согласиться. Тогда уже, по крайней мере, можно бы было форменно присоединить Манчжурию и позабыть прежнюю позорную систему глупого лганья... Я бы согласился на какие угодно жертвы, только чтобы Россия перестала быть такой лгуньей... Вранье последних лет просто измучило меня и заставляло стыдиться своего русского имени.

Этот Трепов — очень умен. Он досадует, что правительство не пользуется этим временем для того, чтобы удовлетворить законные желания верных подданных и раздавить этим всякую «революцию». Конечно. Это правда. Но Плеве уже слишком ясно показал, что к такой системе не годится. У его поколения этого не было в умах. Они были чистые «неподвижники», консерваторы.

Хоть бы хватило у нас ума на устройство в н е ш н и х дел, пока не созрели умы для внутренних. Всетаки хоть не потерянные были бы годы.

30 м а р т а.

На войне затишье. Японцы подошли к Ялу. Наши ушли за Ялу... Обе стороны пока стоят. Что дальше?

Был на праздниках Хардалу и со слов манчжурского офицера передавал, что Сибирская дорога провозит по 1 000 чел. в день. Не густо. Если это правда, то подвезли от 50 до 60 тысяч, что с 93 000 бывших раньше да 30 000 мобилизации — не дает и 200 000. При таком числе в поле против Ялу нельзя иметь и 50 000 человек. Значит, Куропаткин будет еще бесконечно отступать.

А тут, рассказывал Богданович [37]), уже доверие к Куропаткину побледнело. Влияние Сахарова [38]), приятеля Алексеева, стерло будто и влияние Куропаткина, которому, будто бы, вдогонку послано приказом слушаться Алексеева.

Может быть, петербургское вранье? Этот Б., в сущности, много зря болтает...

Как бы то ни было — прошло два месяца войны, и мы за это время только что не биты, но не сделали ни одного шага, ни одного действия,

достойного русского оружия. Кое-как отбитые атаки японского флота, без преследования неприятеля, — вот и все... Да еще геройская гибель «Варяга» с «Корейцем».

Это — перед полудикарьем, перед японцами! Что нужно сделать, какие чудеса победы, чтобы стереть пятно малодушного бездействия?

Когда-то русские били врагов один против пяти. Теперь не смеем одни почти при равных силах. Ведь и у японцев немного войска. И японцы, кажется, трусят, а мы еще больше... Того гляди — постоят, постоят на Ялу, да и выставят «посредничество». По нынешним временам что только не возможно?

31 марта.

Ужасное известие: Макаров погиб. «Петропавловск» взорвался, натолкнувшись на мину [39]). Погибло множество народу. Японцы — 31 вымпел — у Ляотешана... Не могу писать... Рок...

Принесли оттиски телеграмм:

Телеграмма командира порта адмирала Григоровича [40]) на имя его императорского величества от 31 марта:

№ 1. Броненосец «Петропавловск» наскочил на мину, взорвался, опрокинулся. Наша эскадра под Золотою горой, японская приближается.

№ 2. Адмирал Макаров, повидимому, погиб.

№ 3. Великий князь Кирилл Владимирович [41]) спасен, легко ранен.

Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству пока подробности с «Петропавловска». Кроме великого князя тяжело ранены капитан I ранга Яковлев, лейтенант Иениш, Унковский, мичманы Шмидт, Яковлев, Шлиппе и 32 нижних чина тяжело и легко ранены. Найдены тела капитана 2 ранга Васильева, лейтенанта Кноринга 1-го, мичманов Екимова, Бурачка, старшего врача Волковича и 12 нижних чинов.

Японский флот скрылся. Дальнейшие подробности будут донесены вступившим во временное командование флотом адмиралом князем Ухтомским.

Телеграмма генерал-адъютанта Алексеева на имя его императорского величества из Мукдена от 31 марта.

№ 1. На основании только-что полученной телеграммы от генерал-лейтенанта Стесселя с великим прискорбием всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству, что с новою тяжкою потерей Тихоокеанский флот утратил в лице вице-адмирала Макарова своего славного и опытного боевого начальника, погибшего вместе с флагманским броненосцем «Петропавловск».

№ 2. По донесениям командира Порт-Артура, броненосцы и крейсера под флагом командующего флотом с появлением неприятеля вышли в море преследовать часть неприятельских сил и вследствие увеличения последних до 30 вымпелов возвратились на рейд, причем броненосец «Петропавловск» коснулся мины, последствием чего была гибель броненосца. Находив-

шийся на «Петропавловске» великий князь Кирилл Владимирович спасен, получил легкую рану.

Эскадра вся вошла в бассейн, японская эскадра у Ляотешана.

От командующего флотом до отправления настоящей депеши никаких донесений не получено. Вышеизложенное всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству.

Роковая война... Ни одной удачи, и все преследует нас.

Чья была мина? Наша или японская?

На своих минах уже взорвали «Енисея» и «Боярина». Неужто и броненосец на своей же?

Что с экипажем? Весь погиб или нет?

И что было дальше? Какая страшная минута для атаки японцев: общее уныние, гибель адмирала, ослабление защиты на один из трех остававшихся броненосцев... Что то скажет завтрашний телеграф?

Это гнусное известие пришло в 9½ часов ночи. Теперь почти 12 часов.

А мы сидели так мирно и благодушно. Новоселов и я с семьей, пили чай...

1 апреля.

Через час по ложке: к вечеру дополнение, что взорван и броненосец «Победа», при самом повороте в бухту, тоже наткнулся на мину... А миноносец «Бесстрашный» кинулся на неприятеля и погиб. Какая-то тайна и туман. Значит — была битва... Очевидно, что и мины не наши, а японские.

И нет ли еще чего?

Во всяком случае порт-артурский флот почти уничтожён. Разбиты: «Цесаревич», «Ретвизан», «Победа», погиб «Петропавловск»; разбиты «Паллада», погибли «Боярин» и «Енисей», два миноносца. Погибли «Варяг» и «Кореец». Остались (если только целы): «Пересвет», «Севастополь», «Полтава» и крейсеры — «Баян», «Диана», «Аскольд» (большие) да мелкие крейсеры — «Новик», «Разбойник» и «Забияка»: 9 судов.

3 апреля.

На место Макарова назначен Скрыдлов. Хорошо, конечно, но теперь уже там никто ничего не может сделать.

Мало по малу выяснилась вся обстановка боя, который длился с ночи до полдня. По моему (и это многим приходит в голову), у японцев, очевидно, — подводные лодки, и бой с начала до конца построен так, чтобы выманить наш флот именно под место, где были

спущены подводные лодки... Это очень плохо. Дали их, конечно, англичане, и что за удивительная выдержка у этих иуд-предателей: ни одна их газета, при всей пикантности такой темы, не выражает ни одного слова п р е д п о л о ж е н и й такого рода.

Того (адмирал) в донесении даже не упомянул о своем участии в потоплении «Петропавловска»... Это тоже улика. Думает скрыть факт обладания подводными лодками... Ухтомский, теперь флагман, тоже ни слова не говорит, что за странные мины взорвали «Страшного», потом флагмана «Петропавловск», а после тех другого флагмана — «Победу», на которой был он сам. Ясно, что он или подозревает подводные лодки или даже у в е р е н, но не желает обнаружить японцам, что узнал их секрет...

Сегодня японцы снова выманивали наших, но наши н е в ы ш л и на рейд, а отвечали перекидными выстрелами. Еще доказательство, что у японцев п о д в о д н ы е л о д к и! Выходит, что смелость покойного Макарова была не очень-то умна.

Однако я настоял вчера у Гринмута, что нужно писать о б о д р я ю щ и е статьи, и сегодня «Адмирал Скрыдлов» — мною писано. Восстанавливаю репутацию моряков. Точно также начато печатание моих статей о высадках в Японию...

Пишу я правду: моряки выдерживают самое паскудное и тяжкое положение, виновны в котором те, кто сделал Россию н е п о д г о т о в л е н н о й.

Тем не менее война идет очень плохо, и правительство теряет последние искры авторитета в России. Оно, действительно, еще хуже, чем я полагал.

5 а п р е л я.

Проехал адмирал Скрыдлов. Вызывал к себе на вокзал Владимира Андреевича. Статьей о нем (м о е й) — очень доволен. Признал ее умной. Сам говорит, что м о р с к а я в о й н а у ж е п р о и г р а н а, и он едет только для успокоения общественного мнения, а сделать ничего нельзя, и он ничего не сделает.

Корень — в ошибочном плане войны. Сам Скрыдлов хотел сосредоточить флот во Владивостоке, ибо Порт-Артур — «мышеловка», где можно только погибать. Из Владивостока он хотел воевать — самые японские владения, а оборону Порт-Артура — предоставить батареям. О высадке в Печелийском заливе — не печалиться.

Алексеев — напротив — все хотел сосредоточить в Артуре, чтобы не допустить высадки в Корее и Печели. Его мнение возобладало. Скрыдлов ушел, Алексеев стал наместником. И вот — плоды его системы. Теперь н а м о р е все погибло. Владивостокская эскадра—

по слабости, ничего не может делать. Артурская почти истреблена.

Вся задача Скрыдлова будет состоять в том, чтобы не допустить полного истребления флота. Присылка подкреплений из России бесполезна. И лучше ничего не посылать, чтобы не обнажить русских морей на случай осложнений европейских.

Все это, повидимому, очень разумно. Но у нас теперь умных призывают только тогда, когда уже п о з д н о и когда тупицы уже все погубили...

Вероятно, так будет и во внутренних делах.

Изболелось сердце... А ведь, пожалуй, с таким верхом — будем разбиты и Японией. Несчастная Россия! На ней тяготеет рука божия.

И если вспомнить п р о ш л о е, вспомнить, что с наступлением дальневосточного вопроса Россия была лишена руководителя и повергнута на несколько долгих лет в невообразимый хаос, то страшно становится. Тут же н е е с т е с т в е н н ы й ход событий, а рука, карающая Россию. Япония росла, укреплялась, Россия приходила в анархию. И в результате — накануне войны прогнан, хотя и скотина, но единственно умный человек. Затем — эта гениальная политика «миролюбия», обнажения от войск, ужаснейшая, искусственная неподготовленность, владычество Алексеева с Безобразовым... Уф! — И затем предоставление несчастного флота на неизбежное, постепенное избиение в этом несчастном Порт-Артуре?

Что еще ждет нас?

Относительно гибели «Петропавловска» Скрыдлов не заподозревает подводных лодок, а думает, что это м и н ы подводные... Постоянного шлянья Макарова вокруг Лиао-Тонга он, повидимому, не одобряет.

Вероятно, конечно, он своих планов вполне не высказывает Грингмуту. Не думаю, чтобы он принял пост, если бы не рассчитывал что-нибудь сделать... Может быть,— не на море, а на суше, но уж, вероятно, думает, что будет полезен, если едет командовать этой несчастной битой посудой. Вероятно, он будет иметь серьезные разговоры с государем, которому теперь факты доказывают, как удачно он выбрал своего любимца Алексеева.

Несчастная Россия! Жаль ее, жаль себя, жаль всех. Несчастные моряки! За что гибнут?

Теперь Алексеев принял временную команду флотом. Скрыдлов явится в Артур только через м е с я ц... Что-то будет за это время с Алексеевым?

По моему, жалкие остатки эскадры могут быть спасены только о ч е н ь у д а ч н о й наступательной войной н а с у ш е. Это от-

влекло бы японский флот в другие места и заботы. Но и на суше нет войск... Того гляди, начнут теперь лупить нас и на суше... Китайцы, повидимому, хотят подняться.

6 апреля.

Не могу выйти из чувства глубокого оскорбления: до чего дожил, что даже японцы бьют!.. Осмеливаются даже выражать скорбь по поводу смерти Макарова. До того уже считают нас ничтожными, что скорбят. Еще хуже: лондонский мэр подал через Бенкендорфа [42]) государю выражения сочувствия Лондона по поводу «постигшей Россию потери в настоящей несчастной войне»... И что же? Выражена благодарность за сочувствие!

Это мне раздирает сердце. Унижениям России решительно нет предела...

Сегодня известие о том, что Того 4 апреля провел мимо Артура транспорт войск в Печелийский залив. Русский флот, стало быть, приведен практически к нулю. Алексеев пожнет плоды своей гениальности...

Но ведь вот Алексеев процветает, а Макаров погиб. Так-то все на свете! Все это удручает. В сущности, Макаров, пожалуй, счастливее живых. Кто знает, что еще нам суждено пережить, какие унижения вынести?

7 апреля.

Сегодня неожиданно посетил Владимира Андреевича о. Иоанн Кронштадтский [43]).

После Владимир Андреевич рассказывал петербургские слухи и новости. У государя теперь первое доверенное лицо Абаза [44]). По уму — выше Безобразова, но по честности — ниже. Подводных лодок у нас нет. Альберт предлагал — по 400 000 р. штуку давно. Не захотели взять и заказали у американцев по 650 000 р., но с уплатой 400 000, а остальное — в свой карман. Однако американцы в последнюю минуту надули и отдали японцам. В этом обвиняют в. к. Алексея [45]) и Авелана [46]), Вел. кн. Александр Михайлович [47]) будто бы докладывал государю, но ничего не вышло.

Теперь заказали 4 штуки Альберту, но будут готовы только в сентябре. Морское ведомство будет делать своими средствами. Не знаю, конечно, правда ли это, но у нас там такое воровство, что все может быть.

На место Стюарта — новый английский посол в Петербурге, жена которого — подруга молодости государыни. Этого также очень

страшатся: будет выпытывать многое. Опять не знаю, правда ли. Но вот все рассказы такого рода.

Случай взрыва в «Северной гостинице» (Петербург), о котором было в газетах, оказывается, был — подготовлявшееся покушение против Плеве [48]). Слава богу, преступники вместо этого сами погибли.

Плеве теперь нужнее, чем когда-либо. Без него едва ли кто сумеет поддержать порядок, который теперь важнее всего.

Но что же хорошего? Единственно — данные из отчета Хилкова. Из него видно, что Сибирская дорога перевозит в среднем 3 150 чел. в день, а Забайкальская — 2 500. Это лучше, чем я думал. Всего перевезено по 12 марта было на станции «Манчжурия» 121 000 вагонов. Значит теперь перевезено не меньше 170 000, что с бывшими раньше 93 000 да с 30 000 мобилизации дает около 300 000 чел.

11 апреля.

Теперь на Ялу каждый день ждешь решительных событий, и все нет и нет... Если бы все было нормально, то это ожидание не беспокоило бы. Но нам так не везет, мы так несчастны в войне, чувство стыда за Россию и русских так замучило, что ожидание становится мучительно тревожным. Ну, как опять ждет нас поражение и позор?

Драгомиров сострил: «Ну, Куропаткина назначили — это хорошо. Теперь нужно еще Скобелева!» А ведь правда. Сам по себе Куропаткин никогда себя не проявил. Тут же начальствовать 300—400-тысячной армией! Одно число подавляет. Условия строжайшие!

Мне же кажется, что уже вся система Куропаткина подозрительна. Не русская! Совершенно та же система уже погубила нас на море. Отдельные эпизоды («Варяг», отныне «Баян», «Новик») убеждают меня, что если бы мы сразу, 27 января, перешли в наступление, то, вероятно, уничтожили бы японский флот, и вся война пошла бы иначе. Но мы слишком думаем о неравенстве сил, о значении количества, и одним этим доказываем отсутствие качества, духа. Этим же — убиваем последние остатки духа своего и одушевляем неприятеля.

Томит предчувствие, что то же самое погубит нас на суше.

15 апреля. Четверг.

Известие адмирала Иессена [49]) о потоплении трех японских пароходов. Ценную потерю для японцев составляет военный транспорт «Каншью-Мару» в 4 000 тонн с разным военным грузом и десантом. Часть десанта сдалась (17 офицеров и 150 разных мат-

росов, солдат и кули). Остальной десант сопротивлялся вооруженно и был потоплен вместе с кораблем. Сколько погибло десанта, не сообщают, но, вероятно, при 17 офицерах, не меньше 300 рядовых, а может и вдвое! *).

Офицеры — сдались. Солдаты мужественно погибли. Это характеристично.

Вероятно, потопление десанта обеспокоит японцев, показав им, что их сообщения с Кореей не вполне безопасны.

Такая постыдная война, что радуешься каждому грошовому успеху!

Мне все больше кажется, что этот Алексеев — дубина, и что ответственность за весь позор войны сильно падает на него. Но почему только такие люди и получают важные места? Вот в чем огорчение!

17 апреля. Суббота.

Владимир Андреевич рассказал крайне грустную вещь: будто бы на докладе Иессена о потоплении «Каншью-Мару» с десантом, не желавшим сдаться, открывшим огонь и ранившим 2 матросов наших, стоит высочайшая пометка: «Какое бесчеловечие».

Неужели это не клеветническая выдумка? Он уверяет, что правда. Это говорят сами моряки...

Русские гибнут сотнями. У «Петропавловска» никто и не требовал сдачи, а просто заманили на мину, и вот 700 русских — взорваны, пущены на дно. А когда пускают на дно 130 сопротивляющихся японцев, отвергающих требование сдачи, то это — бесчеловечие!

Что теперь чувствуют несчастные наши моряки? Но ведь адмирала Иессена самая элементарная справедливость требует наградить за молодецкий и успешный набег, а вместо этого выходит выговор!

Горько слышать... Неужели умудрятся и войско вооружить против правительства?

19 апреля.

Наши отступили с бою от Кульсичена, — и даже, по японским известиям, до самого Фын-Хуан-Чена. Уж и не знаю, что это означает: слабость ли наша, хитрость ли... Ясно, что нас разбили вдребезги на море, а на суше мы отступаем.

Тягостное чувство стыда за Россию. Берлинский корреспондент пишет из Харбина, что только на месте убедился, до какой степени

*) Оказалось — 130 человек. — Примечание в подлиннике.

была неготова Россия. И это очевидно. Вот почти три месяца собирают силы — и все недостаточно. Ужасный стыд для правительства. И внутри все расшатано и извне ничего не видят, не готовы ни к чему... Говорят, Плеве выразился, что по окончании войны «общество» (русское) предъявит векселя ко взысканию»... Ну — правду сказать — это очень вероятно. Чересчур уж плохо ведет дела правительство.

Теперь все говорят о злоупотреблениях, хищениях, взятках. Говорят, г и л ь з ы патронные у нас из такого плохого металла, что не годятся для пальбы. Говорят, корабли построены мерзко, из дрянного материала. Что тут правда, а что преувеличено? Все равно. Главное, что доверие к власти исчезло. Никто не верит в ее способность контролировать свои органы. А между тем, в результате этой неспособности, теперь позор неслыханный перед какими-то полудикарями... Этакие вещи всего труднее выносятся национальным чувством.

21 а п р е л я.

Генерал Засулич [50]) (он родной брат Веры Засулич [51]), стрелявшей в Ф. Ф. Трепова) имел 10 000 человек. Против него Куроки имел 45 000. С 17 апреля ясно было, что Куроки его обходит, но Засулич не отступил своевременно. Разгром его ужасен: он потерял все пушки, какие имел (3 батареи), 800 раненых, 300 пленных, ну и, значит, убитых — человек 500.

Позор! Вот тебе и устрашила сухопутная война!

По моему, и Куропаткин — скотина и дурак. Раскричали неизвестно за что.

24 а п р е л я.

Японцы высадились в Бизциво, уже нападали на поезд из Артура... Итак, не нынче-завтра Артур будет осажден, бомбардирован и штурмован!

Японцы оказались у м н е е нас, более знающи и, пожалуй, даже храбрее. У них, повидимому, нет воровства, все одушевлены о б щ и м делом, а у нас все пронизано ворами и изменниками. И что же против этого могу сделать я? А эти несчастные, которые героями гибнут в борьбе с японцами, один против четырех? Они чем виноваты? И что они могут сделать с негодяями и мошенниками?

25 а п р е л я.

Сейчас Катя была в гостях. Там рассказывали ходячий слух. Будто бы в Париже есть какая-то ясновидящая гадалка, которая предсказала, что 30 а п р е л я П о р т-А р т у р б у д е т в з я т я п о н-

ц а м и; после этого перевес перейдет на сторону русских, но в России начнутся внутренние смуты, а армия будет отозвана из Манчжурии!

Вот общественное настроение! Но должно сознаться, что за Порт-Артур я очень боюсь, и уж не знаю, какого числа и месяца, но взятие его считаю весьма вероятным. При нынешней артиллерии и взрывчатых веществах крепостей неприступных не может быть. Бомбардировка, штурм со сменой сил — и готово. Гарнизон не может иметь достаточно смен...

Но 30 апреля — это сомнительно. Не успеют батарей поставить.

Но что думает Куропаткин? Фын-Хуан-Чен очищен тоже. Армия наша отступает... Куда? Надолго ли?

А Артур уже отрезан. Уже депеш туда не принимают. Несчастный флот, так бесплодно и бесславно погибающий в этой проклятой «мышеловке», как ее называет Скрыдлов!..

Хорошо положение и Скрыдлова! Какой-то жгуче обидный водевиль. «Начальник Тихоокеанских морских сил.» У него д в е эскадры, численностью и силой превосходящие японцев. Но одна его эскадра сидит в элингах или на мели («Орел») в Финском заливе. Другая сидит в «мышеловке», и начальник Тихого океана не может даже приказать ей ничего, за блокадой, не может даже взглянуть на свои корабли! Зачем он едет туда? Зачем они устраивают этот водевиль? Ну, ехал бы просто, без громких титулов, скромно и тихо...

26 а п р е л я.

Рассказывал Владимир Андреевич со слов графа Шувалова. Вел. кн. Кирилл, на обратном пути, видел 2000 вагонов с солдатами, з а д е р ж а н н ы х по дороге вследствие необходимости сначала провезти п р о в и а н т. Провианта нет в Манчжурии... Все приходится везти из России. Неподготовленность абсолютная! Ничего нет, и — это преднамеренно.

Год назад Куропаткин требовал везти войска в Манчжурию или дать ему отставку... Государь отказал и сказал: «Я сам знаю, когда вы будете мне не нужны». И тут началось господство Безобразова и Абазы. В это же время возникла личная переписка государя с Эдуардом. Английский король уверял государя, что Англия н е д о п у с т и т Я п о н и и д о в о й н ы, и что для этого и заключен дескать англо-японский союз. Но для того, чтобы Англия могла воздействовать на Японию, необходимо, чтобы Россия н е о т п р а в л я л а войск на восток. Ну, мы так и делали. Япония энергически вооружалась, мы же вывели даже и те войска, которые были на месте.

Затем — понятно — Япония начала войну, и Англия потирает руки, глядя, как лупят одураченных русских, не имеющих ничего,

ни войска, ни оружия, ни снарядов, ни провианта! В довершение всего, это нисколько не подорвало дружеского доверия к Эдуарду и дружеских с ним сношений.

Жена нового английского посланника в Петербурге, действительно, подруга молодости государыни при дворе Виктории.

Таковы-то рассказы, терзающие сердце! Тяжкое и совершенно безвыходное положение...

Вечером приехал Новоселов с самыми печальными петербургскими впечатлениями. В Петербурге все поголовно ругают «режим» и говорят, что он требует радикальной перестройки. Что же выйдет из всего этого? Должно быть, война будет coup de grace... Но что кроме чепухи и анархии может создать современная деморализованная и дезорганизованная Россия?

Ужасное время.

28 апреля.

Теперь в Петербурге движение: 1) против Куропаткина, 2) против войны... Последнее, конечно, есть комбинация обычной бессознательности верхних слоев с ловкими подсознательными, идущими, вероятно, из английских источников. Три месяца Россия испытывает видимый позор, Япония блещет. Теперь наступает время, когда мыслимо ожидать русского «реванша», потому что все-таки силы несколько увеличились. Если в такой момент прихлопнут нас привести к миру — это значит сознательно скомпрометировать правительство *). Затем, высоковероятно, почти неизбежны внутренние смуты. За это враги России могут дать много...

А подлецов у нас также много. Дураков — тоже достаточно.

Кампания против Куропаткина — это обычная петербургская интрига, борьба самолюбий, борьба за места и т. п. По последствиям это в данный момент — ужасно, хотя, конечно, деятели этого плана не думают быть вредными, а только думают о своих интересах.

Против Куропаткина, говорят, действует генерал Пузыревский [52]) Козыри этой партии, говорят, — вел. князь Владимир [53]), всегдашний враг Куропаткина, и вел. кн. Николай Николаевич [54]), которого прочат будто бы в главнокомандующие. За ним будет Пузыревский. Правда ли это? А главное, есть ли у них шансы сменить Куропаткина, не знаю. Но уж одни слухи скверно действуют. А если сменить Куропаткина, т. е. опять перепутать все планы военных действий, то, конечно, лучшего подарка японцам невозможно и придумать.

Таково положение сверху. А в публике — самые невероятные слухи и происшествия. Уже есть случаи публичных речей на улице

*) Так в подлиннике.

против правительства. Публика потеряла голову. Готовы верить почти всему. Ходят слухи, будто генерал Засулич — изменник; адмирал Ухтомский — тоже изменник; он взорвал «Петропавловск» и Макарова, и он же уже расстрелян. Витте тоже изменник и уже посажен в Петропавловскую крепость...

Вот уже какая дичь может разглашаться и приниматься с доверием...

15 мая.

Цзин-Чжоу взят... Все берут японцы, везде бьют. Наши только мужественно гибнут. Куропаткин сидит, как примерзший к своему Ляояну, и, вероятно, считает уже большой «активностью», что не удрал до сих пор в Харбин... Начинает казаться, что несчастные артурцы обречены на гибель — если должны быть перебиты, или позор — если сдадутся.

После взятия Цзин-Чжоу — неизбежно падение Артура. Ясно. И едва ли японцы дадут ему много времени. Нечего сказать: японцы — изумительные воины, бесконечно храбрые и искусные, сверх того. Их генералы безмерно выше наших.

Возможно, что Куропаткин уже боится потерять славу свою. Да, сказать правду, — он и не показал еще нигде искусства настоящего главнокомандующего.

17 мая.

Мы не имеем до сих пор н и е д и н о г о с л о в а официального о Цзинчжоусских боях, кроме того, что разъезды Куропаткина «слышали канонаду». А Оку [55]) доносит, что взял 68 о р у д и й, 16 п у л е м е т о в!

Неужели мы стали уже такая сволочь, что даже драться не умеем? По уму — ослы, по знаниям — невежды, по нравственности — развратники... И в довершение уже и не воины.

Это, конечно, естественно... Наши качества — рождают дряблость. Для войны нужны не люди Гаагских конференций, а герои. Падение совести — бесконечное. Постоянно слышишь о воровствах в интендантстве и повсюду. Это во время войны!

19 мая.

Вл. Андр. Грингмут возвратился из Петербурга. Конечно, целая куча сплетен, а может и правды. Но есть несомненные факты.

Мы (газета) получили цензурное предписание не говорить ничего об инциденте с графом Ламздорфом!! Этот инцидент в следующем. Ламздорф был с какой-то чиновной компанией у Донона, на Морской.

Когда он уже выходил, к нему бросился князь Долгорукий и избил его палкой с криком: «Давно я до тебя добирался!» При составлении протокола, он заявил, что бил министра за честь России, за весь вред, сделанный Ламздорфом... Случай характеристичный. Этот Долгорукий — из настоящих князей, бывает в большом свете, иногда пописывает в журналах, и отнюдь не какой-нибудь «отрицатель».

Этот Ламздорф еще более негодяй, нежели я думал. За день или два до его избиения у него был Грингмут, и этот недостойный министр его уверял, что в неподготовленности России к войне виноват не он, а государь!.. «Я, — сказал Ламздорф, — предупреждал, что война будет, и требовал, чтобы к ней готовились... Но что же я мог сделать, если государю императору угодно было находить, что войны не будет?».

Это он говорит Грингмуту, человеку, почти незнакомому и журналисту! Он сворачивает вину в тяжком положении России на своего государя... Вот они — настоящие изменники царю!

Передавал Грингмут немало рассказов о трусости некоторых капитанов артурских кораблей... Подозреваю, что вранье или прибавлено 100%. Ну, что еще? Плеве занят упорядочением суда за политические преступления, думая передать часть дел в судебное ведомство. Ну, это, может быть, и умно... Трудно сказать, не зная обстоятельств... Еще — Плеве говорил, что скоро будет решать рабочий вопрос во всем его объеме, т. е. регулирует положение ремесленников, кустарей и фабричных... Это еще нужно посмотреть, как урегулирует... Обещает это к осени...

Относительно священника Гапона [56]), с которым он виделся, Грингмут положительно заявляет, что он состоит на жалованьи у охранного отделения, а в то же время называет его революционером. Ну, все это не интересно. Во всяком случае, все это «рабочее дело» насмешка и пуф!

Говорил много о Глазове [57]) (министре нар. просв.), которым очень недоволен, но это тоже неинтересно, так как здесь замешаны всетаки личные мотивы.

29 июня.

Проезжал из Манчжурии Хилков со свитой (Палтов и прочие). Владимир Андреевич виделся как с Хилковым, так и с Палтовым. Рассказы любопытны и прискорбны. Алексеев (наместник) держит себя каким-то сатрапом. Двор — императорский. Человек 150 его штата. Дворец — роскошь. Все у него на вытяжку, раззолочено, в мундирах, все преклоняется перед ним, а он — величественен, словно Людовик XIV. Церемониал, этикет...

Приехал Хилков. Дворец наместника — в двух шагах. Но министра на вокзале встретил только а д ъ ю т а н т Алексеева. Остановившись где-то (не знаю где), Хилков в мундире и со свитой отправился с визитом. Наместник был величественен. С министром — еще ничего себе, но его чиновникам — ни руки не подал, ни слова не вымолвил. Хилкова пригласил обедать, чиновникам ни слова... Они уже думали, что он не пригласит. Однако на квартире получили роскошные пригласительные билеты, где были перечислены все титулы великого наместника, и указан точно ч а с обеда и мундиры, в коих должны быть осчастливленные...

Хилкову наместник отдал даже визит, но явился в какой-то тужурке.

Отправились на обед. Роскошь, парадные лакеи, необычайный сервиз. И это все в Мукдене, которому угрожает Куроки... На сей раз наместник как хозяин хотя всетаки не подал руки чиновникам Хилкова, но удостоил их нескольких незначущих слов, затем отошел от них и уж больше не занимался ими.

Званых было много, все в величайшем мундирном параде. Один начал есть суп... Сосед толкает таинственно: «Наместник еще не начинал». Тот в испуге оставил ложку. Но наместник тоже стал есть. Этот господин снова принялся и живо прикончил порцию. Но сосед опять толкает его: «Наместник не кончил». И вот злополучный гость начинает подносить ко рту пустую ложку с пустой тарелки, делая вид, что ест. Раньше наместника нельзя начать есть, раньше его нельзя кончить.

Это — собачьи комедии. Но разговор был похуже. Это была сплошная ругань Куропаткина и Скрыдлова.

Хилков имел неосторожность спросить о Скрыдлове. Наместник и начал его честить:

«Я его и в глаза не видал. Разве я такого негодяя пущу к себе! Ха-ха-ха! Я ему приказал ехать прямо во Владивосток».

Та же ругань против Куропаткина: дурак, бог знает, что делает, ничего не понимает. 150 человек офицеров поддакивало его высокопревосходительству и, к его удовольствию, приводили якобы «примеры» промахов командующего армией.

Так Алексеев поддерживает дисциплину!

Он получил из Питера кучу офицериков, протеже влиятельных дам. Они у него лизоблюдничают и куртизанят и этим выслуживаются. Он нарочно посылает мальчишек осматривать позиции Куропаткина и критиковать их.

Этот мукденский сатрап, перед лицом неприятеля подрывающий дисциплину русской армии, внушил Хилкову отвращение.

Когда Хилков был еще в Харбине, Куропаткин прислал ему умоляющую телеграмму отложить все другие грузы и доставить ему в 10 дней сибирские полки, крайне необходимые против неприятеля. Хилков, видя такую крайность, превзошел самого себя и доставил сибирцев в 6 дней... Но оказалось, что из этих 16 полков Алексеев выпустил из Мукдена к Куропаткину всего несколько батальонов, а остальных отправил своею властью частью во Владивосток, частью оставил в Мукдене...

Это уж нечто граничащее с государственной изменой!

Вот среди каких обстоятельств действует несчастный Куропаткин. Алексеев постоянно посылает на него клеветнические доносы государю. Государь иногда спрашивает мнения Сахарова об этих критиках действий Куропаткина... Но военный министр — и Алексеева и враг Куропаткина, и по возможности поддерживает наместника.

Штакельберг [58]) был послан в Вафангоу так. Алексеев п р и к а з а л Куропаткину итти на выручку Порт-Артуру. Куропаткин сказал, что «вы не имеете права приказывать. Я получаю приказания только от государя».

«А, так вы желаете иметь приказание государя! Хорошо. Вы его получите».

И, действительно, пришло приказание от государя. Пришлось отправить Штакельберга и еще раз оскандалить русскую армию у Вафангоу.

Так вот как ведутся дела. О п р о ш л ы х ошибках можно бы не говорить. Но как назвать отсутствие е д и н о й власти в такую критическую минуту?

И, к прискорбию, это поддерживает военный министр, который, чтобы подвергнуть Куропаткина позору, рискует Россией.

Но Хилков заявил, что он твердо решил открыть государю все эти преступные интриги людей, столь недостойно обманывающих его доверие.

9 а в г у с т а.

Сегодня телеграмма о бомбардировке Корсакова поста на Сахалине. Вероятно, сделают и высадку.

За все это время позор наш доходит до нестерпимой степени. Расколочена эскадра артурская, расколочена эскадра владивостокская, «Рюрик» потоплен, 600 пленных, прочие испорчены. А в Артуре Ухтомский позорно бежал, оставив на расстрел слабые суда!

А господин Куропаткин собирается отступать из Ляояна. А несчастный Порт-Артур доживает последние дни. Непрерывные штурмы.

Из 40 000 гарнизона осталось 23 000. Что толку, если японцы потеряли 45 000! У них всетаки ежедневно растет армия; прежде на наших 40 000 было 80 000 японцев, а теперь на наши 23 000 японцев больше 100 000.

В «Моск. вед.» Грингмут не позволяет писать о подлом поведении Ухтомского при позорном выходе эскадры. А я очень просил. Вместо того он прославляет память Плеве! [59]) Для чего. Не могу понять. Плеве ничего не сделал и за 2 года 3 месяца только д о к а з а л, что ничего не может и не хочет сделать. Его смерть, несмотря на весь трагизм ее, прошла удивительно незаметно...

Мы узнали об этом страшном событии в низовьях Волги, около села Владимировки, от одного пассажира, местного мещанина, севшего на пароход... Мы шли на «Дмитрии Донском». За 16 дней пребывания на одном и том пароходе я перезнакомился со множеством пассажиров, которые вообще очень порадовали меня своим патриотизмом и хорошим политическим духом. И что же? Весть об убийстве Плеве, конечно, всех поразила, убийц — р у г а л и. Но о самом Плеве я не слыхал н и о д н о г о слова сожаления.

Приехал сюда. Спрашиваю, как тут отнеслись к убийству? Оказывается, совершенно так же. Нигде сожалений, нигде проявления симпатии. Бедняга — мне его жаль больше всего именно за то, что он погиб при таком абсолютно холодном отношении всей России. Никому он не сделал добра. Всем надоел. Говорят, будто бы и государь отнесся холодновато. Он не был ни на одной панихиде, приехал только на отпевание и проводил гроб д о л е с т н и ц ы квартиры, но г р о б а не нес (как было у Бобрикова [60]).

Странный человек. Все было: ум, характер, честность, деловитость, опытность... Множество лиц ожидали от него многого, множество людей, преданных государю, России и порядку, предлагали ему все силы, всю помощь. Он всех слушал, всем, попросту сказать, лгал, морочил всех, будто он о чем-то думает... Постепенно всех честных людей устранял, а сам т о л ь к о душил и б о л ь ш е н и ч е г о. Кто же спорит? Конечно, р е в о л ю ц и о н е р о в должно было подтянуть. Но ведь Россия не революционерка, и она действительно нуждается в глубоких улучшениях жизни. Он же н е х о т е л ничего делать. Почему? Да, вероятно, просто потому, почему и все министры не хотят: не желают уменьшать своей власти, не хотят перестать быть владыками над царем и народом. Плеве был глубокий, до мозга костей, б ю р о к р а т, носил в своей душе и сердце то величайшее зло, от которого гибнет Россия. И вот почему он не умел и не хотел ничего сделать.

Сделает ли кто-нибудь после Плеве?

Сейчас остается временным «за министра» его товарищ Петр Николаевич Дурново [61]). Говорят, его девиз: «никаких реформ». Едва ли он удержится на такой системе. Но все же и она лучше того лганья, которым жил Плеве. Лучше откровенно «никаких реформ», чем лицемерие и обманы, которыми Плеве скомпрометировал правительство, как ни один другой министр.

14 августа.

Донесения Рейценштейна, Матусевича и самого Ухтомского рисуют картину, из которой видно, что негодяй и трус Ухтомский погубил нашу эскадру. Несомненно однако, что наши моряки в общей сложности несравненно ниже японских. Стрелять, очевидно, не умеют. Даже лучше, как «Новик», не умеют выдержать боя с почти равносильным противником. «Цусима», загнавшая «Новика» на погибель в Корсаковский пост, равна «Новику» — чуть-чуть побольше. Орудия у «Цусимы» чуть-чуть получше. Но ход лучше у «Новика». И однако «Цусима» его растрепала так, что оставалось затопиться, а сама получила ничтожные повреждения.

Но самое ужасное у нас — это, конечно, н а ч а л ь н и к и, которые, очевидно, никуда, в сравнении с японскими, не годятся. Я даже начинаю сомневаться в Куропаткине. Самый же слабый наш пункт — петербургская центральная власть.

Грустные письма пишет Киреев *). Конечно, он немного ворчун, однако не без оснований.

Судьба несчастного Стесселя и Порт-Артура, повидимому, решена. Я каждый день жду гибели крепости. Жена Стесселя (здесь бывшая) говорит, что он носит в кармане револьвер, чтобы застрелиться в последний момент: «Живой я не буду взят», говорит он.

Бедные герои! Мне невыразимо жаль их. А наши, наши, здешние: за 7 месяцев не умели подослать достаточно войска!

---

*) Приложено следующее письмо Киреева:

«Третья армия — это та, которою хочет распоряжаться сам Алексеев. Мейендорф [62]), уезжая, выражал мне опасения, что он целиком или отчасти попадет в эту предполагаемую армию.

Ежели это предположение осуществиться, то будет очень скверно, потому что Куропаткину теперь трудно держаться, а когда семидесятитысячная армия, осаждающая Порт-Артур, освободится, то Куропаткину будет еще хуже. Может быть, план Алексеева и не удастся; дай бог!

Что это вы спрашиваете «Кто поддерживает единство действий?» Как кто? Угодник Николай! Только жаль: повидимому — переутомился.

Выход порт-артурской эскадры не удался, и флот был отброшен; что же делать, ведь сидеть ему в Порт-Артуре не для чего: как только будет взят Порт-Артур, так его захватят японцы, нужно было попробовать счастья — ну, счастье

Сегодня, кажется, государь должен проехать через Москву, на Дон, провожать на Восток казаков. Как говорится: хорошо, да мало! Надо гораздо больше. Почему так мало войска посылают? Говорят, дорога теперь загромождена артиллерией и снарядами, которых там нехватает. Ничего нет, дорога слаба. Очень похоже на севастопольские времена.

1 октября.

Самые скверные вести. В наступлении на Ляоян правое крыло нашей армии отбито, потеряв все орудия. Левое просто отступило.

Я все время не записывал. И тяжело на душе и болен. За это время начато наступление Куропаткина, с приказом его от 19 сентября: этот приказ, без сомнения, продиктован Петербургом. Там все трепещут не перед японцами, а перед Россией. Нужно было чем-нибудь защитить правительство.

И вот Куропаткин в своем приказе 19 сентября пишет защитительную речь правительству и, объявляя, что теперь сил достаточно, предписывает наступление.

Какие силы у него? Я тогда же спрашивал. Что было при Ляояне, то и теперь. Все это сделано на «уру», на риск, для прекращения общей ругани против Петербурга.

И вот результат! Погубили и Куропаткина, единственного популярного человека.

Мани, факел, фарес!

6 октября.

Нехорошо и скучно мне. Не хочется записывать рассказов Грингмута. Может быть, его пессимистичность увеличивается оттого, что Святополк [63]) с ним очень холоден. А Киреев хвалит Святополка *).

изменило! Не нужно забывать, что порт Порт-Артурский очень плох, никуда не годен, это было всем известно. Это — западня, в которой мы сидим!

Ежели бы другие суда нашей эскадры вздумали и в третий раз помочь «Цесаревичу», то и их бы потопили.

Стессель на-днях предупредил государя, что Порт-Артур долго держаться не будет. Теперь осада — дело артиллерии.

И японцы и все иностранные корреспонденты хвалят наше геройство — подразумевая — «и нашу глупость». И то и другое верно.

Но я не потерял надежды на армию Куропаткина. Одно скверно — японские резервы прибывают скорее наших; ведь японцев — 46,000,000 душ, а выучить стрелять можно и мужика в 6 месяцев легко.»

*) Приложены следующие письма Киреева от 3 октября.

«Куропаткину нанесено частичное поражение. Приказание атаковать (или сердитый совет) дан ему отсюда, несмотря на численный перевес

9 октября.

Любопытное письмо Киреева *).

Колеблюсь: посылать ли ему эту «записку», что он просит? По-видимому, это совершенно бесцельно... Из его слов видно, что Святополк совсем непрочен. А уж по рассказам Владимира Андреевича еще больше.

Владимир Андреевич говорит, что государь выбрал Рыдзевского [64]) еще раньше, чем Мирского, и дал ему его в товарищи с а м. Святополк и не знает почти Рыдзевского. Да еще с такими широкими правами... Это означает, конечно, что никакого особенно доверия к Святополк-

---

японцев, в особенности артиллерии. Злым гением всего дела оказывается адмирал Абаза, p e r s o n a g r a t i s s i m a, враг Куропаткина, публично называющий К у р о п а т к и н а и з м е н н и к о м!

Имел вчера о с н о в а т е л ь н ы й разговор с Святополк-Мирским. Наконец-то, слава богу, имеем министра, с о в е р ш е н н о я с н о смотрящего на дела. Он понимает, что настоящий бюрократический строй не может держаться долее; понимает и то, что конституция для нас — гибель. Стало быть, в будущем — необходимость монархии с совещательным характером, наша древняя московская!

Но вопрос не в том только, чтобы сознать все это, а в том еще, чтобы принять необходимые меры к тому, чтобы остановить разорение нашего государственного строя, объяснив план действий правительства.

Для этого, мне кажется, необходимо выяснить, что именно намерено делать правительство, какая его программа. Это необходимо и для того, чтобы настоящие благожелательные заявления не повели к недоразумению и разочарованию. Недостаточно сознать, что наше положение плохо, что бюрократизм выдохся, с э т и м в с е с о г л а с н ы; нужно еще сказать: «а из сего следует, что etc...», иначе подумают, что правительству набрело на ум дать нам конституцию. Э т у м ы с л ь н е о б х о д и м о р а с с е я т ь, н е т е р я я в р е м е н и. Необходимо, н е о б х о д и м о сказать: а) от бюрократизма я, правительство, отказываюсь; б) конституции н е д а м, к голосу народа буду прислушиваться. Теперь, 3 октября, сказать это м о ж н о, завтра, 4 октября, может быть, сказать это будет уже нельзя, будет п о з д н о. Огромное большинство мыслящих людей связывает с отказом правительства от бюрократического строя н е ч т о и н о е, как дарование конституции. Это и необходимо разъяснить поскорее. На-днях буду иметь разговор с министром внутренних дел. Посмотрим!

Пожалуйста, пришлите мне вашу статью, дополнив ее всеми вычеркнутыми местами. Сколько припомните. Итак, кажется, первый шаг к исправлению нашего положения сделан, теперь нужно обратиться к лечению (терапия). Но трудностей много, в особенности трудно рассеять туман, нагнанный многочисленными и громкими ура! урра! урррра!..

Ваш А. К и р е е в».

*) Приложено следующее. письмо Киреева:

«По самым достоверным известиям, Святополк-Мирский пользуется, несомненно, доверием царя, хотя на него, несомненно, готовится (и уже начался) поход со стороны так наз. консерваторов.

Разыгрывается он на почве нелюбви царя к земству, коего покровителем, сторонником является Святополк-Мирский.

Мирскому государь не имеет. Вероятно, взял его вовсе не для реформы, а просто как человека, который не будет свирепствовать вроде Плеве. И это умно: во время войны совсем неудобно соориться с русским же обществом. Но к р о т о с т ь — еще не реформы.

Что касается реформ, то Киреев сам говорит о «нелюбви к з е м с т в у»... Конечно, земство ведет себя и глупо и недобросовестно. Но устраивать страну без земства невозможно. Если есть «нелюбовь», то реформ не может быть.

А дело может быть х о р о ш о только в том случае, если его хочет сам государь. Министр — без него — ничто.

16 о к т я б р я.

Вчера, 15 октября, пятница, вечером было побоище на Ярославском вокзале. Передавали мне полковник Новиков и Борис Константинович Добровольский (он теперь заведует мобилизацией как раз на Ярославском вокзале и присутствовал там по обязанностям службы). К отходу поезда собралась большая толпа на вокзале. Множество студентов и курсисток явились провожать каких-то двух прапорщиков запаса. Рядовые запаса были в вагонах заперты.

В зале же буфета шли проводы. Один студент взобрался на возвышение и произнес речь, в которой говорил, что на Востоке у нас важные задачи, и желал отъезжающим всяких успехов. «По окончании же войны, — заключил он, — мы получим другую задачу: освободить Россию от самодержавия». Он стал кричать: «Долой самодержавие, ура!» Компания его, натурально, поддержала, и начали петь какие-то революционные песни...

На вокзале было всего четыре жандарма, которые ничего не могли сделать.

Но запасные, услыхав, что кто-то говорит против царя, стали вырываться из вагонов, повыбивали окна и, вылезая через окна, ринулись в залу, крича: «Где студенты? Кто тут против царя?». Как всегда, запасные были выпивши и атаковали студентов и курсисток,

---

Сообщите мне 1) объем (сколько времени нужно для внимательного прочтения) вашей записки, 2) в чем ее суть? Полагаю, что мы смотрим одинаково на положение дел?

Я с Святополк-Мирским виделся только раз; вероятно, скоро снова с ним увижусь. Может быть, я буду иметь возможность рекомендовать ему вашу записку. Хотите?

Ожидаю вашу дополненную статью.

Очень хороша статья Трубецкого в «Праве». Серьезна.

Боюсь, чтобы радость «России», выражаемая Святополк-Мирскому, ему не повредила у царя.

На войне, кажется, начинает обрисовываться (для нас) улучшение».

колотя их чем попало. Произошла страшная давка. Посторонняя публика разбегалась, студенты и курсистки спасались. Однако несколько человек студентов получили раны — бутылками.

Один выпивший запасный, по одержании победы, когда студенты разбежались, подскочил к Добровольскому: «Ваше высокоблагородие, дозвольте на чаек. Я об одну курсистку две бутылки разбил».

Толпа запасных окружила жандармского офицера: «Покорнейше благодарим, ваше благородие, что не воспрепятствовали исколотить студентов»...

Между тем, поезд ушел, и запасных так и не успели посадить в вагоны. Не знаю, когда их отправили.

Из студентов арестован кто-то. Но самого оратора не тронули, нарочно, а за ним поехали сыщики — посмотреть квартиру.

Такова была история вчера ночью.

Сегодня же утром, около 2 часов, в университете было что-то. Вывешено было к р а с н о е з н а м я. Вероятно, заговорщики подстрекали студентов... И они шли н а Б р о н н у ю.

На Бронной были жандармы и даже, кажется, войска. Туда же шли и студенты. Что там было, не знаю. Не было ли ночью арестов?

Около 3 часов Гольденвейзер (Борис) шел в редакцию и на Тверском бульваре против Бронной увидал толпу студентов, человек д в е с т и, с к р а с н ы м и з н а м е н а м и... Они шли тихо и что-то пели, но тоже тихо, не дружно. Кругом — народ, толпа гимназистов с ранцами. Гимназисты шли из гимназии домой.

Гольденвейзер не понимал, что эта за процессия, тем больше, что красное знамя было очень незаметно. Он обратился к одному студенту:

— «Скажите, пожалуйста, что тут такое?»

— «Это демонстрация»...

— «А по какому же поводу?»

— «Потому что вчера наших товарищей избили на вокзале и несколько человек убили»...

Дальше он не расспрашивал.

Заинтересовавшись, я вышел на улицу и неподалеку встретил неожиданно Осипа Петровича Новикова, нашего частного пристава, который только-что возвратился из Манчжурии, и я даже думал, что его нет (ибо был слух, что он переведен). Это очень хороший человек. Меня он сразу узнал и подошел. Ну, я стал его расспрашивать. Он рассказал всю историю и прибавил, что, вероятно, волнение пойдет crescendo.

Это было уже около 4 часов.

Дальше однако, кажется, было тихо. По крайней мере, ничего не слыхал.

Любопытно, что запасные идут в Ярославль и что Ярославско-Архангельскую дорогу приказано привесть в боевую готовность. Это пахнет войной с Англией.

А брат Добровольского (из штаба Гриппенберга) пишет, что, по слухам, 2-ю армию пошлют не в Манчжурию, а в Туркестан.

20 октября.

Беспорядки были и в Петербурге, но о них ничего не знаю, кроме газетных очень кратких сведений. Какая-то неудачная демонстрация и даже глупая. По поводу политического арестанта, который сам лишил себя жизни! Потом зачем-то собрались у Казанского собора и в самом соборе. Дворники, якобы, побили двух «стриженых», за что и подверглись преследованию начальства. Вообще какая-то чушь.

Это во время войны. Ну, что сделало бы с такой сволочью правительство якобинцев? Истолкло бы в порошок.

И курьезно — все это при Мирском, с его поблажками. Говорят, он амнистировал что-то много ссыльных — говорят, будто бы 15 000! Что-то невероятно.

Россия расползается по швам. Чем умнеть — она разлагается.

26 октября.

Времена весьма тревожные. «Порядок» везде, видимо, расшатан. Запасные солдаты в 19 уездах из 119 буйствуют, разбивают казенные кабаки, разбивают дома, производят грабежи. И это не одних евреев, а перепадает и прочим. У нас вчера 1 200 запасных, на перегоне с одного вокзала на другой (Рязанский), тоже разбили кабак (казенный), перепились и дальше отнимали деньги у прохожих. Полиция не могла справиться с пьяной толпой. Джунковский ранен (бревном), Новицкий тоже. Говорят, будто с Трепова камнем сбита шапка. Вызвали войска. Холостой залп не усмирил. Стреляли боевыми патронами: четверо убито. 30 человек зачинщиков арестовано; остальных загнали в вагоны. Будут судить...

У студентов назначена сходка — большая, общая. Что из этого будет? Они вообще волнуются. У них ходят подстрекательства протестовать против войны. Совершенно несчастные недоразвитки с атрофированным чувством. Но должно сказать, что это настроение сильно вообще в интеллигенции. Это — тяжко сознаться, но она, действительно, сгнившая, глупая и совершенно не русская.

Это — и позор и измена. Национальная Россия тоже существует. И очень похоже на близость внутренней потасовки. Между тем правительство — слабое и жалкое — вдобавок вполне утратило авторитет. Его никто не уважает, не боится, не верит ему...

Оно невольно увеличивает силу всех элементов разложения своим видом, своими действиями.

На 6 ноября назначен съезд земцев в Петербурге, разрешенный правительством [65]). Кажется, это какой-то странный шаг, годный только для беспорядков. Съезд не имеет, говорят, ни программы, ни организации, и не поставлен ни в какое отношение к правительству. Нечто по существу нелепое. Съезд, а зачем? Не определено. Я послал Кирееву запрос о том, что предвидится.

Ну-с, наш Владимир Андреевич мрачен, как туча, рвет и мечет. Ведет себя н е л е п о - г л у п о. Каждый день обличает крамолу и измену во всех решительно. У него и все земцы — изменники и князья Трубецкие и т. д. Гнусно читать. Все знакомые, а у меня они все — народ умеренный, ругают Грингмута, перестают читать газету.

Он вообще как бы задался целью лишить себя всяких способов действия на умы, отрезать себя от всей России.

Какой смысл этого явно глупого поведения? Мне приходит в голову, не думает ли он ускорить наступление беспорядков? Чтобы поскорее слетел Мирский, а тогда, он надеется, сядет в министры Штюрмер [66]) и все зажмет в кулак.

(Продолжение следует.)

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Афанасьев, М. А., председатель зубатовского «Совета рабочих механического производства».

[2]) Воронов, Л. Н., сотрудник «Московских ведомостей».

[3]) В 1902 г. под председательством московского генерал-губернатора была образована «Комиссия по организации чтений для рабочих»; фактически председателем Комиссии был епископ Парфений, активные участники — председатель цензурного комитета Назаревский, Лев Тихомиров и др.

[4]) Плеве, В. К. (1846—1904), министр внутренних дел.

[5]) О долгосрочной ссуде, полученной зубатовцами от правительства, см. С. Айнзафт «Зубатовщина и гапоновщина», изд. ВЦСПС, 1925 г., 69 стр.

[6]) Ср. Озеров «Политика по рабочему вопросу», стр. 226.

[7]) Сергей Александрович, вел. кн. (1857—1905), московский генерал-губернатор.

[8]) Зубатов, С. И. — с 1896 г. начальник московского охранного отделения, в 1902 г.— заведующий особым отделом департамента полиции. В августе 1903 г. Зубатову было внезапно предложено сдать должность и выехать в провинцию. Сперва ему было назначено пособие в 250 р. в месяц, а затем увеличено до 5 000 р. в год.

[9]) Трепов, Д. Ф. (1855—1906), московский обер-полицеймейстер, поддерживал Зубатова и созданные им рабочие организации; 11 января 1905 г. был назначен петербургским генерал-губернатором, а 24 мая — тов. мин. вн. дел; 26 октября 1905 г. был назначен дворцовым комендантом.

[10]) Киреев, А. А., ген.-лейт., сотрудник «Моск. вед.», «Слав. известий» и др., автор книги: «Славянофильство и национализм», «О папской непогрешимости» и др.

[11]) Соколов, И. С. — один из организаторов зубатовского общества в Москве и Петербурге; «мой помощник», «отличный парень» — так характеризовал его Зубатов («Былое» 1917, № 4).

[12]) Красивский, М. Б., — зубатовец.

[13]) Фудель, И. И., свящ. церкви при Центральной пересыльной тюрьме в Москве.

[14]) Грингмут, Влад. Андр. (1851—1907), редактор «Московских ведомостей».

[15]) IX Пироговский съезд, собравшийся сразу же после III съезда деятелей по техническому образованию, закрытого полицией, в ряде секций принял резолюции о «полной свободе личности, слова, печати и собраний», о необходимости широких «социальных реформ» и т. д.

[16]) Балмашов — с.-р., убивший министра нар. просв. Боголепова.

[17]) Хилков, кн., мин. путей сообщения.

[18]) Озеров, И. Х., проф. Моск. университета.

[19]) Безобразов, А. М., д. с. с., ст.-секр., член Особого комитета Дальнего Востока.

[20]) Розен, Р. бар., русский посол в Токио.

[21]) Симанский, П. Н., полк. ген. шт., нач. штаба 1 грен. дивизии.

[22]) Алексеев, Е. И., ген.-ад., наместник на Дальнем Востоке. В начале русско-японской войны был главнокомандующим сухопутными и морскими вооруженными силами, действовавшими против Японии.

[23]) Ламздорф, В. Н., гр., министр иностранных дел.

[24]) Крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» — русские суда, стоявшие в Чемульпо, были окружены японской эскадрой. После короткого боя суда были потоплены самими их командирами, спасшимися с экипажем на иностранные суда.

[25]) Куропаткин, А. Н., ген.-ад., с 1898 по 1904 г. военный министр; 13 февраля 1904 г. был назначен командующим русскими сухопутными силами в войне с Японией.

[26]) Скрыдлов, Н. И., вице-адм., гл. командир Черноморского флота и портов, после гибели Макарова назначенный команд. Тихоокеанской эскадрой.

[27]) Линевич, Н. П. (1838—1908), ген.-от-инфантерии, 3 марта 1905 г. назначен главноком. сухопутными и морскими силами, действовавшими против Японии.

[28]) «Оборона ведет только к гибели».

[29]) Драгомиров, М. И., ком. войсками Киевского военного округа.

[30]) Того, адм., командующий японским флотом.

[31]) Флуг, В. Е., ген.-м., ген.-кв. 2-ой Манчжурской армии, затем военный губернатор Приморской области.

[32]) Восторгов, И. И., член Грузинско-Имеретинской синодальной конторы, позже член Моск. дух. ценз. комитета и председатель «Союза русского народа» в Москве.

[33]) Стессель, А. М., ген.-лейт., комендант крепости Порт-Артур.

[34]) Новоселов, М. А., б. толстовец, позднее писатель по рел.-философским вопросам; после Октябрьской революции — видный деятель церковной контрреволюции.

[35]) Елизавета Федоровна, жена Московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича.

[36]) Церпицкий, К. В., ген.-лейт., ком. 10-го ар. корпуса.

[37]) Богданович, Е. В. (1829—1914), ген.-от-инф., издатель патриотических брошюр.

[38]) Сахаров, В. В., ген.-лейт., в 1904 г. военный министр, член Особого комитета по делам Дальнего Востока.

[39]) 31 марта, наткнувшись на мину, броненосец «Петропавловск» вместе с 700 чел. экипажа и командующим эскадрой вице-адм. Макаровым был взорван японской миной.

[40]) Григорович, И. К., адм., ком. порта Порт-Артур, впоследствии морской министр.

[41]) Кирилл Владимирович, вел. кн., начальник военно-морского отдела штаба ком. флотом в Тихом океане, был на брон. «Петропавловск» во время его гибели.

[42]) Бенкендорф, А. К., гр., с 1903 г. посол в Лондоне.

[43]) Иоанн Кронштадтский, протоиерей, близкий к Александру III и Николаю II; один из организаторов «Союза русского народа».

[44]) Абаза, А. М., контр-адм., управляющий делами Особого комитета Дальнего Востока.

[45]) Алексей Александрович, в. кн., брат Александра III, ген.-адмирал, главный начальник флота и морского ведомства.

[46]) Авелан, Ф. К., вице-адм., начальник гл. морского штаба.

[47]) Александр Михайлович, в. кн., начальник главного управления торгового мореплавания и торговых портов.

[48]) 31 марта в одном из номеров «Северной гостиницы» в Петербурге погиб при взрыве снаряда член «Боевой организации» партии с.-р. Покотилов, участник подготовлявшегося покушения на министра вн. дел В. К. Плеве.

[49]) Иессен, К. П., контр-адмирал.

[50]) Засулич, М. И., ген.-лейт., ком. 2-го Сибирского арм. корпуса. Войска ген. Засулича были атакованы близ Тюринчена японской армией ген. Куроки и вынуждены были к отступлению.

[51]) Покушение В. И. Засулич на петербургского градоначальника ген.-ад. Трепова произошло 24 января 1878 г.

[52]) Пузыревский, А. К., ген.-от-инф., пом. командующего войсками варшавского военного округа.

[53]) Владимир Александрович, в. кн., брат Александра III, член Госуд. Совета и Комитета Министров, команд. войсками Петербургского военного округа.

[54]) Николай Николаевич, вел. кн., ген.-ад., ген.-от-кав., впоследствии, во время империалистической войны, верховный главнокомандующий.

[55]) Оку — японский генерал, командующий армией фронта.

[56]) Ср. Г. Гапон «История моей жизни», изд. «Прибой», предисловие А. Шилова, стр. 5.

[57]) Глазов, В. Г., ген.-лейт., министр народного просвещения до 17 октября 1905 г.

[58]) Штакельберг, Г. К., ген.-лейт., ком. 1-го Сибирского арм. корпуса.

[59]) 15 июля 1904 г. Плеве был убит с.-р. Е. Сазоновым, бросившим в карету ехавшего министра бомбу.

[60]) Бобриков, Н. Н., ген.-ад., финляндский генерал-губернатор был убит в 1904 г. Евг. Шауманом.

[61]) Дурново, П. Н., директор деп. полиции в 80-х гг., товарищ мин. вн. дел; в 1905 г. упр. мин. внутренних дел.

[62]) Мейендорф, Ф. Е., ген.-ад., командир 1-го армейского корпуса

[63]) Святополк-Мирский, П. Д. (1857—1914), кн., ген.-ад., министр внутренних дел с 26 авг. 1904 г. по 18 января 1905 г.

[64]) Рыдзевский, ген., тов. мин. внутр. дел.

[65]) См. «Частное совещание земских деятелей, происходившее 6, 7, 8 и 9 ноября 1904 г. в С.-Петербурге», М. 1905.

[66]) Штюрмер, Б. В., член Госуд. Совета, во время империалистической войны председатель Совета Министров (20 янв.—10 ноября 1916 г.).

К истории процесса 21.

(Письма и показания П. Ф. Якубовича).

Окончание *)

21. Показание 7 марта 1885 г.

Ввиду того, что относительно так называемой «Молодой партии Народной Воли» и «Союза молодежи» [1]) правительство имеет, как мне кажется, не совсем отвечающее истине представление, даже нередко совершенно смешивает их, а такое смешение, думается мне, может послужить даже ко вреду отдельных лиц, я согласен дать по поводу этих двух организаций некоторые разъяснения на основании известных мне данных. Поэтому прежде всего я должен заявить, что между двумя этими организациями, кроме общего слова «молодой» в их названии, никогда не было, насколько мне известно, не только тождества, но и вообще никакого отношения. «Союз молодежи», организовавшийся под этим названием в конце 1883 г. и публично формулировавший свой raison d'être в печатной прокламации, выпущенной в Петербурге в феврале 1884 г., источником своим имел «Студенческую лигу» [2]), пытавшуюся организоваться еще весной 1883 г. Весной этого года до меня доходили порой толки о ней среди молодежи, но до того противоречивые и неясные, что я лично не придавал ей ни малейшего значения. Только осенью 1883 г., в одной из бесед со мною, известный Сергей Дегаев не только дал мне относительно этой «Лиги» точные сведения, но и предложил мне, между прочим, познакомиться с некоторыми молодыми людьми из главного ядра этой организации и принять в их деле участие. По его словам, задача этого ядра была — организовать большой кружок, в который входили бы, по возможности, представители революционных кружков, существующих во всех высших учебных заведениях Петербурга, ввиду достижения каких-либо более реальных результатов от обычных студенческих волнений, проявляющихся всегда разрозненно, без предварительного сговора и пр.

---

*) См. «Красный архив» 1929 г., т. V (36) и т. VI (37).

Узнав о такой цели «Студенческой лиги», я отвечал Дегаеву, что не могу принять в ней никакого участия, так как убеждения мои радикально противоположны подобной цели. Я лично с самого 1881 г., когда был еще в университете и был там свидетелем самого обширного из когда-либо бывших в университетах за последние годы беспорядков, относился к этим последним совершенно отрицательно: в тесно революционном смысле они всегда были лишь напрасной или же преждевременной тратой иногда очень полезных, но еще не окрепших сил; в широком же смысле общественного протеста против существующего порядка они никогда не достигали своей цели, потому что, по необходимости, должны были происходить, в большинстве случаев, на почве частных, специально студенческих интересов, не задевающих «общества», что называется, за живое.

Дегаев, поспорив немного, согласился со мной — и тогда приступил ко мне уже с другой просьбой: познакомиться с теми же господами и постараться их убедить в своих мыслях. Кроме отрицательного отношения к целям «Лиги» я высказал еще, что организация среди молодежи, по моему, действительно, была бы нужна, но с другой целью, — с целью сплотить «подающие надежды» молодые революционные элементы между собою, занять их посильной им работой, чтобы таким образом создалась как бы умственная и практическая революционная школа и т. д. — На это предложение я согласился, заявив, впрочем, как и всегда делал это в те времена своей революционной деятельности (до половины марта, когда с переходом на нелегальное положение во мне начался некоторый нравственный переворот), — что я согласен сколько угодно и с кем угодно говорить, вести теоретические споры и разговоры, но ни в какой «организации» личного участия не приму. Тогда Дегаев свел меня с тремя молодыми людьми, которые отрекомендовались мне разными именами и отчествами, — быть может, вымышленными, — которые я, к тому же, теперь забыл. Они и составляли «Лигу», но, как видно, дело шло плохо, и они приходили в уныние. Я изложил им свой план и свой взгляд на дело и заметил, что ни тот, ни другой не пришелся им по душе; тем не менее, они решили, в конце концов, чтобы я поговорил с их «кружками» на общем собрании этих последних. Дело в том, что эти три лица сами не могли дольше принимать деятельного участия в «Лиге», и им как центральному кружку приходилось волей-неволей ликвидировать так или иначе свои дела; должно быть, поэтому только они и ухватились за меня: один из них в каком-то учебном заведении держал выпускные экзамены и был завален работой, другой уезжал в провинцию на место, третий — военный, переходил, как кажется, к более серьезной революционной работе.

На общем собрании я был два раза — собралось человек двадцать, а во второй раз даже больше. Упомянутым трем молодым людям я был представлен Дегаевым как Петр Филиппович (кажется, без фамилии), на собраниях народу было очень много — и нужды в представлениях не было. В первый же раз мне не только удалось убедить всех в необходимости поставить вопрос о «Лиге» совершенно иначе, но даже достигнуть немедленного объявления ее закрытия, — тем более, что я предложил переменить и самое название ее на «Союз молодежи», ввиду слухов о существовании разных антиреволюционных или, как принято было выражаться проще, шпионских лиг. На следующий раз меня просили формулировать письменно мой план, что я и сделал. В этот второй раз решил даже обратиться к партии с просьбой отпечатать в ее типографии прокламацию в подобном духе. Обещание было потом, как я услышал, дано, но не Дегаевым через меня, а каким-то неизвестным мне путем. После того первоначальные мои знакомые, члены центрального кружка «Лиги», стушевались, и я их после того никогда и нигде не встречал. Когда на втором собрании было решено приступить к организации, я решил, что моя роль кончилась, и никогда больше не появлялся на больших собраниях «Союза»; но со мной довольно долгое время, до февраля 1884 г., продолжал сноситься один из его членов, имени которого я назвать не могу; сначала только по поводу бесчисленного множества редакций составленной мною по просьбе «Союза» прокламации, после же убийства Судейкина, когда у «Союза» порвались временно связи с партией, также и по поводу отпечатания прокламации в типографии этой последней.

Зиновий Андреевич, с которым я был уже знаком к этому времени, за недосугом, откладывал со дня на день непосредственное знакомство с центральным кружком «Союза», и, кажется, только при моем отъезде в Киев я свел его с упомянутым мною юношей, назвать которого я отказываюсь. Что касается прокламации «Союза», действительно выпущенной в феврале 1884 г., но в выпуске которой я не принимал ни малейшего практического участия (так как до упомянутого отъезда в Киев Зиновий Андреевич постоянно просил меня передать «Союзу», что партия пока не имеет возможности выполнить свое обещание), то я признаю, что, за исключением некоторых мест, она действительно представляет ту самую прокламацию, которую писал я; клочок рукописи от этой прокламации, предъявленный мне около месяца назад полковником Страховым, я признал писанным мною. К числу мест в прокламации, которые я не признаю своим произведением, отношу ее окончание, где идет речь об организации «Союза» и его практических задачах (перечисление родов деятельности и пр.) [3]).

До самого последнего времени мне было очень смутно известно, как организовались виденные мною молодые люди, что представляя собой «центральный кружок», все ли виденные мной двадцать человек входили в этот последний и пр. Я думаю, что организация была, во всяком случае, крайне несовершенна и что это было самое слабое место «Союза», думаю так вот почему. Мне часто приходилось впоследствии слышать и от лица партии и от студентов, имевших, повидимому, прикосновенность к «Союзу», указания и на того, и на другого, и на третьего юношу, будто бы входящего в центральный кружок (понятно, что указания эти делались не на площади, а лицам, к которым было доверие, как, напр., ко мне), и если бы верить каждому такому указанию, то центральный кружок был бы бесчислен, как песок морской, между тем как многочисленность членов центра во всяком тайном союзе, а тем более в молодом, всегда была и будет их гибелью. Мне приходилось даже наблюдать, что сами так называемые «члены центрального кружка» не решались прямо выдавать себя за таковых, — не потому, чтоб конспирировали, а, очевидно, потому, что и сами не были уверены в своей принадлежности к нему... (Я говорю только о своих наблюдениях, потому что, не будучи сам членом «Союза», хотя бы и член партии *), не имел никакого права расспрашивать его членов об их внутренней организации). Вернее всего, что до самого последнего времени (говорю о времени до моего ареста) в организации «Союза» была немалая доля безурядицы, и членом «центрального кружка» считался всякий мало-мальски выдающийся в глазах молодой публики человек, имеющий видимое касательство к «Союзу». Нередко приходилось мне слышать, таким образом, от людей, не знающих о моих отношениях к партии, что и я член «Союза» и даже «член центрального кружка».

Еще замечу, что до последнего же времени случалось мне видеть, как члены партии «Нар. Воли» имели не только смутные, но даже дикие представления о «Союзе», что объясняется, быть может, его существованием и известностью в одном Петербурге. К числу таких людей, имевших очень туманное представление о «Союзе», насколько помнится, принадлежал и Овчинников — говорю это на тот случай, если он говорил что-нибудь о «Союзе» в своих показаниях. Но, вполне признавая несовершенность организации «Союза молодежи», я убежден, что теоретически он стоит на верной дороге, организация же — дело опыта и времени, словом, дело наживное. Гектографированная прокламация, выпущенная «Союзом» прошлой осенью по поводу киевских и московских беспорядков, если извинить ей несколько напыщенный тон, мне кажется, вполне подтверждает эту мысль [4]). Если вы не име-

*) Так в подлиннике.

ете этой прокламации в отдельном виде, то можете найти ее в приложении к «Свободному слову», отобранному у меня при обыске. Это последнее издание, в котором она перепечатана, не имеет ни малейшего отношения ни к «Союзу молодежи», ни к партии «Народной Воли», не говоря уже о том, что в литературном отношении оно смеха достойно, и носил я его с собою только ради курьеза [5]).

Из всего сказанного мною вы можете ясно видеть, что «Союз молодежи» и «Молодая партия» — вещи совершенно различные. «Молодая партия» — это была часть всей революционной организации «Народной Воли», разошедшаяся кой в чем с остальной частью своих товарищей, совершенно, было, от них отделившаяся, с «Центральным комитетом» во главе (который могут ошибочно смешивать с «центральным кружком» «Союза»), наподобие «Исполнит. комитета», но потом вполне и безусловно примирившаяся и слившаяся с Исп. комитетом. Если из 10 № «Народной Воли» еще и не видно такого полного и безусловного слияния, то отчасти потому, что оно произошло несколько позже после доставления этого заявления из редакции в типографию, отчасти же, — нужно сознаться, — заявление в подобной форме было сделано ради весьма понятного и, быть может, простительного самолюбия членов бывшей «Молодой партии». Но не вся «Молодая партия» слилась с «Исполн. комитетом»: часть ее осталась при прежних своих убеждениях и продолжала действовать самостоятельно под названием «Петербургской рабочей группы». Продолжать носить название «Молодой партии» она не имела права, так как составляла лишь одну из второстепенных частей всей «Молодой партии», действовавшей на пространстве всей России, и не входила в состав центрального ядра, т. е. «Центрального комитета». Раскол продолжался (открытый) с начала или, быть может, даже с половины апреля по 1 июня 1884 г., и, к счастью, он не был еще больше санкционирован выпуском прокламации. Если и задолго до апреля были разные споры, раздоры и разногласия в партии, то они были в то время чисто домашнего, внутреннего характера, и если публика иногда узнавала о них, то разве по неосторожности отдельных лиц.

Таким образом, те чисто организационные вопросы, которые узнаны вами из записной книжки Овчинникова, хотя и служили поводом к пререканиям между членами партии, но они всецело относятся к тому первому периоду раскола (до апреля месяца), и не они были причиной открытого разделения организации на две партии (они, быть может, только подготовили почву к такому разделению). Главной же причиной раскола был рабочий вопрос. Крестьянское сословие, как та, так и другая партия, в противоположность народникам, решали оставить по разным причинам в стороне, а все усилия пропаганды и агитации

направить на рабочих фабрик и заводов, вообще на низшие сословия городов; но Исполнительный комитет ставил интенсивность этой работы в полную и безусловную зависимость от состояния сил партии для политической борьбы с существующим порядком вещей. Центральный же комитет, а в частности и Петербургская рабочая группа хотели, по возможности, уравновесить как политическую, так и социалистическую стороны своей деятельности, и в некоторых случаях даже подчинить первую последней.

О своем личном участии в этом расколе я уже имел случай дать показание. В первом периоде этого раскола, до апреля месяца, я участвовал не как член партии и вообще какой-либо революционной организации, а как совершенно частный человек общества, пользовавшийся случайно близким доверием некоторых из людей партии и считавший соответствующим своим убеждениям помогать им всем, чем возможно. Период официального разделения партий, с 1 апреля по 1 июня, совпал с моим вынужденным переходом на нелегальное положение, на которое в самом начале я перешел только из нежелания садиться в тюрьму, а не из желания работать дальше на пользу партии. Условия жизни, резко изменившиеся с этим событием, возбужденное внутреннее состояние и многое другое, конечно, постепенно затягивало меня в водоворот борьбы. Мои друзья — революционеры были из «Молодой партии», личные мои взгляды того времени на дело совпадали с их воззрениями, — и немудрено, что под влиянием всего этого в этот второй период раскола я не мог не принять в нем более активного и энергичного участия, и на моей совести, быть может, лежит даже больше греха в этом отношении, чем на ком-либо другом из «Молодой партии»: я был новичок в организации, мне не так были дороги ее предания, и я не колебался там, где другие долго боролись с собою. Но, во всяком случае, в этот второй период я больше, чем когда либо, был только теоретиком: о практических делах, о типографиях и пр. заботились другие, и я в них не вмешивался; корреспонденцией (которую также вернее всего относить к практическим делам) не заведывал — это можете видеть и из того, что за этот период, кажется, совсем нигде не найдено моих шифрованных писем, столь обильных во все другие времена. Я занимался, главным образом, пропагандой идей «Молодой партии» и отчасти приготовлением материалов для имевшегося в виду 1 № органа «Молодой партии».

Петр Якубович.

22. Показание 18 мая 1885 г.

В первое время после ареста у меня явилась мысль ввести в свои показания никогда не существовавшее в действительности, фиктивное лицо, с именем Зиновия Андреевича, которому мне представлялось тогда удобным приписать некоторые дела и факты, настоящих виновников которых я назвать не желал. Таким же образом в деятельность этого фантастического «Зиновия Андреевича» я ввел и некоторые действия, принадлежащие всецело мне.

Причин, побудивших меня создать эту воображаемую личность, было несколько: не скрою, что играло роль и чувство самосохранения. Но в настоящее время я совершенно ясно понял, что одни соображения, руководившие тогда мною, были лишь неосновательными иллюзиями, другие же были просто недостойны искреннего деятеля свободы; вот почему я решился теперь дать показания относительно своей революционной деятельности, совершенно соответствующие истине, хотя, разумеется, попрежнему, строго придерживаясь своего принципа не называть поименно лиц, которым я мог бы этим повредить, без крайней нужды (как, напр., ради их же собственной пользы).

Активная моя революционная деятельность начинается с осени 1883 г., когда, по предложению Дегаева, я взялся, в сентябре месяце, руководить образовавшейся весной того же года «Студенческой лигой» и создал из нее по своему личному плану и убеждению так называемый «Союз молодежи партии Народной Воли». Моя роль в этом деле состояла в следующем: прежде всего я убедил членов «Студенческой лиги» в неправильной постановке их программы и вообще всего вопроса о русской революционной молодежи; «Лига» имела целью создать организацию для руководства студенческими движениями, я, напротив, — д л я п р о т и в о д е й с т в и я этим движениям. Из собственного опыта, в бытность мою студентом С.-Петербургского университета с 1878—1882 г., я вывел твердое убеждение, что все эти протесты и волнения лишь понапрасну губят молодежь, часто, и даже в большинстве случаев, еще совершенно несозревшую, не составившую себе твердых революционных убеждений и поэтому впоследствии горько кающуюся в своих «увлечениях», разбивших ей карьеру и, часто, жизнь. Мне казалось, и теперь кажется, что волновать и выводить на открытые протесты не убежденную и лишь просто увлекающуюся молодежь *) — нечестно; с другой стороны, губить на пустяках, в том числе и убежденные, действительно революционные силы — нелепо, глупо. Вот моя исходная точка. «Союз молодежи» должен

*) Далее зачеркнуто: «не только нерационально, но даже».

был поставить своей целью — намечать и собирать такие действительно революционные, ценные силы, находящиеся однако еще в зародышевом состоянии, и развивать их в революционном смысле вне стен высших учебных заведений, заниматься среди молодежи пропагандой социалистических идей, но прежним сходкам и волнениям решительно противодействовать.

В этом смысле я и вел среди петербургских молодых кружков пропаганду в течение всей осени 1883 г. Самая организация в настоящем смысле этого слова создавалась очень туго, благодаря тому, что ни у кого из нас не было на этот счет ясного и пригодного к действительности плана. В 1884 г. я не принимал уже личного, энергичного участия в деятельности наиболее активных кружков «Союза», а только вел сношения с отдельными лицами, от которых и узнавал приблизительный ход их работы. Между прочим, мне было известно, — что «центральный» кружок «Союза» часто менялся в своем составе. Что касается показания Алексея Кирпищикова, будто бы он был членом центрального кружка или, по крайней мере, имел с ним оживленные сношения, то это для меня совершенная новость: я никогда не придавал ему такого значения. В общем, его показание относительно знакомства со мною, относительно того, что я иногда говаривал в его присутствии о необходимости молодежи объединиться и проч., я нахожу верными; но его сведения и понятия о том деле, в котором он, очевидно, считал себя участником, нахожу составленными, по всей вероятности, во сне, а никак не в бодрствующем состоянии. Дать показания о моих отношениях к некоторым молодым людям, названным этим господином, я отказался, потому что, сталкиваясь в то время со множеством лиц из молодежи, в большинстве, по обыкновению, безгласной, подобно Кирпищикову, я не могу в настоящее время припомнить, что именно и к кому из них относилось. Одно заявляю, что никто и никогда с положительностью не сообщал мне (и тем более сами эти лица), чтобы Достаков, Семенов и Сигов [6]) были членами центрального кружка. Таким образом, собственно говоря, мне и показывать-то об них нечего. — Прокламация, выпущенная 1 февраля 1884 г. от имени «Союза», написана мною (кроме некоторых частей, написанных, мне неизвестно, кем), но еще осенью 1883 г. *) ее же идеи развиты и в гектографированной прокламации, выпущенной 10-го октября [7]) того же года, но автор ее мне неизвестен. Думаю, что немалая доля заслуги должна быть приписана «Союзу молодежи» и его пропаганде (в течение года) в том, что осенью 1884 г. в Петербурге не произошло студенческих беспорядков, подобных киевским и московским.

*) В подлиннике описка: «1884».

С половины октября или несколько позже в отношениях Дегаева со мною произошла некоторая перемена: он стал менее откровенен, хотя посещал меня попрежнему часто, и нередко задавал странный вопрос: «Хорошо ли они законспирировались?», т. е. не болтают ли про «них» чего-нибудь среди молодежи. — В конце ноября или может быть даже уже в декабре он имел со мною весьма таинственную и конфиденциальную беседу, суть которой состояла в следующем. Он и его товарищи составят центр партии, задача которой — руководить всею революционной организацией, издавать общепартийную газету и вести наступательную борьбу с правительством, но по отдельным городам, между прочим и в Петербурге, должны создаться «местные» группы (отчасти уже существующие), задача которых: издавать, если возможно, революционные газеты и прокламации местного характера, вести рабочее дело, пропаганду среди молодежи (подобно деятельности «Союза молодежи» в Петербурге) и проч., — словом, вести всю местную революционную борьбу и, главное, быть для центра партии неиссякаемым родником новых, уже выработанных на местной работе, сил. Когда, на его предложение войти в одну из таких местных групп, я согласился, то он открыл тогда передо мной все карты и предложил войти именно в Петербургскую местную группу. Оказалось, что в Петербурге давно уже существует рабочая группа, но благодаря большим погромам 1881 и особенно 1882 гг., нарушившим нормальный ход жизнедеятельности партии, она из конспиративных видов стала совершенно в стороне и по сих пор продолжает стоять в таком же выжидающем положении. Затем есть литератор*), с которым он меня и познакомил, который берет на себя литературную сторону дела и будет издавать в Петербурге газету «Революционер» (в моих киевских письмах непонятая вами буква «Р» и есть именно первая буква этого слова). Затем, по его словам, есть много шрифта от прежней типографии и может быть добыт еще новый; есть барыня, с которой хотя он лично и не знаком, но которая, по отзывам его товарищей, вполне пригодна и согласна взять на себя роль**) такой местной типографии. Впоследствии я узнал, что он разумел Сладкову. По словам Дегаева, она была народница по убеждениям, но, желая делать хоть что-нибудь в революционном смысле, соглашается вступить в организацию «Народной Воли».

Хотя Дегаев тогда же сказал мне, что типография эта устроится помимо меня и что впоследствии для работы в ней намечено уже не-

*) Написано над зачеркнутым: «человек».

**) Очевидно, пропущено: «хозяйки».

сколько лиц из молодежи, с которой знакомиться мне не представляется пока нужды, но он, нисколько не вызываемый мною на откровенность, сообщил придуманный им самим план устройства этой типографии. По его словам, у барыни было общественное положение; никакого фиктивного брака устраивать не нужно, а просто поселиться ей в маленькой квартирке, без прислуги, без всякого компаньона, а для отвода глаз дворника, а следовательно, и полиции, вывесить билетик об отдаче внаймы комнаты и пустить первого же попавшегося жильца (лишь бы не завзятого шпиона). Таким образом, по плану Дегаева и его товарищей по комитету партии (показываю так, как мне в то время казалось), петербургская местная группа почти уже была готова, стоило только объединить Рабочую группу, «Союз молодежи», типографскую и редакционные группы в одно стройное целое. Это должны были сделать уже сами члены местной группы, в число которых входил теперь и я.

Моя роль, как я понимал, должна быть, главным образом, в руководстве «Союзом молодежи» и в участии в редакционных трудах при издании «Революционера». Познакомившись с главным редактором этого последнего (об нем я теперь же замечу только, что когда начались в партии раздоры и поднялся вопрос о разделении ее на две организации, он поссорился с революционерами, между прочим, и со мною, и вышел из организации), — я узнал, что он привлек уже к участию в редакции еще одного молодого человека, которого я уже лично привлек потом и к другим революционным делам. У редактора «Революционера», как я вскоре убедился, было знакомство и с другими членами из «центра», кроме Дегаева; через него-то, когда исчез Дегаев, и у меня потом завязались с ними сношения. А именно, в первые же дни после убийства Судейкина, один господин предлагал мне перенести с одной квартиры на другую шрифт, и тут произошла та история, которую я рассказывал в своих показаниях о вымышленном мною «Зиновии Андреевиче»: я отказался. — Но около 10 января 1884 г., или, может быть, даже раньше, этот человек куда-то исчез, быть может, был арестован, быть может, уехал, — мне неизвестно. Тогда я узнал, что мой коллега по редакции ведет сношения с какой-то барыней, временно уполномоченной от комитета и еще с другим каким-то господином. С последним я виделся очень мало, но с барыней познакомился близко и с ней вел довольно долго сношения от имени Петербургской местной группы партии «Народной Воли». С упомянутым господином, ее коллегой, я встречался несколько раз мимолетно только в ее обществе; о знакомстве же его с редактором «Революционера» я только предполагал.

Назвать все эти лица я не желаю.

Из этих сношений, в течение января месяца, довольно вялых и бессодержательных, я вывел одно, что они хоть и временно будто бы уполномоченные лица, в сущности, находятся в каком-то колебании и неизвестности и как будто не решаются быть действительно полномочными, иными словами, самостоятельными не только в делах, но и в словах; по всей же вероятности, я ошибался, и такое впечатление составилось у меня мало по малу оттого, что они были осторожны, я же ретив и необдуманно пылок. — Вся молодежь, а в том числе и я, ждали какого-нибудь ясного и энергичного слова от комитета и о Дегаеве и вообще о революционном деле, находившемся в последние полтора года в каком-то странном, двусмысленном положении. А поверенные центра не могли или не хотели ничего сказать ясно не только о будущем, но и о прошедшем. Это раздражало такого человека как я, и отсюда шла та преступная вражда, которую я впоследствии повел в таких широких размерах с комитетом и в которой теперь глубоко раскаиваюсь. Впрочем, в январе это раздражение было еще смутно и слабо, так как я с своими столь же молодыми коллегами по местной Петербургской группе был совершенно изолирован от других иногородних революционных групп. Редактор «Революционера», кроме исполнения своей специальной функции, отказывался принимать какое-либо участие в организационных и партийных вопросах и тем более в спорах. — Поэтому, до своей поездки в Киев, в конце января, я мирно продолжал вести сношения с упомянутыми выше лицами от центра, спешил познакомиться с главными товарищами по местной Петербургской группе и вообще занимался второстепенными революционными делами не общего значения. Между прочим, я узнал, что у нас есть уже, хотя и в зародышевом еще состоянии, также и паспортный стол и занимающаяся его делами особая группа, во главе которой состоит человек, который должен был, подобно мне, входить в состав местного центра. Таким образом, этот последний должен был состоять пока из редактора «Революционера», меня, как представителя «Союза молодежи», и других представителей, — одного от типографской, другого — от паспортной группы. Этого последнего буду просто называть паспортистом; он был после меня всех активнее в нашей группе; с ним я особенно сблизился. Через него же я узнавал о ходе дел в типографии, так как от меня, как ведущего дело с молодежью — наиболее скомпрометированной частью общества, — типографская группа сторонилась в том смысле, что избегала по возможности непосредственных со мною сношений. Так шли дела до моей поездки в Киев, совершенно перевернувшей все вверх дном; к ней я теперь и перейду.

Петр Якубович.

23. Показание 20 мая 1885 г.

Прежде, чем перейти к описанию моей поездки в Киев, я должен исправить большую погрешность против истины, вкравшуюся, благодаря торопливости, в мое предыдущее показание, а также и пополнить важный пробел. А именно, относительно «господина», предлагавшего мне, вскоре после 16 декабря 1883 г., перенести с одной квартиры на другую шрифт, — я сказал там, что познакомился с ним через редактора «Революционера», но это совершенно неверно. Вообще все факты этого знакомства были мною включены в описание первого времени моих сношений с фиктивным «Зиновием Андреевичем».

Дегаев, незадолго до 16 декабря, введя меня в организацию местной Петербургской группы, познакомил меня, между прочим, и с этим господином, как человеком центра, на случай своего ареста, как он говорил. Быть может, что он, Дегаев, познакомил его со мною у редактора «Революционера», но мне что-то больше помнится, будто он привел его прямо ко мне на квартиру (на Спасской улице). Видался я с этим новым лицом до 16 декабря очень мало, но 16 или 17 декабря (наверное не помню) я встретился с ним совершенно случайно (я шел к одному знакомому, от которого тот выходил в это время), и на лестнице у нас произошел тот разговор, который я приписывал Зиновию Андреевичу: он предупредил меня, что меня могут арестовать в первую голову, чем страшно изумил. На вопрос о подробностях убийства Судейкина сказал, что сам еще не знает, но что никто до сих пор не арестован. — Мы назначили свидание через один день, и в этот раз он дал мне прокламацию о факте 16 декабря и просил перенести шрифт. Один из мотивов моего отказа был еще и тот, что странно предлагать подобное дело тому человеку, которого только-что предупредил, что он может быть арестован. После этого случая я виделся с ним еще, может быть, один или два раза, ничем особенным не врезавшиеся в моей памяти. В начале января, а, может быть, даже и в конце декабря он куда-то уехал, а впоследствии я как-то совсем позабыл о нем и не любопытствовал узнать об его дальнейшей участи, но никогда более с ним не встречался.

Перехожу к поездке в Киев. Мне было предложено предпринять ее людьми из «временного центра партии». Я называю этих людей людьми центра (хотя бы и временного) лишь для краткости; в сущности же, в сношениях со мною они никогда не претендовали явно на подобную роль, а были только временными посредниками между центром и революционным обществом. Все связи, между прочим, и с Киевом, были,

по их словам, временно поручены им для хранения; этим, вероятно, объясняется и то, что они давали на многие мои вопросы весьма уклончивые ответы, а равно и то, что они медлили и не решались приступить к каким-либо решительным действиям. Нет сомнения, что, кроме того, здесь играли роль и конспиративные соображения, невольно являвшиеся у них при виде меня, которого они почти не знали, но в котором видели слишком пылкого и неосторожного юношу. — Я ничего этого в то время не хотел понять и, в свою очередь, не зная их лично и не имея возможности каким-либо веским авторитетом проверить их компетентность и полномочия, не желал быть искренним с ними. Явилась несчастная конспирация друг от друга в таких случаях, где необходимо было полнейшее единодушие. — Первоначально я отказался от поездки в Киев; но, уже отказавшись, начал помалу увлекаться перспективой поездки на юг; а так как и центру (п о в т о р я ю: э т о л и ш ь д л я к р а т к о с т и) было крайне важно кого-нибудь отправить туда, то меня продолжали уговаривать. Дело в том, что, по их словам, там была целая довольно важная организация, от которой давно уже не было никаких вестей, поэтому туда нужно было свезти некоторые инструкции, новые адреса, деньги и пр. Но я окончательно решился только тогда, когда мне сообщили, что я встречу в Киеве своего близкого знакомого — Шебалина.

О своих отношениях к этому последнему, а также к Васильеву и Караулову я дам в настоящее время совершенно откровенное показание ввиду того, что оба они осуждены Киевским военно-окружным судом *). Собственно говоря, действительно, близким моим приятелем был только Васильев. Уехал он из Петербурга в Киев, кажется, летом 1883 г. только потому, что ему как-то не давалась личная жизнь в Петербурге, а там он рассчитывал найти место. С Шебалиным он был хорошо знаком еще в Петербурге, помимо всякой революции, которой Васильев (хотя и осужден) никогда не занимался по профессии. Шебалина, как я еще раньше объяснил, я знал только по университету. О причастности его к революционному делу и знакомстве его с Дегаевым, в бытность его в Петербурге, я только догадывался. — Осенью 1883 г. видел его в Петербурге только однажды, а затем он исчез, куда — неизвестно.

И вот, теперь, в январе 1884 г., я узнал, что Шебалин — в Киеве и что именно к нему-то и адресуется поручение. Хотя Шебалин и никогда не был в действительности моим близким приятелем, но,

*) Далее зачеркнуто: «и из-за моих настоящих показаний не будут снова потревожены. К тому же я не имею ничего показать такого, что могло бы усугубить вину Шебалина или Макара Васильева, а также и Василия Караулова.»

как всегда это бывает среди чужих и новых людей, даже и мало знакомый лично человек становится уже почти другом [8]). А у меня в революционной среде с каждым новым днем являлись все новые и новые знакомые, с которыми, разумеется, я не мог быть так откровенен, как с Шебалиным. Даже Овчинников где-то пропадал и не являлся в Петербург, хотя его и давно уже ждали. Когда я дал согласие на поездку в Киев, мне была сообщена тамошняя явка, но с предупреждением, что являться на нее опасно. Поэтому я имел в виду прежде всего разыскать своего личного приятеля Макара Васильева, который, я предполагал, непременно должен был знать, арестован ли Шебалин, и, если нет, где он. Таким образом, я повез в Киев письмо неизвестного мне содержания, зашифрованные новые адреса (которые, впрочем, я собственноручно переписал, как и прежде объяснил, сперва на маленький лоскуток бумаги, который скрыл в карманных часах, а по приезде в Киев с этого клочка воспроизвел на бумаге обыкновенного формата), а также мне был устно передан ключ к шифру.

Хотя и с большим трудом, я отыскал по приезде в Киев Макара Васильева, и тот немедленно повел меня на квартиру Шебалина. Исполнив буквально данное мне в Петербурге поручение к нему, я, конечно, вступил с ним в частную беседу о волновавших меня революционных вопросах. Не знаю, конспирировал ли со мной Шебалин или нет, но если и конспирировал, то, наверное, только в частностях; в общем же,— я глубоко в этом убежден,— был совершенно искренен: по его словам, для него факт 16 декабря, выяснивший настоящую личность Дегаева, был так же, как и для меня, совершенной неожиданностью; он так же, как я, предполагал в то время, что комитет давно уже знал, кто был Дегаев, и счел за лучшее утаить это от большинства революционной организации. Такое недоверие, повлекшее потом за собою такие громадные аресты, нас обоих возмущало. Мы не хотели и не могли в то время понять, что если и были некоторые лица в революционной организации, которые своим халатным отношением к делу или недальновидностью допустили Дегаеву все забрать в свои руки и проглядели его личность, то в настоящее время в комитете могли уже стоять люди не только энергичные, безусловно честные и достойные, но даже и не щадившие всех возможных для человека усилий, по возможности, исправить ошибки и своих предшественников и, быть может, свои собственные. Мы не понимали, что бунтовать против теперешнего комитета было преступно: что нужно было, напротив, примкнуть к нему и во всем безусловно покориться как наиболее солидной и опытной группе партии. К Шебалину этот упрек

может относиться сравнительно меньше, так как он арестован в такое время, когда у нас почти не было еще никаких сведений о комитете, когда он для нас словно в воду канул и подавал лишь смутные вести о своем существовании через своих «временно уполномоченных» в Петербурге; но упрек этот всецело должен пасть на меня и на Овчинникова, когда в феврале и в марте месяце того же года мы подняли открытый бунт против комитета. С Шебалиным же мы возмущались только каким-то воображаемым комитетом.

Относительно положения киевской организации я мало любопытствовал расспрашивать Шебалина, а что знаю, о том показывать не желаю. Ни с кем он меня не знакомил; но признаю, что у нас была мечта, во время моего кратковременного пребывания в г. Киеве (я рассчитывал пробыть лишь дней десять), собрать здесь небольшой, так сказать, прелиминарный съезд из находившихся, как мы предполагали, по близости некоторых других выдающихся молодых революционных деятелей. А именно, Шебалин ждал со дня на день некоего, лично мне неизвестного, Василия Алексеевича, рассчитывал также на приезд «Стася», о котором я тогда впервые услышал, и кое-кого еще. (Должен заметить здесь, несмотря на уверение прокурора Котляревского в том, что Шебалин уже осужден, что я не утверждаю этими словами, будто Шебалин был лично знаком с обоими этими лицами; относительно «Стася», я ничего верного про это не помню, а про Василия Алексеевича знаю наверное, что Шебалин, по крайней мере, в то время только слышал об нем). Затем, на нашем предполагавшемся съезде должны были участвовать и некоторые лица из киевской местной организации. Тогда же, впервые, я слышал имя некоего Михаила Андриановича или Адамовича — наверное не помню, так как лично с этим лицом никогда знаком не был.

Я выехал из Петербурга 19 января, а обратно вернулся в Петербург, должно быть, 3 февраля, не дождавшись приезда нужных для съезда лиц. Перед отъездом я заключил с Шебалиным, а через него и с тогдашней киевской организацией союз от имени местной Петербургской группы, целью которого было совершенно самостоятельно объединить партию «Народной Воли», выбрать комитет и издать десятый номер. Что касается последнего, то в то время все единодушно были согласны в постановке программных вопросов: даже петербургские представители центра признавали, что необходимо несколько шире прежнего поставить рабочее дело. Между прочим, статья, начинающаяся со слов: «После победы, которую партия «Народной Воли» одержала 1 марта над самодержавием», имеющаяся у вас в копии, писанной моею рукой, и ставящая революционный вопрос

именно таким «широким» (как мне тогда казалось) образом, исходила от членов «временного центра»: она была дана в оригинале для прочтения редактору «Революционера», а от него уже взял я, и, очарованный ее ясностью и энергией, переписал ее лично для себя. Так как она очутилась, как вы мне теперь сообщаете, у Овчинникова, то, вероятно, она была потом передана ему мною (тоже для прочтения), хотя обстоятельство такой передачи я не помню. Статья эта, как объяснял мне редактор «Революционера» со слов давших ему эту статью лиц, претендовала пойти в 10-м номере в качестве «передовицы». Относительно номера у нас было решено с Шебалиным торопить его во что бы то ни стало и отпечатать и в Петербурге и в Киеве: типографии были; значит, следовало только собрать скорее литературный материал да, самое главное, убедить всех действовать единодушно. В обыкновенное же время предполагалось, что в Петербурге будет издаваться местная газета «Революционер»; в Киеве — также. Уезжая из Киева, продолжая честно исполнять возложенную на меня миссию, я взял от Шебалина новые адреса и явки для комитета и (начиная уже свой бунт против этого последнего) также и для нашей Петербургской группы: наши же адреса и явку обещал выслать уже из Петербурга. Ключ между нами был установлен, кажется, тот же самый, который я привез ему от комитета.

Таким образом, я возвратился 3 февраля в Петербург уже бунтовщиком, в полном смысле этого слова, человеком, не признававшим никаких организационных авторитетов *). Но открытый мятеж против комитета я поднял только тогда, когда в конце февраля приехал из провинции Овчинников, сидевший там все время в полном неведении и страшно вооруженный против какого-то Стася, которого он чуть ли и не отождествлял (совершенно ошибочно, как я потом узнал) с Исполнительным комитетом. До тех пор я знал Овчинникова только как человека, и для меня было неизвестно, что он, при всех своих личных прекрасных качествах, при всей своей честности, как деятель — был совершенно недалек, узок и неспособен. Поэтому появление его в нашей наэлектризованной уже молодой среде было каплей, переполнившей чашу. Но я зашел слишком далеко вперед и должен вернуться к истории типографии.

Я упоминал уже, что план ее устройства принадлежит Дегаеву. Лично в этом устройстве я не принимал никакого участия, но как член местного центра узнавал своевременно во всех подробностях, как подвигалось дело. Я знал только, что квартира была по Лиговке, но номер дома и фамилию Сладковой услышал лишь в последние дни

*) Далее зачеркнуто: «как встарину нигилисты блаженной памяти».

существования типографии. Положение ее перед моим отъездом в Киев было таково: квартира была нанята, все устроено, и вывешен билетик об отдаче внаймы комнаты. (Тут же замечу, что по словам Дегаева, типографская работа могла происходить без труда так тихо, что ее совсем не слышно в соседней комнате; то же самое я слышал впоследствии и от других специалистов: это и был один из мотивов предложенного Дегаевым устройства Лиговской типографии.) Оставалось пустить подходящего жильца, но несколько мастеровых, рекомендованных хозяйке квартиры дворником дома, представлялись ей подозрительными. Был желательнее студент или курсистка. Желательнее всего казался человек, заведомо известный своей честностью и благонадежностью в глазах правительства, но такого не находилось. И вот почти накануне своего отъезда в Киев (точного времени не помню) подвернулся такой случай. Я услышал, что один мой знакомый (студент) ищет в тех краях комнату и в отчаянии, что не может отыскать подходящей. Человека этого я знал, как большого чудака и немного даже пьяницу, в течение нескольких лет встречался с ним, как с приятелем, хотя, в сущности, как это часто бывает, знакомство наше было шапочное. Но, со свойственной мне живостью, я с жаром ухватился за выпавший случай, затащил этого господина к себе, где меня ждал в это время человек, видавшийся с Сладковой, и этот последний немедленно повел его знакомить с хозяйкой в ту квартиру, где у него было назначено с нею, через час или два, свидание. Я уехал в Киев в полной уверенности, что дело устроилось прекрасно. Каково же было мое изумление, когда, вернувшись, узнаю, что на самом деле я не устроил дело, а только чуть не наделал беды! А именно фамилию предложенного мной жильца услышал другой из наших товарищей и страшно против него вооружился, как знающий этого человека ближе. Хотя я отказываюсь назвать моего неудавшегося кандидата в жильцы, но мотивов, заставивших моего коллегу против него восстать, по некоторым соображениям сообщить также не желаю; довольно того, что они показались вескими, и было решено во что бы то ни стало от него отвязаться. Так и сделали. Затем впустили первого пришедшего нанимать комнату студента, который оказался студентом технологического института Булыгиным. По какой-то странной случайности отчества обоих жильцов, и того, который предполагался, и того, который действительно сделался им, были одинаковы — Андреевичи. Но, кажется, еще во время моего пребывания в Киеве, оказалось, что второй Андреевич, т. е. Булыгин, для конспиративной квартиры был человек столь же мало подходящий, как и

первый, только в другом роде: у него была масса знакомых курсисток (по крайней мере, мне так рассказывали), которые постоянно к нему ходили, и, следовательно, кто-нибудь из них легко мог привести за собою «гороховое пальто»; к тому же он увлекался вечеринками, продавал билеты и прочее *). С того времени мы и говорили постоянно о первом и втором Андреевичах, что один другого не лучше.

Все помарки на этом листе, а также и на предыдущих (в том числе и помарка в 4 строки) сделаны самим мною.

Петр Якубович.

---

24. Показание 24 мая 1885 г.

Хотя я возвратился в Петербург из Киева уже сильно вооруженным против слишком таинственной и нерешительной деятельности того комитета, который рисовался в моем воображении на основании смутных и неполных сведений о нем, однако я не сразу по приезде в С.-Петербург стал во враждебные к нему отношения и прежде употребил все усилия, какие только допускал мой характер, не нарушать мира и подчиненности. Поэтому сношения мои с «временным» с.-петербургским центром продолжались.

Я продолжал настаивать на необходимости спешить выпуском № 10, мне продолжали давать на этот счет уклончивые ответы. Вскоре возник спор еще по вопросу об отношении партии к личности Дегаева. Страшно возмущаясь им, больше чем кто-либо (в это время в революционных кружках уже бродили слухи о его подлинной роли, хотя и под некоторым сомнением), я полагал, тем не менее, вместе с редактором «Революционера», что следовало по возможности подавить эти слухи, чтобы не скандализировать революционное знамя пребыванием под ним в течение столь долгого времени изменника и предателя; впоследствии, и очень скоро, я сам увидел, что сделать это было уже невозможно да что и вообще всегда самое лучшее действовать и говорить начистоту, без обманов; но в то время, сам еще не будучи вполне уверен в такой гнусности **) Дегаева, о какой говорили слухи, в то время я стоял за тайну. Временный центр был сторонником полного чистосердечия партии перед обществом. Поэтому, когда, по опубликовании правительством объявления о награде за поимку Дегаева, редактор «Революционера», а за ним и другие наши молодые товарищи предлагали выпустить контр-объявление, временный центр воору-

---

*) Далее зачеркнуто: «Словом, жилец был неудачный».

**) Написано над зачеркнутым: «столь гнусной чудовищности этой личности».

жился сначала против этого предложения. Выпустить же прокламацию самостоятельно мы имели право только от имени «Петербургской местной группы партии Народной Воли», а это, думалось нам, произвело бы слабое впечатление: нужно было имя комитета. Узурпировать себе права этого последнего мы, разумеется, не решались; поэтому употребляли все усилия, чтобы склонить центр на нашу сторону, представляя ему на вид важность и выгоду момента.

В конце концов, удалось помириться на выпуске такой прокламации, но в самых общих чертах, относя ее к личности самого Дегаева. Эта прокламация, действительно, была отпечатана, кажется, 26 февраля, и об ней именно я пишу Шебалину, что хорошо бы сделали и они, воспроизведя ее в киевской типографии и распространив также и в Киеве. Но и получив согласие временного центра, мы совершили все же узурпацию, так как и у него, в силу временности и неполности власти, не было, в сущности, права говорить от имени комитета. Решились мы на это ввиду исключительности момента, а нетактичность нашу (которая в действительности была, хотя в то время мы и проглядели ее) комитету пришлось впоследствии загладить в 10-м № примечанием к этой прокламации.

В своих письмах в Киев к Шебалину, из которых, к счастью, в ваши руки попала лишь небольшая часть, я описываю в мелочах все перипетии этого периода моей деятельности и, между прочим, упоминаю, что на выпуск прокламаций согласились «А. К.», «А. П.» и еще другие лица. Это вовсе не значит, чтобы согласие это было дано лично мне, как и то, чтобы все лица, о которых я упоминаю в других местах тех же писем, были непременно лично со мною знакомы и лично от меня получали различные поручения или давали мне свои. Но, с другой стороны, объяснить все подробности наших отношений я не желаю тем более, что многое просто забыто мною в настоящее время. В частности, что касается лица, обозначаемого мною в этих письмах литерами «А. К.», я должен сказать, что в предъявленной мне карточке отставного штабс-капитана Константина Степурина, которого вы предполагаете под этим лицом, я не могу в настоящее время признать кого-либо из своих революционных знакомых того времени, тем более, что лично мое общение с упомянутым «А. К.» было чересчур мимолетно, — сношения же и различные переговоры производились чрез посредство других лиц. Но ввиду того, что эти другие лица, между прочим, и барыня, о которой я упоминал в одном из предшествовавших показаний, или прямо говорили со мной от имени «А. К.», или же я сам, по разным соображениям, подозревал в их словах и действиях зависимость от этого лица, то, ввиду этого, я и писал к Шебалину только об «А. К.», имя которого и ему было известно. В рез-

кости своих выражений об «А. К.» я в настоящее время глубоко и искренно раскаиваюсь: то, что было, в действительности, конспиративной уклончивостью, я считал и называл, по горячности, лживостью, осторожность — мелочностью и пр. Единственное оправдание мне заключается в том, что письмам своим к Шебалину я придавал (как оно было и на самом деле) не официальный и организационный характер, а дружеский, интимный: я писал к Михаилу Шебалину, а не к киевской революционной группе, так как плотная *) и настоящая организация не была еще установлена, а была лишь поставлена нами — целью. Именно ввиду интимного характера писем, я не считал нужным зрело обдумывать не только свои выражения, но и те факты, которые сообщал: что последнее было мною где-нибудь услышано, о том я и спешил написать, не особенно много заботясь о проверке и точности. Возможность ареста писем мне просто не приходила в голову, тем более, что писал я на адрес Макара Васильева, который не был в организации и стоял, как мне казалось, вне опасности. Из числа таких спешно сообщенных и непроверенных фактов я назову прежде всего сообщение о том, будто Кривенко передавал из дома предварительного заключения, чтобы не доверять «А. К.» Не скрою, что за этот слух я ухватился в то время с самым недостойным и преступным легкомыслием; но прежде чем распространять его официально в С.-Петербурге, я, конечно, потом проверил его верность и к стыду своему узнал, что он целиком был ложью, недоразумением. Ничего относящегося к делам партии Кривенко и не думал передавать на волю из своего заключения. Мне очень [бы] хотелось, ради Кривенко, доказать это свое утверждение фактами, но я, к сожалению, не мог бы этого сделать, не запутав несколько других лиц, чего не желаю. — В другом письме, кажется в самом последнем, я сообщаю, что «А. К.» арестован. Это также было поспешное сообщение, которое, без сомнения, было принято вами во внимание и, вероятно, послужило к отождествлению «А. К.» с Константином Степуриным, быть может, арестованным около того же времени (я не помню, когда был арестован Степурин). Быть может, «А. К.», действительно, был арестован впоследствии — этого я не желаю сказать, но в т о т м о м е н т, когда я написал об его аресте Шебалину, слух был совершенно ложен и опровергнуть его я не успел только благодаря аресту самого Шебалина.

Деятельность местной петербургской группы в этот период заключалась в следующем: я вместе с редактором «Революционера» продолжал собирать и заготовлять материал для предположенного нами

*) Так в подлиннике.

местного журнала и в то же время настаивать, в сношениях с центром, на возможно скором выпуске 10 №, причем защищал предложенную ими же самими передовую статью, к которой они стали почему-то относиться довольно холодно. От непосредственной работы в «Союзе», я в это время давно уже отстранился, чтобы не производить на молодые кружки какого-либо давления, но деятельно вел сношения с выдающимися кружками «Союза» и отдельными личностями, более сложившимися в революционном отношении, пропагандируя среди них обновленную программу партии, как она отражалась отчасти и в предположенной передовой статье для 10 № («После победы» и пр.) и как все члены партии единогласно в то время понимали эту программу; более широкая постановка рабочего дела, допущение в некоторых выдающихся случаях фабричного и аграрного террора, расширение свободы и самодеятельности местных революционных групп и проч. и проч. Так понималась новая программа еще при Дегаеве; в этом духе ожидала молодежь передовых статей № 10; это считалось настолько назревшим и неподлежащим сомнению, что в то время я пропагандировал такую программу, как и другие то же самое делали, без малейшего колебания. Но вскоре, когда в Петербурге явилась делегация настоящего полномочного комитета, энергично стоявшая за прежнюю, ни в чем неизмененную программу партии «Народной Воли», тогда мы не могли не притти с нею в столкновение и по теоретическим революционным вопросам. Таким образом, если для обвинительной власти имеет какой-либо интерес этот вопрос, она должна искать зачатков программы будущей «Молодой партии» не в марте месяце 1884 г., а значительно раньше.

Кроме пропаганды я имел в виду намечать из молодежи отдельных выдающихся лиц для введения их в организацию местной Петербургской группы, а, быть может, и в более широкую организацию (так смутно думалось мне в то время), если бы дальнейшие отношения к нам Исполнительного комитета вынудили нас пойти совершенно отдельным путем, и осуществить союз, заключенный мною с Шебалиным во время пребывания в Киеве. Впоследствии так и случилось, и многие из намеченных мною в это время лиц вошли тогда в организацию «Молодой партии». Рядом с моей деятельностью продолжала работать типографская группа, пока существовала типография Сладковой, и группа паспортного стола, в которую входили резчики печатей, копировальщики, собиратели дубликатов и проч., и во главе которых стояло лицо, названное мною раньше «паспортистом».

Петр Якубович.

25. Показание 27 мая 1885 г.

Мне остается сказать очень немногое о своих письмах к Шебалину, а именно об упомянутом в одном из них «Павле Ивановиче», о подлинном имени которого я будто бы узнал конфиденциально через приехавшего в Петербург Михаила Адамовича. Чтоб объяснить это место письма, я должен сказать еще несколько слов о том, какую роль играло в то время лицо, названное мною «паспортистом». В нашей среде оно было известно под другой кличкой (и даже не одной), называть которую я не желаю; около него группировались резчики печатей и прочие члены группы паспортного стола. Михаил Овчинников, приехавший в Петербург около этого же времени, официально в этой группе не состоял, а прибегал ли «паспортист» к его помощи и советам в паспортном деле, мне неизвестно.

Кроме своего специального дела «паспортист» как член местного петербургского центра, подобно мне, ведал в общих чертах все наши местные революционные интересы и, напр., к типографской группе имел даже несравненно больше прикосновенности, чем я. Я уже раньше упоминал, что из всей нашей группы он нравился мне больше всех остальных товарищей, и по возвращении из Киева я немедленно сообщил ему содержание моих бесед с Шебалиным и все наши планы, которые ему, имевшему об Исполнительном комитете еще более смутное представление, нежели я, пришлись весьма по душе. Не разрывая с временными посредниками комитета, находившимися в Петербурге, мы готовились встретить такое положение дел, которое заставит нас выступить с самостоятельной революционной организацией. В моей личной деятельности признаком такого «приготовления» была интимная переписка с Шебалиным (веденная мною без всякого на то права, тайно от центра); «паспортист», имевший много знакомств и связей в учащейся молодежи и обществе, взял на себя укрывательство нелегальных, которые в то время начали у нас появляться: Овчинников, «человек из Сибири», как сказано у меня в письме к Шебалину, оказавшийся теперь, как вы мне сообщаете, Лаговским, Михаил Адамович и др. Из них с Овчинниковым я много раз видался по его приезде в Петербург, как с старинным знакомым; фамилию же Лаговского впервые услышал от вас, т. е. уже после своего ареста, но по возвращении из Киева узнал от «паспортиста», что прибыл человек из Сибири, представивший надежные рекомендации и желающий переговорить с кем-нибудь из центра. Новый факт нашего «приготовления» к самостоятельной деятельности: мы решили, до поры до времени, не говорить о нем центру, его же самого убедить поступить в нашу местную группу. Так и сделали: паспортист сообщил ему о смутном положении

партии после 16 декабря, о неясности некоторых организационных вопросов и необходимости хранить некоторое время выжидательное положение. Ввиду этого выжидательного положения лично я нисколько не торопился свиданием с Лаговским, даже, напротив, избегал его, тяготясь бессодержательностью предстоящей беседы. Именно поэтому, когда однажды представилась необходимость, по какому-то очень важному делу, сходить на квартиру к г. Гассельмейеру (по этому паспорту был прописан Лаговский) и роль эта выпала мне — в безопасности квартиры Лаговского уверял меня паспортист, — то я счел за лучшее письменно сообщить ему то, что было нужно. Таково происхождение имеющегося у вас и предъявленного мне конверта, найденного при обыске у Лаговского, с адресом, писанным моею рукою [9]).

Вскоре же после этого случая, Гассельмейер был, по неизвестной мне причине и при неизвестных обстоятельствах, арестован. В ином положении, насколько мне было известно это со слов «паспортиста», был другой нелегальный, которого я называю в письме к Шебалину буквами «М. А.» и которого, сколько помню, звали, действительно, так, как вы мне говорите, т. е. Михаилом Адамовичем. Он был в Петербурге очень недолго, — приехал, должно быть, около 5 марта 1884 г. и уехал, не знаю куда и для чего, но, как я слышал в то время, на короткий срок, около 15 числа того же месяца, и потом уже не возвращался, так как был где-то по дороге арестован: сознаюсь, что только этой кратковременностью его пребывания в Петербурге объясняется, что я с ним не познакомился, потому что мне было крайне интересно увидеться с ним и лично что-нибудь услышать о киевских приятелях. О личности самого Михаила Адамовича я имел в то время, со слов других, столь же смутное представление, как и теперь: я думал, что подобно Павлу Ивановичу, хотя раньше этого последнего, он приехал из-за границы сначала в Киев, а затем в Петербург, но только без полномочий от комитета, что личное отношение его к комитету настолько еще не определилось, а взгляды на революционные дела настолько сходились с нашими взглядами, что была надежда привлечь его в нашу будущую организацию. К этому времени (в первой половине марта), на основании самых разнородных и ничем не проверенных слухов и сведений, слов Овчинникова, Михаила Адамовича и пр. и пр., у меня составилось, между тем, окончательно невыгодное мнение о комитете: его начинали обвинять в том, что, давно зная от Дегаева, к т о и м о г о в о р е н Судейкину, он не спешил во что бы то ни стало предупредить этих оговоренных лиц об угрожающей им опасности. Между тем уже начинались там и сям аресты, которые приписывались именно оговору Дегаева.

Кончаю о Михаиле Адамовиче. Он приехал в Петербург совершенно нечаянно, никем из нас не ожидаемый, и явился к «паспортисту» по нашей местной явке и паролю, перед тем посланным мною Шебалину для киевской местной группы. Что он делал в Петербурге, мне неизвестно, но я предполагал, что он имел свидания также и с временным центром, так как и Киевская местная группа, подобно нашей, не прерывала с ним связи и переписки. Зачем и куда уехал Михаил Адамович из Петербурга в половине марта, я также не знал и не знаю. Что приехавший около этого времени в Киев «Павел Иванович», о котором, впрочем, Шебалин ничего не писал мне, был не кто иной, как Василий Караулов, это было, вероятно, сообщено им конфиденциально «паспортисту», который под тем же секретом сообщил то же самое мне, а я, очень близко знавший Караулова в прежнее время — не как революционера, а как человека и даже гостивший у него в имении летом 1883 г. (о чем я показал еще в самых первых моих показаниях), я письменно признался в проникновении в эту тайну Шебалину; отчасти мне хотелось выразить мою радость по поводу того, что оказался таким честным и благородным некогда любимый мною, но потом несколько упавший в моих глазах человек (под влиянием слухов об его удалении за границу), с другой же стороны высказать опасение, что человек — подобный Караулову, мягкий, склонный подчиняться влиянию других, окажется плохим революционным деятелем, «халатным», как резко выразился я в своем письме.

Только в половине марта 1884 г. в Петербурге окончательно был констатирован факт ареста Шебалина и разгром киевской организации. Под влиянием вражды к Дегаеву, сильно преувеличивавшей число оговоренных им лиц, мы немедленно приписали и этот факт его оговору, хотя вероятно, что были другие ближайшие причины ареста Шебалина. Между тем, по слухам, дошедшим до меня немедленно после факта 16 декабря, и я был в числе лиц, которые подлежали рано или поздно аресту. Около трех месяцев я тешился однако, подобно Шебалину, мыслью, что Судейкин унес с собою в могилу и быль и клевету относительно меня, т. е. все, что было наговорено ему Дегаевым. Арест Шебалина поэтому сильно встревожил меня и заставил из предосторожности, не переходя окончательно на нелегальное положение, перестать однако визировать свой паспорт и посмотреть на дальнейший ход событий. Таково было мое первоначальное намерение, но затем, мало по малу втягиваемый в революционный водоворот и новыми фактами и слухами убеждаемый в том, что возврата нет и корабли сожжены, я продолжал и продолжал срок своей предосторожности, и наконец осенью 1884 г. прописался по фальшивому паспорту Петра Орлова.

В конце марта, кажется, 23 числа, погибла наша Лиговская типография благодаря тревоге (весьма возможно, что напрасной), которую подняла хозяйка ее, Сладкова, находившаяся в то время в болезненном состоянии: пищу этой тревоге давало то обстоятельство, что Булыгин, прожив в своей квартире всего один месяц, без всякого видимого основания (заподозрив, как мы думали, что-то неладное в жизни своей хозяйки) оставил свою комнату, и она опять пустовала. О происхождении моего письма к Сладковой, посланного в день ее удаления из квартиры и потому находящегося в настоящее время у вас, я могу очень мало прибавить к показанному мною прежде, разве изменить некоторые подробности, так как теперь я оставил фиктивную личность Зиновия Андреевича. Одна знакомая курсистка, очевидно, знавшая о моей революционной деятельности, встретив меня, объявила мне, что давно уже ищет кого-нибудь «из партии» для сообщения важной новости: хозяйка типографии находит с своей стороны необходимым покинуть квартиру, но, прежде чем сделать это, желала бы получить какой-нибудь совет. Я ответил, что если никаких более сериозных, чем прежде, симптомов опасности не появлялось, а все они заключались, как прежде, в одном слежении, то следовало повременить хотя бы дня два-три для того, чтобы очистить типографию. Затем прибавил, что увижусь с лицами, более меня компетентными в этом деле, и затем завтра же утром пошлю хозяйке квартиры с посыльным письмо, в котором будет назначено ей иносказательно свидание. Легче было, разумеется, не посылая письма, назначить свидание через эту же курсистку устно; но дело в том, что она не ручалась за то, что Сладкова дождется ее; кроме того, отправку письма через посыльного я считал вполне безопасной, курсистка же уверила меня, что сутки и даже больше Сладкова, во всяком случае, проведет в квартире, не оставит ее произвольно. На случай, если Сладковой неизвестен почерк ни одного лица из тех, с кем она сносится, я обещал, что письмо будет подписано «Александр Иванович» Да и помимо этого заранее сделанного условия я предполагал, что эта кличка моя была известна ей (с кличками у нас не было принято церемониться), также как и то, что «первый Андреевич», о котором было говорено мною в предыдущем показании, был ей рекомендован именно Александром Ивановичем, т. е. мною. Расставшись с курсисткой, я отыскал «паспортиста», и мы сочинили и отправили письмо, которое в предъявленном мне оригинале я и признал своим. Впрочем, подробно и тщательно объяснять все мотивы, заставившие меня написать и отправить это письмо, нечего, так как в конце концов это все же было крайне легкомысленным поступком. Сладкова не оправдала уверения моей знакомой, что в течение суток, во всяком случае, не покинет квартиры,

и, найдя, вероятно, новые, более опасные признаки слежения, ушла из нее в тот же день, а письмо мое, таким образом, дошло не по назначению. — Так кончила свое существование Лиговская типография, но мы об ней не особенно жалели, так как к этому времени к нам свалилась, все равно что с неба, другая, находившаяся при совершенно иных, несравненно более выгодных условиях. Это была Дерптская типография.

Петр Якубович.

---

26. Показание 28 мая 1885 г.

Чтобы не разрывать ради соблюдения хронологии на мелкие части показания об отдельных предметах моей революционной деятельности, я кончу сначала изложение истории возникновения и уничтожения «Молодой партии Народной Воли» и затем уже, говоря о своей поездке в Дерпт в половине июня 1884 г., сообщу и обстоятельства появления там типографии в марте того же года.

Во второй половине марта 1884 г., в Петербурге, сколько помнится, появилась, наконец, делегация Исполнительного комитета. Переговоры, начавшиеся после этого между нею и недовольною действиями комитета молодою частью революционного общества, к которой принадлежал и я, на первых же порах выяснили, что помимо некоторых организационных вопросов, обусловливавших наше недовольство, между нами существовала еще и весьма большая разница в понимании теоретической стороны революционного дела в России. Что касается первых, организационных вопросов и, главным образом, вопроса о Дегаеве, о том, что сделало возможным появление и продолжительную зловредную деятельность такого человека в партии, как и когда произошло его раскаяние перед комитетом, и, наконец, почему этот последний не счел возможным довериться хотя бы выдающимся членам молодежи и местных революционных групп и тем спасти многих от гибели, — что касается всех этих чисто домашних внутренних вопросов, то хотя на этой почве наша сторона и была готова удовлетвориться мало-мальски разумными и основательными оправданиями, но комитет с своей стороны не мог дать нам подробных и вполне искренних объяснений: наши группы в течение долгого времени были совершенно отрезаны друг от друга личностью Дегаева, и весьма понятно, что у обеих сторон не могло быть друг к другу полного доверия; как для нас появление на сцене какого-то неизвестного нам комитета было положительным deus ex machina, признать который мы могли только после конкретного и ближайшего с ним ознакомления, так и для комитета были известны в нашей среде одни только имена лиц,

о которых он или не имел никакого понятия или, что еще хуже, совершенно ложное и неполное представление. Под «нашей» стороной я разумею здесь, главным образом, петербургскую группу, затем отчасти киевскую и московскую: с последней у нас в конце марта были завязаны оживленные сношения, и когда составилась «Молодая партия» с проектированным Центральным комитетом во главе, она всецело вошла в ее состав. Что касается юго-востока России (Казань, Харьков, Ростов-на-Дону и проч.), то тамошние местные группы имели с нами весьма неполную связь, сношения были отрывочные и непостоянные; все время раздоров, происходивших на севере, тамошние деятели стояли от них в стороне; что делали сами — мне неизвестно, но они значительно раньше нас примкнули к Исполнительному комитету (если считать, что мы примкнули в конце мая и в начале июня).

Я уже раньше дал несколько показаний о ходе этих несчастных раздоров и в настоящее время очень мало могу к ним прибавить, так как назвать по именам членов комитетской делегации, с которыми я лично или через посредство других лиц имел дело, я не желаю. Теоретические разногласия состояли в том, что комитет хотел оставить программу партии совершенно в том же виде, в каком она была в цветущий период деятельности «Народной Воли» — в 1879—1882 гг. А это значило — направить все силы, все отрасли революционного дела, главным образом, на борьбу с существующей в России политической системой. «Молодая» же «партия» полагала, что с 1881 г. партия «Народной Воли» пережила некоторый умственный кризис, приведший молодежь к тому убеждению, что главное внимание и главные усилия следовало направить теперь на широкое развитие местных революционных групп, на пропаганду чисто социалистических идей в рабочем сословии, на привлечение симпатий этого последнего к делу партии, ради такого-то привлечения симпатий нам казалось также своевременным введение в программу террористических фактов чисто экономического характера. Ясно, что «Молодая партия», хотя она и заверяла, будто политическому террору отводит рядом с этой широкой социально-революционной работой р а в н о е м е с т о, но что в основе ее взглядов лежала мысль о приостановлении на некоторое время политической борьбы, о повторении (хотя и в другом несколько роде) опыта народников 70-х годов и их знаменитого «хождения в народ». Несомненно, что создайся организация «Молодой партии» и выступи открыто на арену деятельности, она, быть может, бессознательно фатально пошла бы по этому пути, хотя на первых порах явно порвать с ближайшим прошлым она не могла и потому говорила также и о политической борьбе. Вот почему все народнические революционные элементы, дремавшие до сих пор в обществе и в молодежи, встрепе-

нулись при первых же слухах о «Молодой партии» и предложили ей свои услуги. На существование этого нового течения в партии «Народной Воли» и на сочувственное отношение к нему народников указывает и вышедшая, кажется, еще осенью 1883 г. за границей известная брошюра Плеханова «Социализм и политическая борьба». Согласно с видоизмененной программой деятельности, молодая партия думала, между прочим, несколько приблизить и самую организацию партии к типу федеративного устройства, что также приходилось по душе народникам. Впрочем этот пункт был очень неясно разработан нами даже и в теории, что видно и из заявления о слиянии с Исполнительным комитетом, напечатанного в 10 № «Народной Воли».

Несмотря на множество данных, показывающих, что в революционной среде еще в 1883 г. существовало уже действительно новое движение мысли, резко выразившееся весною 1884 г. в создавшейся, было, «Молодой партии Народной Воли» *), несмотря на это, нужно сознаться, что создалась эта партия с своей «новой» программой, со всеми ее «новыми» крайностями вроде фабричного и аграрного террора только благодаря организационным спорам и раздорам: не будь этих последних, петербургская революционная молодежь, и я в этом числе, охотно помирились бы на статье: «После победы 1 марта», если бы комитет напечатал ее в виде передовой 10 №, а между тем в этой статье весьма мягко и крайне мало говорится о «новом течении мысли», о фабричном терроре и проч. Но организационный раздор, ко торый сам произошел от печального недоразумения, создал почву, на которой быстро выросла, как я сказал выше, новая программа со всеми своими крайностями, стоявшими до тех пор на втором плане и, пожалуй, даже покрытыми туманом, а теперь быстро возведенными в принцип и поставленными на первое место. Здесь громадную роль играло не твердое убеждение, а увлечение молодости и опьянение борьбы.

Не желая называть по именам также и лиц, бывших со мною в организации «Молодой партии», я могу сказать здесь несколько слов только об одном Овчинникове. Как я и раньше сказал, он своим появлением в Петербурге повлиял лично на меня в том смысле, что его недальновидное раздражение против воображаемого (а не действительного) комитета сообщилось также и мне или, вернее, усилило существовавшее раньше во мне раздражение, и этим он повлиял косвенно

*) «Я мог бы указать, между прочим, на брошюру: «От революционеров к русскому обществу», выпущенную в Петербурге еще в апреле 1883 г., — где уже и говорится о внутреннем кризисе, переживаемом партией «Народной Воли» и уподобляемом брожению революционных умов в 1876 г. [10])».

и совершенно бессознательно на создание «Молодой партии», так как в этом создании я играл не последнюю роль. Но никакого деятельного и сознательного участия в попытках «Молодой партии» организоваться, создать программу и приступить к деятельности он не принимал. Будучи популярен среди молодежи, как лично симпатичный и уже немолодой революционер, он стоял в то же время совершенно одиноко и одинаково в стороне от обеих споривших групп.

Происхождение писанной моею рукой записки в его памятной книжке я объяснил уже раньше, а теперь могу только прибавить, что в числе пяти человек, обозначенных там как членов организации, работавшей в России в последнее время, я, кажется, разумел также и себя. Но кого разумел я в то время под остальными четырьмя, я положительно не помню: впрочем, вероятно, одним из них был Овчинников.

В конце марта, почти одновременно с гибелью Лиговской типографии, редактор «Революционера» объявил, что он выходит из редакции, так как не хочет участвовать в раздорах и не верит, чтобы наш «Революционер» при таких условиях когда-либо увидел свет божий. Да и действительно в это время никто уже не думал об издании «Революционера», так как, ввиду выступления на сцену «Молодой партии», помышляли уже о новом общереволюционном органе. Около этого же времени осуществилась, наконец, давно намеченная цель — привлечение к местной петербургской организации также и рабочей группы. Ее теоретические взгляды шли даже несколько дальше наших взглядов, и она поэтому сделала значительный вклад в программу «Молодой партии». При основании последней имелось в виду, что рабочая группа, согласно проектированному федеративному устройству организации, будет продолжать свою работу совершенно самостоятельно, но через одного или двух выдающихся представителей будет принимать также участие в центральной деятельности партии. Когда потом «Молодая партия» слилась с комитетом, часть рабочей группы также соединилась с ним, но большинство осталось при своих прежних взглядах, между прочим и «Иван Иванович», с которым я вел переговоры осенью 1884 г. и к которому адресовано мое письмо от 14 ноября.

Первым шагом «Молодой партии», когда выяснилась невозможность соглашения с Исполнительным комитетом, должна была явиться прокламация к революционному обществу, объявлявшая о разделении партии «Народной Воли» на две организации и формулировавшая программу «Молодой партии». Прокламация эта печаталась в Дерптской типографии, к которой я скоро перейду, но за неимением умелого техника дело это подвигалось чрезвычайно туго, около месяца, если не больше, и, только благодаря этому, соглашение с комитетом, состояв-

шееся в конце мая, успело предупредить ее появление на свет [11]).

Объяснить в лицах и в подробностях ход этих вторичных переговоров (в конце мая 1884 г.) я не желаю. Они начались одновременно в Петербурге и в Москве, и именно нашими московскими товарищами первыми была энергично заявлена мысль о необходимости слияния [12]). Эта реакция, появившаяся в нашей же собственной среде, весьма понятна: взять на себя ответственность создания новой партии, выступления перед обществом с каким-то, якобы, новым словом, которое, несмотря на все прецеденты прежнего времени, на которые я указывал выше, было, в сущности, неясно и ново для нас самих, — взять на себя такую большую ответственность — и когда же? в критический момент, когда после события 16 декабря прежде всего нужно было единомыслие и единодушие, — мы решились вначале только под влиянием разгоряченного и наэлектризованного состояния духа, но с течением времени, особенно благодаря частым столкновениям и ближайшему знакомству с группой Исполнительного комитета, где некоторые лица оказались крайне симпатичными и талантливыми людьми, раздражение и вражда уступили место трезвому взгляду на вещи, горячность охладела, — и вот в нашей собственной среде раздался энергичный и влиятельный голос за соглашение. Оно и состоялось. Но это было первоначально именно только соглашение, перемирие, как говорит и ключ, установленный потом между редакцией 10 № и мною для переписки между Петербургом и Дерптом; в этом же смысле было составлено и заявление о слиянии, напечатанное в 10 №. Потом уже, во время пребывания в Дерпте, под влиянием собственных размышлений и отчасти чтения некоторых статей для 10 №, во мне лично произошел умственный переворот, окончательно и всецело примиривший меня с Исполнительным комитетом, что видно из моих дерптских писем, находящихся у вас, и еще яснее из моего письма к «Ивану Ивановичу» от 14 ноября, которое также имеется в числе предъявленных мне моих рукописей.

Теперь я могу перейти к истории Дерптской типографии.

Кажется, в средине марта 1884 г., к одному из товарищей «паспортиста», студенту, человеку сочувствовавшему революционному делу, но лично не стоявшему ни в какой организации, явился из Дерпта старый его товарищ по Петербургскому университету, ныне умерший, как вы мне сообщили, студент Дерптского университета Владимир Переляев [13]), с просьбой направить его, ввиду очень важного дела, к кому-либо из революционных деятелей и при том возможно скорее, так как по своему положению студента в Дерпте он не мог пробыть в Петербурге больше одних суток. Приятель направил его прежде всего к «паспортисту», последний же дал ему возможность пере-

говорить еще кой с кем из нашей группы, между прочим, и со мною. Оказалось, что Переляев в 1881 г., будучи тогда в Петербурге, принадлежал к организации партии «Черного передела», был за какие-то пустяки арестован и выслан в Дерпт. Там он был совершенно отрезан от товарищей-народников благодаря разразившимся в Петербурге многочисленным арестам и на досуге пришел к убеждению, что во взглядах «Народной Воли» на революционное дело есть много верного и что, во всяком случае, помогать ей всеми силами — долг каждого честного и мыслящего человека. С другой стороны, когда Переляеву было сообщено нами о современном состоянии партии, ее взглядах и пр., он, не колеблясь, отвечал, что более сочувствует той группе, программа которой ближе к его прежним убеждениям, и что, раз появление «Молодой партии» в качестве отдельной партии состоится, он всецело будет принадлежать ей. Затем он рассказал нам о выгодном положении Дерпта для революционного дела и сообщил, что он успел там в течение нескольких лет, с большими усилиями, создать небольшую типографию, которую теперь и предлагает к нашим услугам на следующих условиях: во-первых, ввиду исключительного положения Дерпта и важности его для партии, самое имя этого города как революционного пункта будет известно лишь нескольким членам партии; чем меньшему количеству, тем лучше; во-вторых, ввиду того же соображения, партия, по возможности, будет избегать присылки в Дерпт людей из Петербурга или других городов и всю механическую работу предоставит ведению его, Переляева, считающего возможным обойтись с помощью местных революционных элементов. Исключением была, по его словам, только необходимость присылки, хотя на короткий срок, техника, специалиста в типографском деле, так как сам он, в совершенстве зная легальную типографскую науку, совсем незнаком с упрощенными способами и приемами, практикуемыми в революционных типографиях. Условия эти были, конечно, приняты; Переляеву предоставлены самые широкие полномочия по деятельности в Дерпте; он сообщил нам только свой собственный адрес (где то по Kloster-Strasse) и другой адрес — для писем. Лиц, у которых была устроена им типография, он не называл, но по тону его речи да и по тому, что он — человек старых конспиративных традиций, сообщил свой собственный адрес в качестве явки, нам было ясно, что типография находится не в его квартире. Третьим его условием, которое само собой разумелось, была денежная помощь и пополнение его типографии шрифтом и другими техническими принадлежностями.

Петр Якубович.

27. Показание 29 мая 1885 г.

Около половины апреля 1884 г. главными представителями «Молодой партии Народной Воли» было, наконец, окончательно решено приступить к самостоятельной деятельности и прежде всего выпустить в этом смысле воззвание к революционному обществу. Ввиду этого следовало озаботиться снабжением Дерптской типографии недоставшими у нее, по словам Переляева, техническими принадлежностями и отысканием техника. Последнюю роль думали первоначально предложить Петру Мануйлову, кажется, основательно знакомому с типографским делом, но ему в течение всей весны сильно нездоровилось, так что обременять его тяжелым трудом было невозможно, поэтому Мануйлову, не присутствовавшему при разговоре с Переляевым, согласно с желанием последнего, чтобы о Дерпте знало возможно меньшее число лиц, насколько мне известно, не было даже сообщено о существовании там типографии. Техника так и не отыскали. Пришлось положиться на ученость Переляева, но так как она в типографском отношении была чисто кабинетною, то, как я раньше еще показал, с прокламацией его типография провозилась до конца мая — и к лучшему, потому что к тому времени состоялось соглашение с комитетом. Наша помощь ограничилась тем, что человек, отвезший в Дерпт текст воззвания, отвез также часть бывшего в распоряжении «Молодой партии» шрифта и пр. Кто был этот человек, в настоящее время я не мог бы сказать этого, даже и помимо простого нежелания, так как забыл [14]). В начале июня месяца 1884 г., когда состоялось, наконец, слияние с комитетом, согласно условиям слияния, «Молодая партия» должна была передать ему все свои связи и учреждения. В числе этих последних мы передали паспортный стол и Дерптскую типографию, предварительно заручившись, разумеется, полным на то согласием Переляева. Но условия, поставленные им «Молодой партии», были сообщены также и тому агенту Исполнительного комитета, которому и передавалась связь с Дерптом, причем он дал обещание, что кроме него будет знать в комитете о местопребывании нашей типографии возможно меньшее число лиц. С этого момента прерывается всякое активное отношение бывших членов «Молодой партии» к Дерптской типографии. Она перешла в безусловное ведение комитета, и, открывал ли ему Переляев подробности устройства своей типографии, мне неизвестно, хотя я знаю, что в Дерпт приезжало в середине лета одно лицо, с которым мне, как я и раньше показывал, не удалось видеться по отсутствию в тот день в городе, а увидеться с ним лично я очень желал, так как лицо это занималось, подобно мне, общереволюционными делами. Затем, из бесед с Переляевым мне было известно также, что в июле или,

быть может, даже в августе приезжал, наконец, техник, но с ним как специалистом мне не было никакого интереса и нужды знакомиться; мне даже неизвестно, оставался ли он в Дерпте до конца работы. Что касается имен этих двух лиц, то имя техника мне совершенно неизвестно, а первое лицо, с которым мне, к сожалению, не удалось повидаться в Дерпте, носило различные клички; это то лицо, которое в моих дерптских письмах обозначено буквами «Г. П.» и которое я в первоначальном моем показании назвал «Георгием Павловичем».

Теперь мне остается объяснить, каким образом очутился я в Дерпте, для чего, и что я там делал.

Дело в том, что на основании, быть может, рассказов Дегаева и других лиц, отчасти под влиянием некоторой вражды ко мне, которая, естественно, могла существовать во время партийных раздоров, и до ближайшего знакомства со мною, — отчасти же, должен сознаться, и на довольно правдивом основании, — у комитета составилось обо мне представление как о крайне неосторожном человеке, способном этим качеством погубить бессознательно и себя и других; здесь большую роль играло и общее изумление по поводу того, что я, по слухам, сильно оговоренный перед Судейкиным Сергеем Дегаевым, подлежавший, по мнению комитета, аресту в числе первых непосредственно после факта 16 декабря, не переходивший на нелегальное положение до половины марта, что я, несмотря на все это, до сих пор (т. е. до лета) не был арестован, тогда как все другие лица, намеченные правительством вместе со мною, давно были арестованы, если своевременно не успели скрыться. Опасались, что меня оставляют на свободе преднамеренно, для удобнейшего слежения за деятельностью революционного общества. Все это неоднократно высказывалось мне прямо в глаза, с резкой категоричностью, и, конечно, доставляло мне немало горя, так как, не отрицая возможности быть прослеженным, существующей и для всякого другого революционера, я лично был в то же время убежден, что не был арестован до половины марта по какой-либо случайности (если, действительно, была нужда арестовать меня), что потом я успел скрыться от глаз полиции и что, во всяком случае, я не настолько неосторожен, как думал комитет, составивший обо мне такое представление не на основании личного, беспристрастного опыта. Пока существовала «Молодая партия», состоявшая из более или менее близких моих товарищей и друзей, меня еще не так сильно тяготил кошмар этого подозрения, но, когда произошло соединение с Исполнительным комитетом, моей прямой обязанностью было заявить, что я не хочу брать на себя ответственность продолжать упорствовать в категорическом отрицании правдивости его подозрений и потому предоставляю ему распорядиться мною по собственному усмотрению. Было решено,

из предосторожности (против которой я не протестовал тем охотнее, что страшно истомился и не прочь был отдохнуть), изолировать меня на известное время от главного течения революционной деятельности, и местом моего пребывания в течение лета был избран Дерпт, который представлялся крайне удобным и для предположенного эксперимента с моей особой, и в то же время таким пунктом, где я могу быть не совсем бесполезным для дела.

Переляев при первом же знакомстве с нами (в половине марта) заявил нам, а потом блестящим образом доказал и на опыте (с марта до половины июня), что он не охотник до письменности: за все это время он не прислал нам ни одного письма, хотя был установлен и ключ и шифр и даны адреса, и хотя бывали иногда случаи крайней необходимости списаться. Это был человек столь тяжелый на подъем (не только в письменном деле, но и вообще), что я, по крайней мере, не встречал ему подобного. Между тем такое громоздкое и большое дело, как издание 10 № «Народной Воли», которого публика ожидала в течение целых двух лет, требовало самого аккуратного обмена письмами между редакцией и вообще комитетом (в Петербурге) и типографской группой (в Дерпте).

Вот дело, которое было поручено мне и которое я, действительно, вел в течение всего лета до конца сентября аккуратно и исполнительно. Мне даны были петербургские адреса, я же получал предназначенные мне письма от Переляева при встречах с ним. Кроме того, имелось в виду, что, в случаях нужды, если в Дерпте окажется не особенно много русской грамотности, я займусь также и исправлением корректур, но сам Переляев грамоту знал хорошо, и только в конце сентября, когда работа шла особенно спешно, мне, действительно, пришлось просмотреть несколько корректур. Вот вся революционная работа, которую сделал я в Дерпте в течение почти четырех месяцев (июнь, июль, август и сентябрь).

Жил я половину лета в Дерпте, половину в окрестностях его, но, где именно и у кого, этого объяснить не желаю. В помещении типографии ни разу не был и даже был вполне убежден, что она находится не в квартире самого Переляева, а что он только ходит на работу; если эта типография (оказавшаяся при аресте, состоявшемся, как мне сообщено 5 февраля 1885 г., в квартире Переляева), если она находилась у него же и летом 1884 г., то значит он находил лучшим конспирировать со мной в этом отношении до самого конца моего пребывания на свободе. Сам я, видя некоторую уклончивость в его рассказах о своей жизни и отношении к типографии, никогда его об этом не расспрашивал, но тем не менее он посвящал меня во все подробности хода работы, зная, что я переписываюсь с редакциею. На квартиру к себе

он положительно запретил мне ходить, так как, по его словам, его знакомство с какой-то неизвестной в дерптской студенческой среде личностью, будучи замечено кем-либо из товарищей, могло повредить делу, особенно если бы потом по какой-либо несчастной случайности я был арестован, как нелегальный человек. Большинство своих товарищей по университету, при разговорах об этом, он характеризовал очень нелестно: никаких общественных интересов, исключительно личная жизнь самого низшего разбора не только в немецком, но и в русском буршеском обществе. Многих лиц он называл мне по именам, да и вообще долгое пребывание в Дерпте дало мне возможность узнать все, что называется, подноготные тайны чуть ли не целого Дерпта, хотя сам я по необходимости вел крайне уединенную жизнь и почти не имел знакомства ввиду того же соображения, которое выставлял Переляев против открытых сношений с ним.

Из числа арестованных по делу Дерптской типографии лиц вы называли мне Новикова и Иванова [15]). Первой фамилии мне совсем не приходилось слышать; про второго мне рассказывал Переляев, и если это тот самый студент Иванов, который жил на одном дворе с Переляевым, то я положительно утверждаю, что, по крайней мере, во время моего пребывания в Дерпте, он не имел ни малейшего отношения к типографии, даже не имел и тени подозрения относительно Переляева, чтобы он занимался каким-либо революционным делом. Я, разумеется, не имею возможности доказать это свое утверждение какими-либо фактами; но из того, как отзывался о нем Переляев, при характеристике различных товарищей, перед которыми ему приходилось лицемерить, уверяя их, что он усерднейшим образом готовится к экзаменам, и по возможности отвязываясь от их сообщества, я относил Иванова к числу, быть может, честных людей, но, во всяком случае, самых безнадежных индифферентистов в деле политики. Своеобразные условия дерптской жизни делали необходимым для хозяев типографии (будь то Переляев или другой студент Дерптского университета) поддерживать по возможности тесное общение с остальной студенческой средой, употреблять все усилия, чтобы в нее не закралось относительно их ни малейшего подозрения, — и при таких условиях нет ничего удивительного, что Иванов мог испытать, что называется, в чужом пиру похмелье, т. е. быть арестованным со всеми кажущимися признаками виновности, не будучи в действительности виноват ни сном, ни духом. Впрочем, не спорю против возможности того, что Иванов уже после моего ареста превратился в революционера; я считаю только своим долгом заявить в его пользу то, что мне известно.

С Переляевым я обыкновенно встречался в громадном университетском саду, на так называемом Домберге, съезжался с ним на лод-

ках в условленных заранее местах по р. Эмбаху и проч. Никаких телеграмм, о которых говорится в моих письмах, отобранных, как вы мне сообщили, у Саловой, при конце работы послано не было ни из Петербурга, ни из Дерпта, так как принят был другой, более простой план.

Кажется, 28 сентября я отправился в Петербург налегке, чтобы заблаговременно устроить по возможности удобнейший и безопаснейший прием нескольких сот экземпляров 10 № «Народной Воли», которые на следующий день должно было перевезти другое лицо. Таким образом, первая партия приготовленных номеров была получена в Петербурге 30 сентября; другую партию было предположено, насколько мне известно, везти через Псков в другие города.

Четырехмесячное мое пребывание в Дерпте было бы признано комитетом за самое полное и надежное очищение, и мне, вероятно, было бы предложено поехать куда-нибудь для более или менее симпатичной мне революционной работы, если бы обстоятельства дали мне переговорить с кем-либо из полномочных членов партии; но не успел я провести в Петербурге и одной недели, как разразились большие аресты, заставившие многих других лиц поспешить отъездом из Петербурга, и я очутился в том печальном положении, о котором рассказывал в своих прежних показаниях и которое заставило меня, против воли, стать на время во главе петербургских революционных кружков.

Я сказал: «против воли» и хочу пояснить это выражение. Как сказано выше, я предполагал, что мне предложат поехать куда-нибудь на юг для революционной работы, но у самого меня было совершенно иное желание. Продолжительное сидение в Дерпте в полном бездействии много заставило меня думать и, прежде всего, заглянуть в собственную душу. Всплыли наверх старые литературные мечты, заслуженные полугодовой горячкой деятельности, и я снова почувствовал всеми силами души, что не революционная деятельность — мое призвание, что, революционер по убеждениям, по натуре я только поэт и что эта-то моя двойственность и была причиною тех страшных ошибок, которые я наделал и за которые партии пришлось жестоко поплатиться. Поэтому сам я хотел предложить комитету свои услуги для редакции «Вестника Народной Воли», тем более что, как я слышал, Тихомиров не был бы против моего приезда. Этой мысли я не оставил и после октябрьских арестов, поставивших меня снова в центре революционного водоворота, и ждал только одного: чтобы явились, наконец, более или менее компетентные деятели, кому я мог бы передать все имевшиеся у меня связи, которым я придавал большое значение.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Сведения о «Союзе молодежи» были получены следственными властями еще в декабре 1884 г. из подробных показаний Алексея Кирпищикова. Начало организации «Союза» Кирпищиков относит, как и Якубович, к осени — зиме 1883 г. и считает Якубовича главным организатором «Союза». К идейной характеристике «Союза», которую дает Якубович, показания Кирпищикова не дают никаких добавлений. В разгоревшейся партийной борьбе «Союз молодежи» вначале пошел, повидимому, за Якубовичем. Им было составлено заявление на имя Исполнительного комитета, в котором содержался запрос, почему он не соглашается на введение аграрного и фабричного террора. В ответе Исполнительного комитета (оба документа известны только в изложении и цитатах) довольно резко заявлялось, что члены «Союза», как «не позаботившиеся стать в правильные организационные отношения к Исполнительному комитету, не могут рассчитывать на то, чтобы их заявления были принимаемы во внимание в качестве заявлений подлинных членов партии» и что «на обязанности их, как лиц, впервые возбудивших вопрос о необходимости внесения в программу партии аграрного террора, лежат и письменная аргументация и мотивировка этого предложения»; если это последует, то вопрос этот будет обсужден. Из показаний Кирпищикова нам известно, что «Союз» однако в конце концов занял промежуточную позицию. Помимо Якубовича «Союзом» были устроены два собрания, на одном из которых выступал В. И. Сухомлин, а на другом Н. М. Салова с изложением точки зрения Распорядительной комиссии, и «Союз молодежи» после этого, по словам Кирпищикова, принял решение «держаться выжидательного образа действий, не примыкая формально ни к старой организации партии, ни к «Молодой партии Народной Воли», дабы сохранить за собою в будущем полную свободу действий». Наступившее объединение разрешило эту позицию «Союза». Осенью 1884 г. его деятельность вновь оживилась, Якубович опять принял участие в нем, предполагалось издание гектографированного журнала, но успели издать лишь одну прокламацию (см. прим. 4), когда ноябрьские аресты в корне разрушили «Союз».

[2]) «Студенческая лига», повидимому, совсем не существовала, и фикция ее существования была выдвинута Якубовичем лишь для того, чтобы облегчить себе объяснение возникновения «Союза молодежи». Это предположение находит себе поддержку не только в отсутствии каких бы то ни было документальных данных о «Лиге», но и в отрицательных результатах опросов некоторых деятелей того времени. В частности, не имел никакого отношения к этой «Лиге» кружок, издававший журнал «Студенчество».

[3]) Прокламация «Союза молодежи» состоит из трех частей, и та часть, авторства которой Якубович не признает, составляет особый третий отдел, озаглавленный: «Организации Союза и программа деятельности».

[4]) 2 октября 1884 г. в Московском университете студентами была сделана попытка созвать сходку, а затем устроить демонстрацию, что кончилось, в свою очередь, попыткою избиения студентов охотнорядцами и многочисленными арестами. 11 октября 1884 г. центральный кружок «Союза молодежи партии Народной Воли» издал гектографированную листовку (возможно, что она написана Якубовичем), которая выступила против студенческого движения вообще и против поддержки петербургским студенчеством Москвы и Киева (где тоже произошли волнения), в частности. Мотивировала листовка свой призыв бесплодностью чисто студенческого движения, голоса которого «никто и никогда не услышит»: «народ не услышит и не поймет своих друзей», а «либеральная часть общества, не отклик-

нувшаяся даже на гром 1 марта, уж, конечно, не выйдет на помощь отважной молодежи». Листовка рекомендовала «сгруппироваться в тайные и тесные кружки, имеющие задачей развить и выработать еще несложившиеся силы», чтобы затем выступить «на арену серьезной революционной деятельности».

[5]) «Свободное слово» — гектографированный журнал, выходивший в 1884 г. (всего 8 номеров). В первом номере «Свободное слово» заявило себя преемником «Студенчества», о котором есть некоторые сведения в воспоминаниях И. И. Попова. Повидимому, и «Свободное слово» вышло из студенческих кружков, но из каких именно, этого пока установить нельзя за отсутствием каких бы то ни было документальных данных. Оно не раз декларировало свой социализм, но в политическом мировоззрении его руководителей, очевидно, царила путаница, не позволявшая им определить своего отношения к борющимся группам. Так, напр., в одной из статей имеется рассуждение о Марксе, у которого авторы видели «прекрасное» истолкование явлений европейской экономической жизни, но Маркс, по их мнению, не обратил достаточного внимания на «собственно-политические оболочки, в каких сказывались и, главное, имеют сказываться экономические борения». Эта путаница легко объясняет критическое отношение Якубовича к журналу.

[6]) Достаков, Абрам, учитель городского училища, привлечен был к дознанию по делу «Союза молодежи» и по высоч. повелению от 22 января 1886 г. подчинен был гласному надзору полиции на 3 года в Закаталах, Тифлисской губ. (его родина).

Сигов, Алексей Сергеевич, род. в 1861 г. (?), студент института гражданских инженеров, участник «Союза молодежи партии Народной Воли», а по показаниям Кирпичникова, и его центрального кружка. Арестован 10 декабря 1884 г., освобожден 13 сентября 1885 г. по высоч. повелению от 11 июня 1886 г. и подчинен гласному надзору полиции на два года в Пермской губ.

[7]) Не 10, а 11 октября, см. прим. 4.

[8]) О знакомстве Якубовича с М. П. Шебалиным мы теперь хорошо осведомлены по воспоминаниям последнего: с Шебалиным Якубович познакомился в 1882 г., и их знакомство «скоро» перешло «в близкую дружбу». Точно так же вскоре после этого знакомства, по словам Шебалина, «Якубович сделался главным звеном», связавшим его «с действовавшей в Питере революционной организацией». Показание Якубовича вызвано очевидным желанием уменьшить в глазах властей значение своих отношений с Шебалиным.

[9]) Письмо не было найдено при обыске у Лаговского и точно так же о содержании письма нет никаких сведений ни в показаниях Якубовича, ни в показаниях Лаговского.

[10]) Брошюра «Русскому обществу от русских революционеров», на которую ссылается Якубович, написана С. Н. Кривенко, и первое ее издание помечено 1 января 1883 г. (она потом переиздавалась в гектографированном виде). Изданная после длительного перерыва в выходе «Народной Воли» (№ 8—9 вышел 5 февраля 1882 г.), она отвечала на вопросы, которые «слышатся отовсюду» в ответ на разгул реакции: «Но что же партия? Погибла ли она? Убита ли? Истекла ли кровью? Задушена ли под собственным развитием?» Кривенко отвечал на эти вопросы, что, «в действительности, партия проходит через кризис, столь же сильный, как и пережитый радикальным миром в 1876 и 1877 гг.». Кризис этот, как и в те годы, «поведет в среде партии не только к замене одних лиц другими, но и к пересозданию организации на новых началах, приспособленных к изменившимся условиям и широким задачам будущего». Однако Кривенко далее не развивает этой темы

и никаких материалов тем самым к сближению, подобному делаемому Якубовичем, не дает. Вся остальная часть брошюры, обращенная к «согражданам», содержит призыв о денежной помощи и характеристику общего положения внутреннего и международного положения России.

[11]) История печатания этой листовки теперь хорошо известна по показаниям А. М. Новикова (Р. М. Кантор, опубликовавший эти показания в сборнике: «Народовольцы 80 и 90-х гг.», М. 1929, стр. 103—104, ошибается, относя их к напечатанному в «Народной Воле» № 10 заявлению молодых народовольцев, которое никогда в отдельном виде не печаталось). Ее начали печатать, отпечатали 200 экземпляров, когда, вследствие происшедшего слияния, печатание было приостановлено, а напечатанные экземпляры почти все уничтожены.

[12]) В Москве главным деятелем в этом примирении оказался один из членов Центрального комитета «Молодой партии Народной Воли» — Н. М. Флеров. Он сперва заявил об этом приехавшему в Москву Лопатину, а затем поехал с тою же целью в Петербург.

[13]) 6 февраля 1885 г. умер от удушения в припадке эпилепсии студент Дерптского университета Владимир Переляев (1860—1885), на квартире которого находилась свернутая Дерптская типография. Это и было официальной находкой типографии, о которой департамент полиции был своевременно осведомлен Геккельманом. Сведения, сообщаемые Якубовичем, дополняются показаниями другого работника типографии, Александра Михеевича Новикова, студента Дерптского ветеринарного института. Фигурирующий в показании Новикова третий работник типографии (кроме него и Переляева) — это, конечно, Якубович. Хотя Новиков и заявил, что Якубовича никогда не видал, но не только факты, сообщаемые Новиковым (как, напр., отъезд в сентябре «Иванова» с транспортом литературы, чтобы уже не возвращаться туда), но и показания квартирохозяев Переляева устанавливают тождество Иванова и Якубовича. Якубович в своих показаниях отрицает, что он — «Иванов». Это следует и из прямых указаний Р. Ф. Якубовича (П. Ф. Обручев, Год жизни П. Ф. Якубовича — «Голос минувшего», 1914 г., № 7, стр. 239, примечание; о принадлежности примечания Р. Ф. Якубовичу см. статью Д. Якубовича в сб. «Якутские трагедии», М. 1925, стр. 175, прим. 1). Новиков был по высоч. повелению от 1 апреля 1887 г. сослан на 5 лет в Восточную Сибирь.

[14]) Этим забытым человеком был сам Якубович. К этому предположению приходим потому, что со слов В. Ф. Олесинова нам известно, что именно из Дерпта был вызван Якубович, когда наступил момент соглашения с Исполнительным комитетом, а это было именно после начала печатания того воззвания, о котором пишет Якубович.

[15]) По подозрению, в поисках «Иванова» в качестве участника Дерптской типографии, был арестован студент Иван Иванов, поплатившийся за знакомство с Переляевым, по высоч. повелению от 1 апреля 1887 г., годом надзора полиции вне местностей, объявленных на положении усиленной охраны.

Гр. А. Х. Бенкендорф о России в 1827—1830 гг.

(Окончание) [1]).

Картина общественного мнения в 1829 г. [2]).

1829 год был богат важными событиями [3]), вызвавшими заметное оживление общественного мнения. Четыре года последовательных и внимательных наблюдений дали новые средства ознакомления с различными общественными элементами. Следя как за событиями, так и за отдельными лицами, надзор в состоянии лучше наблюдать и за источниками и за направлением общественного мнения, картину которого мы здесь воспроизводим.

После возвращения государя-императора из Варны столица была явно настроена против графа Дибича, и по всей России было распространено мнение, приписывавшее ему одному всю неудачу кампании [4]). В высших кругах его поносили и наделяли различными прозвищами. Также и средние классы, т. е. дворянство, чиновничество и купечество, бранили графа Дибича. Назначение его главнокомандующим армией возбудило сильное неудовольствие, которое однако уменьшалось по мере того, как отдавали себе отчет в военной репутации наших генералов. Патриоты восклицали: почему не берут Ермолова? Некоторые сторонники Воронцова [5]) высказывались за него; более благоразумные

---

[1]) См. «Красный архив» 1929 г., т. VI, (37), стр. 138—174.

[2]) Подлинник на французском языке. Над заголовком помета: «Его величество изволил читать». В верхнем левом углу Николаем I поставлен знак рассмотрения.

[3]) Эти слова в подлиннике подчеркнуты карандашом.

[4]) Эта фраза отчеркнута на полях карандашом.

[5]) Воронцов М. С., князь (1782—1856), участник всех военных кампаний александровского царствования; в 1823 г. был назначен новороссийским генерал-губернатором и полномочным наместником Бессарабской области. В августе 1828 г. принял начальство над войсками, осаждавшими Варну, которая сдалась 28 сентября. Позже был главноком. войсками на Кавказе и наместником кавказским (1844—1853).

люди однако, рассматривая список наших генералов, не находили никого другого, кто был бы более способен выполнить эту задачу. Все хором скорбели о бедной России, лишенной крупных талантов. Были однако люди, хотя и весьма немногочисленные, полагавшиеся на мудрость государя и уверявшие, что государь не ошибется в своем выборе Дибича, как не ошибся, выбрав Паскевича [1]). Впрочем, — говорили они, — план операций был составлен в кабинете государя-императора, и Дибичу придется только с точностью выполнять то, что ему будет предписано и что будет заранее составлено.

В течение зимы циркулировали разнообразные слухи по поводу прошедшей кампании и недостаточной точности наших бюллетеней. Австрийская миссия проявила в этом отношении усиленную деятельность: ее сторонники сходились в своих сборных пунктах, у г-ж Лаваль [2]), Белосельской, Куракиной, Хитрово и графини Людольф, распространяли тревожные предположения относительно успешности новой кампании, предсказывали образование европейских коалиций против России и т. д. и т. д. [3]). Русские в Варшаве делали то же самое. Махинации эти имели целью, повидимому, довести все эти сомнения до сведения государя, убедить окружающих его в опасностях, коим подвергалась Россия, и образовать при дворе настроенную против войны партию. Образовать таковую им удалось, но не удалось однако обмануть государя или заставить его поколебаться. Война была решена, генерал Дибич уехал в армию, и Россия с нетерпением ждала результатов.

Все очень интересовались путешествием государя-императора в Варшаву [4]). Средний класс, рассуждающий наиболее здраво, видел в этом обстоятельстве только его благородную и благоразумную сторону. Подписав конституцию, государь-император принял на себя обязательство короноваться. Зачем было подрывать доверие к слову монарха, когда речь шла об упрочении счастья целой нации посредством торжественного акта, который привязал бы ее к трону и в то же

---

[1]) Слова: «Назначение его главнокомандующим.... выбрав Паскевича» отчеркнуты на поле слева карандашом.

[2]) Лаваль А. Г., графиня (1772—1850), рожд. Козицкая, жена гр. И. С. Лаваль.

[3]) Слова: «В течение зимы..... и т. д. и т. д.» отчеркнуты на поле слева карандашом.

[4]) 12 мая 1828 г. в Варшаве, в зале сената, состоялось коронование Николая I польским королем и принесение им присяги на верность конституции. 22 мая Николай выехал из Варшавы в Берлин; на обратном пути он пробыл в Варшаве с 4 по 13 июня. Весь дальнейший текст до абзаца (см. ниже стр. 113), начинающегося словами; «Наконец, военные действия возобновились...» отчеркнут на полях карандашом.

время обеспечивал спокойствие в России? Эти мысли разделялись всей цивилизованной Европой. Но усилившиеся старые патриоты, пропитанные духом манифестов императрицы Екатерины, упорно продолжающие смотреть на поляков, как на врагов, отнеслись к этому путешествию несочувственно. Они желали бы, чтобы Царство Польское было разбито на русские провинции, чтобы богатые поместья на берегах Вислы были отданы в их собственность, чтобы там была введена русская администрация и чтобы процессы разбирались петербургским Сенатом. Несколько высокопоставленных лиц были того же мнения, которое однако не основывалось на логических аргументах и просто являлось результатом зависти или спеси.

Раздраженные умы в Польше и ее провинциях были совершенно успокоены решением громкого дела о государственных преступниках [1]), вместе с которыми молилась почти вся Польша. Даже в России этот акт великодушия монарха был принят с благодарностью. Во всей Польше публично возносились молитвы за государя-императора, все радовались, плакали, и любовь к государю возгоралась во всех сердцах. Русские жители Варшавы старались представить государя в глазах поляков ненавидящим их тираном и внушали им, что все чинимые им неприятности производились по его повелению. Массы этому верили; но великодушный приговор по делу преступников разрушил это злостное влияние; завеса упала, и все убедились в том, что их угнетает не государь.

Все видели искренний энтузиазм, с которым принимали государя-императора в Варшаве, несмотря на те опасения и страхи, которые

---

[1]) В 1822 г. был арестован ряд членов польского Патристического Общества, организованного майором Валерьяном Лукасинским, во главе с самим его основателем; все они были судимы и заключены в крепость. Следствие по делу декабристов попутно вскрыло состав этого Общества и его связи с русскими тайными организациями. 7 февраля 1826 г. в Варшаве был учрежден по делу этого Общества особый следственный комитет, в составе гр. Ст. Замойского, Н. Н. Новосильцева и др., который закончил следствие к 30 декабря 1826 г. По совету вел. кн. Константина Павловича «государственных преступников» решено было судить, согласно польской конституции, особым сеймовым судом из всех членов польского сената, учрежденным в начале 1827 г., но «государственные преступники» из поляков, состоявшие в русском подданстве, подлежали специальному суду из представителей Правит. Сената, командированных в Варшаву. Сеймовый суд оправдал почти всех подсудимых, за исключением немногих, приговоренных к незначительному тюремному заключению, мотивировав свое решение тем, что цели Общества не только не преступны, но вполне согласны с постановлениями Венского конгресса и обещаниями Александра I. В марте 1829 г. этот приговор, несмотря на сильное неудовольствие Николая, был утвержден, но польский сенат получил высочайший выговор. Русскоподданные же поляки были присуждены к заключению в крепость, ссылке в Сибирь, отдаче в солдаты и т. п.

угрожали полякам после его отъезда. Характер государя, приветливость государыни и любезность наследника покоряли все сердца. Их обожают в Польше. Поляки жалуются только на то, что в лице государя их посетил дорогой гость, а не их владыка. Здесь все того мнения, что пребывание государя в Варшаве принесло величайшую пользу; поляки же утверждают, что после отъезда монарха все вошло в свою обычную колею. Несчастные польские провинции остались в состоянии прежнего угнетения и продолжают стонать под игом нескольких известных лихоимцев; последние все получили награды, и таким образом их власть творить зло была как бы санкционирована. Имевшие счастие заслужить в Варшаве благосклонность императора поляки считают себя еще более несчастными, будучи убеждены в том, что государь не может изменить их участи и должен принесть их в жертву особым обстоятельствам.

Вот к чему сводятся, согласно общему мнению, пожелания поляков:

A. Для польских провинций: 1) освобождение от военного управления, которому они подчинены, как если бы они бунтовали, 2) назначение другого лица на место Новосильцева, 3) восстановление старых прав Виленского университета.

B. Для королевства: 1) чтобы никто, кроме самого государя, не вмешивался в дела административного управления, превосходно налаженного, 2) чтобы личная свобода не зависела от чьего-либо каприза, 3) чтобы действующие в империи цензурные правила были введены также и в королевстве, 4) чтобы полиция действовала на основании точных законов, а не по произволу, 5) чтобы делаемые министрами представления не шли через г. Новосильцева и 6) чтобы было открыто сообщение с Россией без ненужных ограничений.

Циркулирующие в Польше слухи об августейших особах императорской фамилии вполне для них благоприятны: поляки их искренне любят, хотя русские в Варшаве позволяют часто себе критиковать государя-императора и окружающих его лиц. Поляки были больше всего тронуты тем, что наследник изучает польский язык, но многие из них сожалеют, что дело это доверено офицеру Юрьевичу [1]), уроженцу Белоруссии, не знающему, собственно, языка и говорящему на режущем польское ухо жаргоне. Они желали бы видеть при наследнике какого-либо ученого поляка.

Поездка государя-императора в Берлин доставила нашим крикунам мало тем для рассуждений, между тем как в клубах

---

[1]) Юрьевич С. А. (1798—1865), воспитатель наследника Александра Николаевича; позже ген.-адъютант, ген.-от-инф., член разных ученых обществ.

рассматривали ее, как политическое событие, а дипломаты сильно волновались [1]).

Наконец, военные действия возобновились, и достигнутые графом Дибичем блестящие успехи изменили составившееся о нем мнение; однако по его адресу продолжали слышаться упреки за дело при Кулевче [2]), в котором он якобы без надобности пожертвовал отрядом генерала Отрощенко [3]), слишком слабым по сравнению с многочисленным неприятелем. Однако последующие успехи [4]) — результат прекрасного плана кампании — переход через Балканы и занятие Адрианополя возвышали государя в общественном мнении и оправдывали также графа Дибича. Все считают, что государь сам принимал участие в выработке плана кампании, и русским это приятно.

Несмотря на всю свою славу, граф Дибич никогда не мог стать кумиром нации, особенно ввиду того, что против него существует сильное предубеждение и предполагают, что он не любит русских и предпочитает им немцев. Отдают справедливость выбору государя — ценят Дибича, но больше любят Паскевича.

Питаемое славой [5]) блестящих военных подвигов своих героев, национальное чувство являлось источником некоторого неудовольствия в массах тем, что наши победоносные войска не вошли хотя бы на несколько часов в Константинополь. С разных сторон слышалось: *«Пусть бы пробили поход русские барабаны в Константинополе и слава для России и государя была бы вечна»*. Масса не разбирается в политических затруднениях и не понимает их; ее увлекает мелочное тщеславие, поэтому-то известие об Адрианопольском мире [6]) не вызвало большой

---

[1]) Николай был в Берлине с 25 по 31 мая, гостя у своего тестя, прусского короля Фридриха Вильгельма III, который предложил ему свое посредничество для заключения мира с Турцией. С согласия Николая, с этой целью в Константинополь был отправлен прусский генерал Мюфлинг; после взятия Адрианополя (8 августа) Турция признала себя побежденной и просила мира.

[2]) 30 мая 1828 г. при Кулевче Дибичем было нанесено туркам решительное поражение. После этого, 18 июня сдалась Силистрия, а 5 июля Дибич начал переход через Балканы. 8 августа произошла сдача Адрианополя, решившая судьбу кампании.

[3]) Отрощенко Я. О. (1779—1862), ген.-м., впоследствии сенатор.

[4]) От слов: «результат прекрасного плана» до конца абзаца отчеркнуто на поле слева карандашом.

[5]) Этот и следующий абзацы отчеркнуты на полях карандашом.

[6]) Адрианопольский мирный договор был подписан 2 сентября 1829 г. По этому договору Турция уплачивала России 10 млн. голл. дукатов в возмещение военных расходов и $1^1/_2$ млн. дукатов в возмещение убытков, понесенных русской торговлей. Россия получала Черноморское побережье от р. Кубани до крепости св. Николая, южнее Поти; Турция признавала за Россией б. персидские ханства Эриванское и Нахичеванское. Проливы объявлялись свободными как для

радости: все ждали занятия Константинополя. Но если оставить в стороне национальное самолюбие, почетный мир увенчал миротворца лаврами и вызвал к нему общую благодарность. Единственно, что не одобряется русским обществом, это то, что Россия, как бы из страха перед Австрией, не упоминает в опубликованном здесь мирном трактате о Греции. По этому поводу вспоминали о подобном же упущении при объявлении войны, что сделало этот акт непопулярным. Вот что слышится по этому поводу: *«Франция не боялась послать войско в Грецию* [1]) *и собирать деньги для греков, а мы, единоверцы, из угождения Австрии, не смеем обнаружить перед светом чувствований, делающих нам честь. Долго ли России ходить на помочах Австрии?»* — Все это приписывается интригам и влиянию Австрии.

Чувства России к августейшей чете проявились по поводу болезни государыни, а затем и государя. Болезнь государыни вызывала сильное беспокойство, потому что все вообще уверены, что она составляет счастье государя и что, привязывая его к себе своими выдающимися качествами, она поддерживает на троне великий и прекрасный пример семейных добродетелей. Во время болезни императора [2]) не только искренняя преданность его особе, но и политические и частные интересы заставляли взывать к богу и проливать слезы. Даже те немногочисленные люди, которые считали себя вправе быть недовольными теми или другими деяниями государя, излив свою желчь, прибавляли: *«Но все-таки он честный, прямодушный и добродетельный человек, любящий правосудие»*. Во время этих всеобщих опасений только и слышались разговоры об ужасном несчастии, которое постигло бы Россию в случае катастрофы. Мысль о регентстве была неприятна; боялись

русских купеческих судов, так и для купеческих судов других держав; русские подданные в Турции подлежали юрисдикции исключительно русского посланника и консулов. В договоре утверждался также ряд преимуществ и прав для Молдавии, Валахии и Сербии; как уже указывалось выше (см. т. 37, стр. 147), из 10 статьи договора вытекало признание внутренней независимости Греции. В истории «восточного вопроса» этот договор имеет весьма крупное значение, так как с этого времени (а особенно со времени подписания Россией и Турцией Ункиар-Скелессийского договора в 1833 г., по которому Турция обязалась, в случае войны России с какой-либо из европейских держав, закрыть Дарданеллы для вражеского флота) началось охлаждение между Россией и Англией и Францией, приведшее, в конце концов, к Крымской кампании 1854—1855 гг.

[1]) Во время русско-турецкой войны, в августе 1828 г., в Морее высадился 14 000-ный французский корпус, который выбил оттуда остатки турецких и египетских войск Ибрагима-паши. Этот корпус оставался в Греции до 1834 г.

[2]) 10 ноября 1829 г. Николай I заболел «нервической горячкой», от которой оправился в начале декабря.

влияния Варшавы [1]). Склонялись к мысли о государыне-императрице, и многие ей сочувствовали [2]).

В это тяжелое время надзор почел долгом удвоить свою бдительность для того, чтобы, на основании некоторых данных, поближе присмотреться к настроению многих недоброжелателей, но убедился, что к последним он может отнести только очень небольшое число лихоимцев из чиновников гражданского ведомства и несколько лиц из дворцовой челяди. Последние взбешены тем, что их братии поставлены препятствия к продвижению в чинах и что их лишили возможности безнаказанно расточительствовать. Влияние этих людей на низшие классы, с которыми они приходят в соприкосновение, было бы пагубно, но, к счастью, оно парализуется любовью к монарху.

Обозрев волновавшие общественное мнение крупные события, мы остановим наше внимание на суждении общества о различных отраслях административного управления. В наше время гораздо легче управлять в критические моменты, чем при обычных условиях [3]). В обычное время у всех являются претензии, каждый смотрит в упор на правительство, ожидая, чтобы оно исправило все ошибки, предупредило бы все беды, наделило бы всеми благами. Мы будем придерживаться порядка последовательного обозрения различных отраслей государственного управления.

I. О министерстве финансов.

Система запретительных пошлин, рекомендованная находившимися в сношениях с предшествующим министерством спекулянтами и утвержденная ложно направленным патриотизмом, принесла много вреда России. Столь широко распространенная роскошь не могла быть удовлетворена местным производством. Богатые люди разорялись, приобретая все то, к чему привыкли с детства; остальные, чтобы не отстать, предавались взяточничеству и лихоимству, что способствовало развитию контрабанды, конфискаций, казнокрадства. В России начинали производить кое-что хорошее, но в очень ограниченном количестве; бо́льшая часть фабрикатов выделывается наспех, и, ввиду отсутствия конкуренции, плохие товары местного производства продаются дороже, чем привозимые из-за границы хорошие. Стремясь увеличить таможенные доходы, министерство финансов облагало ввозимые товары чрез-

[1]) Т. е., повидимому, влияния сумасбродного вел. кн. Константина Павловича на возможного «регента» вел. кн. Михаила Павловича.

[2]) Следующий абзац отчеркнут на полях карандашом.

[3]) Начало этого абзаца до слов: «В обычное время...» отчеркнуто на полях карандашом.

вычайными пошлинами. Одним словом, покупатели должны обладать большими деньгами, чтобы иметь возможность приобрести вещи, сделавшиеся им необходимыми; но денег нехватает: иностранцы, не находя больше достаточного сбыта для своих товаров, переставали покупать наши продукты, обращаясь за таковыми туда, где торговля менее стеснена и где они могут избежать скверных приемов таможенных чиновников и бесконечных, несносных формальностей, с которыми они встречались у нас. Земельная собственность обесценивалась, крестьяне переставали платить подати, а дворянство, живя в столицах или состоя на службе, всегда нуждается в деньгах и постоянно делает долги. Министерство долго упорно защищало и сохраняло покровительственную систему, но, наконец, наученное голосом общественного мнения и несколькими газетными статьями, повидимому, убедилось в необходимости ослабить эту систему и само поместило в печати статью, имеющую, очевидно, целью подготовить умы к изменению системы пошлин. Уверяют, что это будет счастьем для народа и что даже наши фабрики, при наличии конкуренции, усовершенствуются. К этому прибавляют, что есть только несколько губерний, достаточно населенных для того, чтобы быть промышленными, и что в других нехватает рук даже для обработки земли. Что дала в результате выставка русских фабрикатов — выставка, которая произвела поразительное, благоприятное министру финансов впечатление и, в некотором роде, примирила с ним общество? [1]) Там были великолепные образцы, но в магазинах находишь только плохие вещи, продаваемые по столь высоким ценам, что министр приказал напечатать в своей газете, что русские фабриканты забываются, что цены на их товар назначаются тройные сравнительно с заграничными и что поэтому-то они и не находят сбыта.

Говорят, что министр финансов занимается только измышлением налогов прямых и косвенных, не считаясь с тем, что у нас каждый налог падает на бедного земледельца, и что необходимо оживить обращение денежных сумм. Этим объясняют, что такое большое количество заложенных в банках земель продается с аукциона и что так много невнесенных в срок податей [2]). Какое преимущество представляет собой хорошо составленный бюджет, если он не соответствует действительности? Теперь приходится силой вышибать каждый рубль. Изданный в этом году указ касательно мероприятий против тех, кто не платит повинностей, вызвал ропот среди бедных классов. Со всех

[1]) Слова: «Уверяют, что это будет.... с ним общество?» отчеркнуто на поле слева карандашом.

[2]) Слова: «Говорят, что министр финансов.... в срок податей» отчеркнуты на полях карандашом.

сторон кричат: «*Думают, как взять, а не думают, откуда*».— В течение тридцати лет налоги все возрастали, но никогда никто не думал о том, чтобы облегчить народу его бремя. К чему это приведет? К общему банкротству [1]). Рассуждения эти влекут за собой и другие, менее невинные; среди дворянства возникают пагубные идеи. Положение становится натянутым, и начинают желать более или менее законных перемен. Необходимо заняться внесением некоторых улучшений в положение помещиков-землевладельцев, и, согласно общему мнению, достигнуть этого возможно единственно лишь понижением процентов. Это оживило бы и усилило обращение денежных сумм и, может быть, спасло бы от разорения многих помещиков [2]).

Откупа питейных сборов несколько усилили денежное обращение, но царящая в народе бедность обманула ожидания откупщиков, и многие из них утверждают, что понесли значительные потери.

Горная промышленность находится, — как, говорят, сказал по секрету г. Гумбольдт [3]), — в плачевном состоянии. Во Фриберге девять тысяч рабочих делают то, на что в Колыванских рудниках требуется пятьдесят тысяч человек, потому что они столь же плохие земледельцы, сколь и скверные рудокопы. Люди эти вынуждены проехать несколько сот верст, чтобы прибыть к месту своей работы [4]). Местная власть не стремится изменить этот порядок вещей, потому что она наживается за счет этих бедняков, вымогая у них деньги под различными предлогами. Офицеры минного корпуса, в большинстве случаев, или невежды или вообще довольствуются лишь тем, что следуют примеру своих предшественников.

---

[1]) Слова: «Со всех сторон кричат.... общему банкротству» отчеркнуты на полях карандашом.

[2]) От слов «Положение становится натянутым» до конца абзаца отчеркнуто на полях карандашом. Отчеркнут также следующий абзац.

[3]) Гумбольдт Александр (1769—1859), знаменитый немецкий путешественник, естествоиспытатель, геолог, автор «Космоса» и многочисленных научных трудов по анатомии и физиологии животных, ботанике и др.; в 1829 г. на средства, предоставленные ему русским правительством, совершил свое «азиатское путешествие», во время которого посетил Нижний и Средний Урал, где производил геологические исследования, заводы — Невьянск, Верхотуры и др., где осматривал разработки железа, золота, платины (Канкрин намеревался чеканить платиновую монету), причем от его внимания не ускользнули жалкое положение крепостных и скверное состояние промышленности; побывав в Тобольске, Барнауле, Семипалатинске, Миясске и собрав богатейшие зоологические и ботанические коллекции, Гумбольдт отправился в Оренбург и Астрахань. Совершив небольшую поездку по Каспийскому морю, 13 ноября 1829 г. он прибыл обратно в Петербург.

[4]) Слова: «Горная промышленность.... своей работы» отчеркнуты на полях карандашом.

Говорят, что было бы вполне возможно доставлять в Петербург соль из Илецка, но что министр об этом не хочет и слышать исключительно из упрямства, потому что когда-то, служа по этой части, он представил доклад против подобной операции, и имеет также зуб против директора Илецких соляных копей. Говорят, что это обстоятельство было доведено даже до сведения покойного государя-императора [1]).

Уверяют, что в министерстве финансов совершается много хищений, и в подтверждение указывают пальцами на нескольких субъектов, не имевших ни копейки в то время, как они служили под начальством генерал-интенданта Канкрина, ныне же располагающих крупными суммами. Торговля медью и хинной коркой является богатым источником хищений. Казенные леса разграбляются, а *казенные имения* в самом плачевном состоянии [2]).

Создание таможенной стражи увеличило расходы, но не приносит никакой реальной пользы; напротив, уверяют, что она способствует контрабанде. Эти люди задерживают только тех, кто им не платит. В Кяхтинской таможне происходят злоупотребления, но директор платит дань чиновникам министерства и остается спокойно на своем месте. Были, повидимому, важные доносы по поводу этой таможни, но все было замято, а доносчик подвергся преследованиям [3]).

Министр, говорят, — человек знающий, просвещенный, деятельный и трудолюбивый, но упрямый; он не слушает никого, кроме нескольких любимцев, которые его обманывают. Г. Дружинин [4]) очень умный, очень способный человек, но, к несчастью, продажный. Г. Кайсаров [5]), который когда-то был не совсем чист, ведет себя прекрасно и знает дело. Смерть г. Розенберга [6]) считается незаменимой утратой, заслуги и честность его признавались всеми. Министра обвиняют в том, что он, в погоне за популярностью, слишком стремится скрыть все хищения своих чиновников.

В обществе намечают и предлагают следующие реформы в министерстве финансов: 1) понижение процентов, как уже говорилось выше, 2) усиление всеми возможными способами денежного обращения, 3) изменение налоговой системы, с тем, чтобы вся тяжесть обло-

[1]) Слова: «Когда-то, служа.... государя-императора» отчеркнуты на полях карандашом.

[2]) Эта фраза отчеркнута на полях карандашом.

[3]) Этот абзац отчеркнут на полях карандашом.

[4]) Дружинин Я. А. (1771—1849), директор канцелярии министерства финансов (1811—1830).

[5]) Кайсаров П. С. (1777—1854), директор деп. разных податей и сборов (1828—1839), позже сенатор.

[6]) Розенберг И. И. (умер 16/XII 1829 г.), директор деп. госуд. казначейства.

жений не ложилась исключительно на бедный класс, как это было еще недавно, при повышении цены на соль в Крыму, 4) переработка таможенного тарифа в смысле ослабления покровительственной системы, 5) запрещение землевладельцам брать с крепостных причитающийся пивоварням налог, которым помещик пользуется в качестве фабриканта, а не земельного собственника, 6) урегулирование казенных доходов и установление подати, платимой помещикам, для того, чтобы последние не были более автократами в своих владениях, 7) назначение для работ в рудниках известного числа рабочих, которые были бы постоянно при одном деле и не заменялись бы другими: благодаря этой мере они стали бы умнее и искуснее, как это было с рабочими оружейных фабрик, 8) уничтожение преимуществ, которыми пользуются различные морские порты, и дарование им всем одинаковых прав, что способствовало бы процветанию городов и обогащению всей страны [1]).

Довольно распространено также мнение, что следовало бы выделить департамент торговли из министерства финансов и образовать из него отдельное министерство, как это было прежде и как мы это видим теперь во всех культурных странах Европы. К этому добавляют, что министерство финансов охватывает слишком большое число отраслей управления, для того чтобы один человек мог хорошо его направлять и смазывать все колеса. При этом случае высказывается мысль об образовании финансовой палаты (Chambre des finances).

II. О министерстве внутренних дел.

Согласно общественному мнению, министр внутренних дел должен быть человеком образованным, знакомым с ходом дел в других европейских государствах и говорящим на иностранных языках. Г. Закревский деятелен и враг хищений, но он совершенный невежда. Всю свою славу и свое честолюбие он полагает в чистоте аппартаментов, в соблюдении формы, в составлении карточек и в числе входящих и исходящих бумаг. Последние читаются и пишутся, но дело не двигается; не замечается никакого улучшения [2]). Напротив, в целях достижения некоторой популярности и репутации великого государственного человека, в русском смысле этого слова, г. Закревский полагает свою честь в том, чтобы незаметно оказывать покровительство своим подчиненным. Все сообщаемые ему жандармерией сведения он посылает губернаторам, сообщая им, от кого они исходят; это тормозит

[1]) Весь этот абзац отчеркнут на полях карандашом.

[2]) Слова: «Г. Закревский деятелен.... улучшения» отчеркнуты на полях карандашом.

деятельность жандармов и навлекает на них придирки и злобу местных властей [1]). Сколько ему ни объясняют, что эти сведения сообщаются ему только в порядке частном, как предназначаемые исключительно для его личного сведения в целях дать ему возможность действовать когда и где следует, — он не отступает от своей методы исключительно из-за неуместной ненависти к учреждению, которое, по его мнению, врывается в сферу его компетенции.

Губернаторы слишком обременены бумагами, поглощающими всю их деятельность и в конечном итоге в большинстве случаев сжигаемыми в департаментах. Состояние провинциальных тюрем в высшей степени плачевно [2]), потому что министр, по странному пониманию справедливости, полагает, что не следует нежить злодеев, не принимая во внимание того, что среди заключенных могут быть люди невинные и несчастные. Полиция в губерниях тоже в плачевном состоянии, везде, даже под стенами Петербурга, кишит беглецами и бродягами, и особенно их много в Шлиссельбургском округе, где они легче находят себе убежище. Всякому сколько-нибудь важному преступнику, конечно, не раз удавалось бежать из тюрьмы. — Не принимается никаких действительных мер против опустошающих целые местности эпизоотий, и все заботы администрации ограничиваются перепиской. Везде недостаток ветеринарных врачей. Немного более заботятся и о людях: целые деревни заражены венерическими болезнями; оспа, корь и другие заразные болезни беспрерывно свирепствуют среди беспомощного населения. Медикаменты в казенных аптеках, даже в Петербурге — скверные [3]). Карантины соблюдаются беспорядочно и с недостаточной строгостью. Вступив в управление министерством, г. Закревский, на основании доносов, наложил руку на медицинский департамент; он без всякого разбора разогнал старых и опытных в этой трудной сфере управления служащих, заменил их новыми, которые внесли путаницу в дела; последствием этого нелепого управления явится, как уверяют, значительный дефицит. Так как это одна из наиболее доходных областей, то в нее проникает и больше интриг; г. Закревский облек своим особым доверием двух известных и всеми презираемых взяточников гг. Дьяконова [4]) и Кусовникова. Недавно он назначил еще директором этого департамента некоего Швенсона [5]), который тоже не пользуется хорошей репутацией.

---

[1]) Эта фраза отчеркнута на полях карандашом.

[2]) Начало этой фразы отчеркнуто на полях карандашом.

[3]) Слова: «Везде недостаток ветеринарных.... скверные» отчеркнуто на полях карандашом.

[4]) Дьяконов И. Я., чиновник медиц. деп. по особым поручениям.

[5]) Швенсон С. И., вице-директор медиц. департамента.

В колониях дела идут плохо, — колонистам не оказывают никакого покровительства вследствие странной ненависти министра к иностранцам и непостижимого предубеждения, что колонии в России бесполезны [1]).

Общественные здания в провинции разрушаются, и никто не думает больше об исторических развалинах, которые государь приказал сохранять [2]). Одним словом, обычно говорят, что дело управления идет так, как того можно ожидать от человека непросвещенного, пропитанного национальными предрассудками, начинающими подвергаться осуждению даже со стороны некоторых бородачей.

Общество желает внесения улучшений в эту столь важную часть управления, и вот вкратце, что намечается в этом отношении общественным мнением: [3])

1) Указать специальный путь для прогона скота в разных местах империи и устроить на этом пути несколько постов *(заставы)* для санитарного осмотра стад; воспретить гуртовщикам продавать скот в лежащих по пути городах и деревнях, потому что они сбывают таким образом больных животных. Чтобы предупредить при этой процедуре злоупотребления, следовало бы возложить надзор за ней выбираемому дворянством должностному лицу, которое находилось бы в непосредственном подчинении местному предводителю дворянства. Заинтересованные в предотвращении заразы помещики будут друг за другом наблюдать, между тем как местная полиция стремится только вытянуть из занимающихся этой торговлей купцов как можно больше денег.

2) Устроить в провинции ветеринарные школы и допустить в них несколько человек из крестьян.

3) Увеличить число аптек в провинции и обращать больше внимания на медицинскую часть вообще. Мы испытываем недостаток во врачах, и было бы, может быть, полезно дать Дерптскому университету средства, чтобы там на казенный счет подготовлялось несколько врачей, взятых из числа бедных студентов, не имеющих средств продолжать учение; за эту мысль держатся особенно потому, что самые известные врачи столицы, как Раух [4]), Лерхе [5]) и другие — ученики этого университета.

---

[1]) Главное управление колониями иностранных поселенцев в России находилось в ведомстве министерства внутр. дел с 1802 г.; с учреждением министерства госуд. имуществ в 1837 г. все колонии перешли в его ведение.

[2]) Эта фраза отчеркнута на полях карандашом.

[3]) Тоже.

[4]) Раух Е. И. (1790—1864), лейб-медик.

[5]) Лерхе Т. Г. (1791—1847), окончил в 1812 г. Дерптский (Юрьевский) университет со степенью доктора медицины; с 1815 г. поселился в Петербурге.

4) Устроить несколько окружных больниц, отнеся расходы на счет общинных податей, которые чрезмерно велики и растрачиваются бесплодно.

5) Побудить к более энергичной деятельности местную полицию в целях борьбы с укрывательством всех видов дезертиров и бродяг, с применением к укрывателям суровых мер, причем ответственность возложить на общество.

6) Учредить в провинциях суды исправительной полиции, члены которой должны быть избираемы из среды дворянства и купечества; на обязанности их лежало бы производство предварительного следствия при всяких преступлениях, потому что таковое является слабой стороной всех наших уголовных процессов.

7) Учредить комитет, рассмотрению которого подлежали бы все могущие быть представленными проекты из различных областей управления.

8) Обращать больше внимания на статистику, которая несмотря на то, что могла бы приносить огромную пользу, находится в полном пренебрежении и требует коренной реорганизации.

9) Реорганизовать медицинский департамент. Между прочим, следовало бы повелеть, чтобы ревизия материалов лежала на обязанности ученого комитета, а не предоставлялась ничего в том непонимающим чиновникам и чтобы деньги поставщикам уплачивались кассиром министерства, функции которого должны быть выделены. Теперь деньги вручаются первому встречному, и никто не заботится об отчетности. Может быть, было бы лучше возложить это дело, так же как и контроль, на Комитет Министров.

В обществе очень желают, чтобы губернаторы выбирались с большей осмотрительностью, потому что, подобно тому, как армия не может никогда достигнуть известной степени совершенства без хороших полковников, — дело внутреннего управления не может итти правильно без умных и честных губернаторов. Чего можно ждать от всех этих людей, находящихся под покровительством г. Закревского и составляющих его круг, с их очень плохой репутацией?

Следовало бы сделать очень многое в этом министерстве, — говорят,— если бы только министр был образованным и просвещенным человеком, но г. Закревский создан для формы и предрассудков; он не на месте. Вот что говорят даже те, кто группируется вокруг него.

Основатель и директор первой в России больницы по глазным болезням; учредитель Общества практических врачей в Петербурге; автор многих статей по офтальмологии.

III. О министерстве юстиции.

Г. Дашков [1]) обладает всеми качествами ума и сердца, необходимыми для того, чтобы стать прекрасным министром. Некоторые ставят ему в упрек то, что он не мог столковаться с Закревским и Долгоруким [2]), но общественное мнение его вполне в этом отношении оправдывает, говоря: «Как могут ум и совесть примириться с невежеством и недобросовестностью?» Ему приписывают один только недостаток — низкопоклонничество перед власть имущими, влияния которых он слишком боится. Он жалуется на невозможность сделать все, что хотел бы, за полным неимением сотрудников. Канцелярии министра и Сената полны взяточников и людей неспособных, и министр вынужден сам рассматривать всякое сколько-нибудь значительное дело. Все обер-прокуроры, за исключением Журавлева [3]), люди более или менее малоспособные. Журавлев, — человек интеллигентный и основательно знакомый с делами, — находится, к несчастью, под влиянием своей жены, которая жадна, как сорока, и во все вмешивается. За последнее время однако Журавлев испытал много неприятностей и намеревается, повидимому, принять меры к тому, чтобы избавиться от этого гибельного влияния. Г. Дашков жалуется на то, что он бессилен уничтожить все это лихоимство, не будучи в состоянии уследить за всем лично и не имея возможности положиться на прокуроров, которые все закрывают на это глаза. Что касается общего хода дел, то лихоимство и применение ложных принципов внесли в него такую путаницу и воздвигли на его пути столько препятствий, что необходимо его преобразовать на новых началах. Вот как рассуждают по этому поводу:

Сенат должен только рассматривать поступающие на его рассмотрение дела и приводить в исполнение повеления монарха; но, вместо этого, бюрократы, чтобы иметь больше добычи, уговорили министра издать постановление, в силу которого по жалобе частных лиц на провинциальные суды дела посылались бы на пересмотр в Сенат и рассматривались бы предварительно последним, причем ему дается произвольное право отменять приговоры местных судебных инстан-

---

[1]) Дашков Д. В. (1784—1839), упр. министерством юстиции (с 1829 г.), с 1832 г. министр юстиции; в 1839 г. был назначен членом Госуд. Совета и председателем деп. законов; сторонник гласного судопроизводства и введения адвокатуры, в чем не имел успеха; имел широкие связи в литературных кругах, участвовал в знаменитом споре о старом и новом слоге с Шишковым, видный член литературного общества «Арзамас».

[2]) Долгоруков А. А., князь (1767—1834), мин. юстиции (1827—1829).

[3]) Журавлев И. Ф. (1776—1842), б. директор деп. мин. юстиции (1818—1824).

ций [1]). Таким образом Сенат, обогащаясь взятками, завален процессами. Это привело к необходимости увеличить штат чиновников и открыло обширное поле для интриг. Другим препятствием на пути правосудия, способствующим притом интригам, является к о м и с с и я п р о ш е н и й [2]). Состоящая из сенаторов, она становится судьей в собственных делах. Совершенно естественно, что члены этой комиссии вынуждены поддерживать свое собственное мнение или мнение своих коллег по Сенату. Сколько это влечет за собой отступлений от законного порядка и противоречий! Так как комиссия эта решает дела от имени государя, она является высшей инстанцией, все парализует, врывается в область компетенции министров и нарушает общий порядок ведения тяжбы.

Почти то же следует сказать и о Комитете Министров, являющемся также в одно и то же время судьей и стороной [3]). Согласно общему мнению, нет другого средства бороться со взяточничеством, как уменьшить число чиновников, лучше их оплачивать и ввести с этой же целью существующее во всех европейских государствах право субсидий [4]).

Прибавим к этому краткое изложение некоторых предлагаемых общественным мнением проектов улучшений:

1. Принимать в Сенат только апелляционные прошения и кассационные жалобы [5]).

2. Повелеть, чтобы жалобы на приговоры низших судебных инстанций приносились министру, которому присвоить право приоста-

---

[1]) Эта фраза отчеркнута на полях карандашом.

[2]) Хотя еще при учреждении Сената Петром I было запрещено, под страхом смертной казни, подавать жалобы на сенатские решения, но самодержавная власть фактически не могла устранить себя от разбора судебных дел. В 1810 г. при Госуд. Совете была образована комиссия прошений, подававшихся на «высочайшее имя». В комиссию поступали прошения с жалобами на высшие судебные и административные учреждения и лица. В 1835 г. комиссия прошений была выделена в самостоятельное учреждение, находившееся в непосредственном ведении царя; в 1884 г. она была упразднена, и был выработан особый порядок подачи и принятия прошений и жалоб на «высочайшее имя».

[3]) Комитет Министров при Александре I и Николае I обладал очень широкой и расплывчатой компетенцией; нередко он пересматривал решения уголовных судов, иногда разбирал дела, еще не законченные в низших судебных инстанциях, принимал по гражданским делам жалобы частных лиц на решения Сената, выступая по отношению к последнему в роли высшей апелляционной инстанции; в 1826 г. на рассмотрение Комитета Министров стали вноситься приговоры военного суда над крестьянами, обвиненными в неповиновении помещикам и властям, если к ссылке и телесным наказаниям присуждалось более 9 человек.

[4]) По-немецки Sporteln — род субсидий, выплачиваемых по таксе за каждое дело. — П р и м е ч а н и е в п о д л и н н и к е.

[5]) Эта фраза отчеркнута на полях карандашом.

навливать дело после предварительного рассмотрения его специально учрежденным под его руководством комитетом; последний имеет быть составлен из нескольких прокуроров и сенаторов и должен заменить нынешнюю консультацию. Комиссия прошений не должна будет более заниматься рассмотрением процессов, потому что, решая их от имени монарха, она, в силу этого, идет вразрез с установленными правилами. В случае признания вынесенного одним из департаментов Сената приговора неправильным, он может быть обжалован в заседании в полном составе, на котором разбиравшие дело сенаторы были бы лишены права присутствовать. Компетенций комиссии прошений будут подлежать только дела, зависящие от личного благоусмотрения монарха.

3. Чтобы *доклады* о процессах составлялись согласно установленного порядка, чтобы для сего были установлены сроки и дело это не было предоставлено, как теперь, доброй воле докладчика.

4. Допустить, чтобы тяжущиеся могли печатать к своему делу объяснительные записки, которые проходили бы через цензуру прокурора того департамента, которому дело подсудно, и при условии согласия на то министра. Мера эта сильно способствовала бы обузданию лихоимства. При этом уже случаи, подобные делу Гежелинского [1]), стали бы невозможны.

Считают также, что было бы необходимо изменить ход дел в Государственном Совете. Граф Кочубей запретил тяжущимся представлять объяснительные записки к своему процессу членам Совета и лично им их разъяснять. Строго воспрещено также докладчикам сообщать тяжущимся свои *доклады* [2]). Это мнимое сохранение их втайне является только средством обогащения докладчика, потому что, при нынешнем порядке вещей, приходится покупать то, что должно бы узнаваться даром. Нелепость этой меры становится очевидной из данной комиссии прошений инструкции, где сказано: «*На решение Государственного Совета не должно приниматься жалоб, а можно принимать жалобы на доклад Совету, если в докладе сделаны упущения*». Теперь восклицают: «*Каким же образом можно жаловаться на доклад, когда это тайна и когда доклад не прописывается в решении?*»

Было бы необходимо, думают многие, учредить последнюю инстанцию, решения которой не подлежали бы апелляции и являлись бы неотменимыми. Без этого никто не может быть спокоен за свою собственность, что причиняет массу неприятностей и семейных несчастий.

---

[1]) Гежелинский, Ф. Ф., упр. делами Комитета Министров.

[2]) Слова: «Граф Кочубей.... *доклады*» отчеркнуты на полях карандашом.

Много говорят о безответственности членов Совета, сенаторов и министров в случаях противозаконных решений, потому что, как говорится в указе Петра Великого: «*На что писать законы, когда не исполнять их*». Судьи наши присвоили себе права присяжных и решают дела по своему усмотрению, по совести, вопреки законам, чем приносится много зла.

Очень желают восстановления *совестных судов* [1]), пришедших, к несчастью, в упадок; они имеют важное значение и очень полезны для процессов, в которых отсутствуют документы и которые не навлекают иного наказания, кроме стыда.

Бесконечно жалеют об уничтожении *юнкерского института*, где молодые люди подготовлялись к гражданской службе. Учреждение подобного заведения принесло бы существенную пользу.

IV. О министерстве народного просвещения [2]).

Общественное мнение высказывается открыто против этого министерства, которое, как говорят, с 1818 г. двигается в обратном направлении [3]). Было время, когда его обвиняли в мистицизме; теперь его упрекают в обскурантизме. Государь-император повелел составить элементарные учебники, и с этой целью был учрежден особый комитет, но в состав его вошли люди, за которыми общество отказывается признать нужные для столь важной работы качества: до сих пор не появилось даже азбуки. Положение о гимназии подвергается сильной критике [4]). Уверяют, что в Московском университете царит скверный

---

[1]) С 1828 г. так назыв. совестные суды, вследствие незначительного числа производившихся в них дел, были намечены правительством к постепенному упразднению, однако просуществовали до судебных реформ 60-х гг.

[2]) Весь этот отдел отчеркнут на полях резкой чертой карандашом.

[3]) В 1817 г. состоялось объединение мин. нар. просвещения, синода и ведомства иностр. исповеданий, и во главе вновь учрежденного министерства духовных дел и нар. просвещения был поставлен личный друг Александра I кн. А. Н. Голицын (1773—1844), мистик и пиетист, смененный в 1824 г. обскурантом А. С. Шишковым. Голицын полагал, что все науки должны быть заменены чтением св. писания; нерасположение к «черному духовенству» (т. е. монахам) было причиной его отставки, на которой настоял известный архимандрит Фотий. При Голицыне прославились своим мракобесием Рунич и Магницкий. С 15 мая 1824 г. до 25 апреля 1828 г. министерством нар. просв. управлял Шишков, который в самом начале своей деятельности заявил о необходимости борьбы с «духом времени» и о том, что «обучать грамоте весь народ или несоразмерное числу оного количество людей принесло бы более вреда, чем пользы». Его сменил кн. Ливен.

[4]) 14 мая 1826 г. был учрежден особый «Комитет устройства учебных заведений», под председательством министра нар. просв. А. С. Шишкова, в который вошли кн. К. А. Ливен, Сперанский, гр. Ламберт, С. С. Уваров (позднее министр

дух, что дипломы там публично продаются и что тот, кто не брал частных уроков по 15 рублей за час, не может получить такового диплома. Жалуются на недостаток преподавателей и наставников; но никто не желает служить в этом министерстве, где заставляют работать, как каторжников, а все сколько-нибудь способные люди стараются попасть в учреждения императрицы или в военные учебные заведения. Общество было недовольно тем, что князь Ливен получил недавно орден, в то время как никто в министерстве не удостоился награждения.

Литература, — как говорят, — находится в довольно печальном положении. Министр не знает ни одного литератора, и ни одному из них он не сказал любезного слова. Общество его состоит из нескольких ханжей[1]), пользующихся дурной славой в глазах общества.

Надзор внимательно наблюдал за молодыми людьми, метившими в политические реформаторы и желавшими издавать с этой целью газеты. Добытые надзором в этом отношении данные в большинстве случаев подтвердились. Среди газетных писак Москвы есть еще много дряни, но некоторые репрессии, будучи своевременно применены, принесли значительную пользу.

Вообще литераторы стремятся превозносить царствование императрицы Екатерины и первые годы царствования императора Александра — как эпоху, когда к писателям относились с уважением, ухаживали за ними и награждали их. Во всех европейских государствах, — говорят они, — самые видные литераторы и артисты пользуются, по собственной инициативе государей, некоторыми щедротами со стороны правительства и наградами. Очень многие считают, что государю-императору следовало бы время от времени проявлять свое благоволение к тому или другому из наиболее выдающихся писателей. Оказанное государем Академии художеств [2]) особое покрови-

---

нар. просв.), Сиверс, Шторх, и. д. попечителя Харьк. унив-та Петровский, фл.-ад. Перовский и гр. Строганов. Комитет должен был проверить уставы всех учебных заведений как казенных, так и частных, точно определить их программы и учебные пособия. Комитет выработал новый устав средних и низших учебных заведений, утв. 8 декабря 1828 г. Согласно этому уставу, приходские училища предназначались для «лиц низших состояний», уездные училища — для горожан, гимназии — только для дворян и чиновников; при гимназиях учреждались дворянские «благородные пансионы».

[1]) Гг. Незаровиус, Адеркас и т. д. (Примечание в подлиннике.) Незаровиус, повид., Пав. Павл. (1776—1847), основатель и редактор газеты «Русский инвалид»; Адеркас, повид., Эмм. Богд. (1782—1859), член Гл. правления училищ, псковский губернатор.

[2]) Бенкендорф имеет в виду, вероятно, переход Академии художеств в ведение министерства двора согласно именному высоч. указу 9 февраля 1829 г.

тельство принесло огромную пользу и дало новый толчок деятельности художников, которые благословляют монарха. Покровительство, оказанное Ботаническому саду [1]) и такому выдающемуся ученому, как Фишер, произвело также наилучшее впечатление и было встречено с большим удовлетворением.

V. О министерстве внешних сношений.

Общество, особенно средние классы, в массе странным образом предубеждены против графа Нессельроде. Его всегда подозревают в тайной приверженности венскому кабинету и в предосудительной близости с Меттернихом и Лебцельтерном [2]); ему ставят также в упрек исключительное покровительство, которое он, якобы, оказывает гг. Лавалю и Радофиникину [3]), двум лицам, сугубо непопулярным в обществе. Утверждают, что г-жа Нессельроде [4]) имеет слишком большое влияние на своего супруга и даже на ход дел, что в ведомство проникла система покровительства родственникам и что слишком заметное влияние некоторых иностранных посланников может причинить вред в смысле нарушения государственных тайн. Но, с другой стороны, слава, которую принес торжествующей России Адрианопольский мир, относится, естественно, к министерству внешних сношений, трудная работа коего, особенно перед и во время ряда наших побед, увенчалась заметным успехом. Русскую политику нельзя упрекнуть в том, что она оставила существовать подобие Оттоманской империи в то время, как она имела возможность безнаказанно отважиться на все, так как неспособный нарушить свою клятву император дал слово Европе не тревожить ее победами и сдержал свое обещание, проявив при этом столько же умеренности, сколько и осторожности и великодушия. Министерство внешних сношений, на которое было возложено приведение в исполнение его намерений, свято их выполнило.

---

[1]) Здесь имеется в виду, вероятно, передача Ботанического сада в Петербурге из министерства внутр. дел в ведение министерства двора, сопровождавшаяся увеличением ассигнований на содержание сада. Ф. Б. Фишер (1782—1854), ботаник, член Академии наук, — директор Ботанического сада с 1823 до 1850 г.

[2]) Лебцельтерн, Л., граф, австрийский посол при русском дворе.

[3]) Радофиникин, К. К. (1760—1838), директор азиатского деп. мин. иностр. дел.

[4]) Нессельроде, М. Д. (1786—1849), статс-дама, жена министра иностр. дел гр. К. В. Нессельроде.

VI. О военном министерстве.

Граф Чернышев пользуется печальной репутацией: это предмет ненависти (bête noire) публики, всех классов без исключения. Его вообще боятся и ненавидят; его обвиняют даже в том, что он в своих докладах обманывает государя ложными донесениями, стремясь приписать себе чужие заслуги [1]), и искренно сожалеют о графе Дибиче, возвращения которого ждут с нетерпением. Надо однако сознаться, что, благодаря ежедневному наблюдению со стороны императора, военной субординации и обилию средств набирать умных и деятельных должностных лиц, работа в этом министерстве ведется лучше, чем в большинстве других органов власти. Дисциплина там требуется безусловно, особенно в канцелярии главного штаба. В отделах снабжения и обмундирования армии дело обстоит иначе: там мы часто видим злоупотребления. Начальник отдела обмундирования проявил особую строгость, против которой возмущались его подчиненные и на которую жалуются также поставщики и другие имеющие с ним сношения лица.

VII. О главном управлении водных и сухопутных сообщений.

Все единодушно сходятся на том, что управление этой отраслью государственного хозяйства находится в самом скверном состоянии [2]). Лихоимство и взяточничество — там обычное явление, а отчетность — в хаотическом состоянии. Герцога [3]) обманывают на каждом шагу и занимают мелкими работами и крупными проектами. Институт [4]) или, вернее, школа, также в упадке. Надзор не раз указывал на дурное поведение учеников; они чрезвычайно распущены и насмехаются над своим инспектором — Резимоном [5]), человеком, в полном смысле этого слова, — ничтожным, корыстным и алчным. Молодые люди его постоянно поносят.

---

[1]) Слова: «Граф Чернышев.... чужие заслуги» отчеркнуты на полях карандашом.

[2]) Эта фраза отчеркнута на поле карандашом.

[3]) Герцог Александр Вюртембергский (1771—1833), брат имп. Марии Федоровны, главноуправляющий ведомства путей сообщений и публичных зданий (с 1822 г.).

[4]) Институт корпуса инженеров путей сообщений, учрежденный в 1810 г.; в 1829 г. к институту было присоединено военно-строительное училище.

[5]) Резимон И. С. (ум. в 1844 г.), ген.-м., пом. директора института корпуса инженеров путей сообщений (1826—1836).

По этому поводу обычно указывают на другие военные учебные заведения, которые, благодаря отеческим попечениям государя-императора, чрезвычайно улучшились сравнительно с тем, какими они были. Все родители жаждут поместить в них своих детей, чего не было несколько лет тому назад [1]).

VIII. О морском ведомстве.

Общественное мнение никогда не относилось сочувственно к г-ну Моллеру [2]). Говорят даже, что он часто обманывает государя, показывая экономию по сметам, которые он сам произвольно составляет и в которых перетасовывает суммы и служащих по своему желанию, чтобы усугубить значение своих заслуг. Флотские офицеры много говорят о неосмотрительности, с которой строятся суда. Они говорят также, что часто испытывается недостаток в плотниках, потому что те, которых, якобы, нанимают, служат только для обогащения строителей, так как последние получают за них с поставщиков чистыми деньгами по числу людей. Государь-император остался очень доволен сооружением больших стопушечных судов, а между тем моряки утверждают, что корабли построены плохо, без соблюдения правильных размеров, но никто не осмеливается сказать об этом государю, после того как г. Исаков [3]) был за это награжден. Кронштадтские строители, сооружающие суда и исправляющие их недостатки, наиболее заслуживают наград, и, к несчастию, ими-то более всего и пренебрегают. Моряки жалуются еще на то, что от них требуют, по их выражению, «*пехотной выправки*»; они говорят, что на это у них нет времени и что подобная выправка не соответствует роду их службы. Среди моряков идут пересуды по поводу дела Грейга [4]), которого вообще считают отличным офицером, но говорят, что дела у него велись не совсем правильно и отчетность не в порядке. — Впрочем, все без исключения моряки гордятся особым личным вниманием государя-императора к их ведомству; они говорят, что за последнее время улучшения в морском деле вводились в гигантском масштабе; существовавшее прежде подобие флота, благодаря особой заботливости государя, представляет в настоящий момент внушительную силу.

---

[1]) Слова: «По этому поводу.... назад» отчеркнуты на полях карандашом.

[2]) Эта фраза отчеркнута в подлиннике карандашом. Моллер, А. В. (1764—1848), морской министр.

[3]) Исаков Г. С. (1772—184?), ген.-м., корабельный мастер.

[4]) Грейг А. С. (1775—1845), адмирал, гл. командир Черноморского флота, в 1830 г. председательствовал в комитете улучшений по флоту.

IX. О государственном контроле [1]).

Общественное мнение неблагоприятно этой части государственного управления, и надзор имел не раз случай указывать на имевшиеся в этой области отступления от законного порядка. Любимец начальника [2]) г. Карнеев [3]) ввел туда несколько лиц, которые нажились на питейных сборах, на вине. Утверждают открыто, что в контроле все продажно и что министр финансов является там полным хозяином. Впрочем, общество слишком мало интересуется этой отраслью управления, для того чтобы придавать ей большое значение.

X. О почтовом ведомстве [4]).

В высшей степени важная, благодаря имеющимся в ее распоряжении средствам незримо видеть все, эта отрасль управления приобретает большое значение в руках начальника [5]), пользующегося влиянием и стремящегося побудить своих подчиненных к деятельности. В обществе довольно распространено мнение, что, из профессионального соревнования, начальник почтового ведомства не может питать расположения к надзору и помогать ему. По секрету рассказывают друг другу, что, кроме общеизвестного средства — вскрывать письма в целях осведомления, прибегают к многим другим способам. Под предлогом личных или служебных дел чиновники путешествуют за границей; им предоставляют извлекать выгоды, оказывая услуги купцам, дабы наблюдать при этом за поведением последних. Устроенными в разных частях города конторами для приема писем легко доставляются списки адресов и информации, так что это ведомство всегда лучше

---

[1]) Заголовок и начало первой фразы отчеркнуты на полях карандашом.

[2]) 28 января 1811 г. было учреждено главное управление ревизии государственных счетов, с государственным контролером во главе, разделявшееся на два департамента: 1) ревизии счетов по гражд. части и 2) ревизии счетов по военной части. В 1836 г. это учреждение было переименовано в государственный контроль и разделено на три департамента: 1) гражданских, 2) военных и 3) морских отчетов. Ревизия госуд. контроля носила чисто внешний характер, сводясь к подсчитыванию и сличению цифровых данных генеральных отчетов, представлявшихся министерствами. С 1827 г. до 1854 г. государственным контролером был А. З. Хитрово (1776—1854).

[3]) Корнеев (Карнеев) А. А., вице-дир. департамента разн. податей и сборов; позже директор канцелярии госуд. контроля.

[4]) Заголовок и начало первой фразы отчеркнуты на полях карандашом.

[5]) Голицын А. Н., кн., б. министр дух. дел и нар. просв., главноначальствующий над почтовым департаментом; эта должность давала ему право присутствовать в Комитете Министров.

осведомлено, чем полиция, поскольку идет речь о наведении справок. При таких средствах и том влиянии, каким пользуется его начальник, ничего нет удивительного в том, что ведомство действует уверенно.

XI. О жандармерии.

Институт этот при его учреждении внес вообще смятение в настроение общества [1]), но в настоящий момент, благодаря спокойной и осторожной деятельности жандармерии и довольно удачному выбору людей, общественное мнение по отношению к ней почти единодушно настроено благоприятно. Против нее ополчаются только служащие-взяточники. Общество, может быть, слишком требовательно по отношению к жандармерии, воображая, что последняя может уничтожить все злоупотребления, все несправедливости, тогда как в ее власти только указывать на них. Возможно, что жандармерия могла бы приносить еще бо́льшую пользу, если бы не встречала столько противодействия и недоброжелательства со стороны местных властей [2]). Вот что думают о жандармерии некоторые влиятельные лица. Приводим их буквальный отзыв: «*Жандармерия сделалась народным врачом моральным. К ней каждый прибегает в своем недуге и отчаянии, а если б другие начальства не вредили ей противодействием, то она бы более еще приносила пользы. Против жандармерии — одни злоупотребители и знать. Но злоупотребители должны молчать, а знать не имеет никакого влияния в большой публике*» [3]).

XII. О войске.

Настроение в войске вполне хорошее и почти не оставляет желать ничего лучшего. Иногда — то тут, то там — слышатся жалобы на то, что гвардию слишком заметно отличают; впрочем, армейские офицеры обычно поддаются настроению, господствующему в той местности, в которой они расквартированы. Среди молодых военных сильнее чувствуется потребность в чтении; некоторые из них жалуются, что им вообще уделяется слишком мало внимания.

Обозрев таким образом общественное мнение в его разнообразных проявлениях и изменениях, мы берем на себя смелость утверждать, что, в общем, настроение умов превосходно. Народ и общество вообще искренно привязаны к государю-императору и с каждым днем все более и более ценят его выдающиеся качества, служащие залогом

[1]) Эта фраза отчеркнута на полях карандашом.
[2]) Тоже.
[3]) Тоже.

их процветания; они ждут от него спасительных перемен и благодетельного законодательства, благодаря которым самый могущественный народ станет также и самым счастливым [1]).

Картина общественного мнения в 1830 г.

В делах надзора имеется, конечно, большое количество собранных за 1830 г. заметок о многих отраслях государственного управления и различных фазах общественного мнения, но, в условиях настоящего момента, когда все умы заняты исключительно происходящими в Европе крупными политическими событиями, мы считаем нужным ограничиться лишь очень кратким изложением тех основных настроений, которые волновали общество [2]).

Произведенный в начале года арест трех журналистов [3]) произвел неприятное впечатление. Высшие слои общества у нас чужды национальной литературе, но весь средний класс, молодежь, военные, даже купцы, все принимают близко к сердцу ее преуспеяния, все писатели имеют своих многочисленных сторонников, которые взирают на них, как на оракулов общественного мнения, повторяют их рассуждения и усваивают их мировоззрение. Поэтому кара, которую понесли журналисты, вызвала неблагоприятные опасения. В то же время арест цензора в Москве [4]), как и заключение в тюрьму нескольких

[1]) Эта фраза отчеркнута на полях карандашом.

Далее в папке следует: «Отчет за 1829-й год корпуса жандармов», на котором имеются следующие пометы (карандашом, очень неразборчиво): «Подносимо было государю-императору» и (чернилами): «Государь изволил читать». Отчет представляет собой две страницы с «ведомостями»: 1) «о состоянии разных воинских чинов к 1-му генваря 1830-го года» и «Сколько поступило дел по 1-е генваря 1830-го года». Отчет подписан г.-ад. Бенкендорфом. На следующем (чистом) листе помета: « С п р а в к а. Ведомости, следуемые к сему отчету, находятся в особой папке». Далее следует печатаемая ниже «Картина общественного мнения в 1830 году».

[2]) Следующие три абзаца отчеркнуты на полях резкими (местами двойными) чертами карандашом.

[3]) В первом номере «Славянина», изд. А. Ф. Воейковым, в 1830 г. было напечатано сатирическое стихотворение кн. П. А. Вяземского «Цензор», содержавшее намек на хапжу кн. А. Н. Голицына; за опубликование этого стихотворения Воейков был посажен Бенкендорфом на гауптвахту. 30 января 1830 г. были арестованы на сутки Греч и Булгарин, издатели «Северной пчелы», за напечатание в последней очень грубых статей, направленных против Н. Загоскина, автора только что вышедшего в свет исторического романа «Юрий Милославский», очень понравившегося Николаю I. Булгарин, впрочем, был скоро утешен: в феврале вышел его роман «Дмитрий Самозванец», за который он получил от Николая бриллиантовый перстень.

[4]) В Москве был арестован цензор С. Н. Глинка, разрешивший к печати в первой книжке «Московского вестника» три заметки С. Т. Аксакова, из ко-

нарушителей порядка в театре этой столицы усилили беспокойное настроение умов. Слышались нелепые речи. В Москве возбуждение было более сильно и проявлялось несколько резче. Однако неожиданный приезд государя-императора в эту столицу [1]), его доброта и его милостивое отношение ко всем понесшим наказание привлекли к нему все сердца и сгладили неблагоприятное впечатление. Все было приписано окружающим государя-императора и, в конце концов, забыто. Провинившиеся в Петербурге ждали, что и тут все будет также сглажено, но ожидания их оказались напрасны; они отнесли свое несчастие на счет сильной и покровительствуемой партии, вслед за чем все также было предано забвению.

Общество очень веселилось во время празднеств и всевозможных развлечений на масленице 1830 г.; все круги только этим и занимались, и все устраивалось в честь государя-императора и императрицы. Присутствие августейших гостей на публичных маскарадах в доме Энгельгардта [2]), их любезность и приветливость приводили всех в восторг, убеждая всех в том, что государь не сторонится своего народа. Даже некоторые недовольные были этим поражены и искренне примирились с монархом.

Отъезд государя в Варшаву на открытие сейма [3]) произвел приятное впечатление на средние классы. В Варшаве все были в восторге и надеялись, что император возьмет, наконец, бразды правления в свои руки и устранит ненавистное влияние Новосильцева и его

торых в одной осмеивался какой-то министр, дававший рекомендацию чиновнику. Глинка был в 1830 г. арестован еще раз за стихи в альманахе «Денница», в которых было усмотрено противоправительственное направление.

[1]) Николай приезжал в Москву неожиданно после осмотра новгородских военных поселений и пробыл в ней с 7 по 12 марта 1830 г., посещая учреждения, учебные заведения, войска, принимая представлявшихся ему высших чиновников и дворянство; 8-го ему представлялась депутация московского почетного купечества. 11-го он посетил выставку произведений московской промышленности, экспромтом устроенную по его личному желанию (хлопчатобумажные, шелковые, шерстяные изделия, хрусталь, бронза, стальные изделия и т. д). Осмотрев выставку, Николай сказал: «Стоило приехать в Москву для того только, чтобы видеть это изображение нашей промышленности». (Н. К. Шильдер. Имп. Николай Первый, т. II, стр. 569.)

[2]) Энгельгардт В. В. (1785—1837), полк. в отст., крупный богач, славившийся в Петербурге своими «лукулловскими» обедами и балами-маскарадами.

[3]) Польский сейм в последний раз собирался еще при Александре I в 1825 г. После своего коронования польским королем Николай, подчеркивая свое «рыцарское» отношение к данной им присяге польской конституции, назначил созыв сейма в 1830 г. Сейм был открыт 16 мая тронной речью Николая и заседал месяц, по 16 июня. На обсуждение его были предложены малозначительные законопроекты о постановке памятника Александру I, о продолжении работ по изданию гражданского кодекса, о разводе и др. Законопроект о разводе, которому лично

клики. Надежды эти однако не оправдались. Благодаря великому князю, несколько лиц, бывших на плохом счету у поляков и холодно относившихся к тем, кто осмеливался выказывать свою приверженность к государю, получили награды. Поляки явно проявляли свое разочарование и внушили жителям наших польских провинций убеждение в том, что государь-император имеет против них зуб.

Единственная выгода, которую надзор извлек из этого путешествия, это — приобретение весьма точных данных касательно общего положения этих местностей. В его делах собраны доставлявшиеся ему докладные записки касательно злоупотреблений и отдельных личностей, могущие со временем, в случае реорганизации края, принести большую пользу. Большинство жалоб нашло в них свое отражение, и все, что в этом отношении могло бы быть опубликовано оппозиционной администрацией, уже не могло бы дать чего-либо нового.

Надо заметить, что уже в то время среди самих русских слышались рассуждения в пользу поляков [1]). Мы приводим эти суждения в том виде, в каком они сохранились в наших записях: «*Одно из двух — или исполнять конституцию, или сделать перемену по времени, или вовсе уничтожить, но не должно нарушать ее*».

Многие высказывали удивление по поводу того, что государь не желает отозвать Новосильцева, который, являясь предметом ненависти всей Польши, не менее презираем и в России, — продажность его всем известна. Многие, конечно, понимали деликатность государя и затруднительность его положения, но массы не рассуждают.

Известие о беспорядках в Севастополе [2]) вызвало большое огорчение; официальное сообщение об этом происшествии принесло однако большую пользу, укрепив доверие к правительству. Все восхваляли доказательство откровенности правительства. Но позднее ему ставили в упрек то, что оно не обнародовало также и конца этого дела. Явилось

Николай придавал большое значение, был провален в сейме 92 голосами против 21. Сессия сейма не удовлетворила поляков, стремившихся к обсуждению вопросов о взаимоотношениях их с Россией, о деспотизме в. к. Константина Павловича и др. Тем не менее дело обошлось с внешней стороны благополучно. 21 мая Николай уехал из Варшавы в Петербург. Через полгода, 17 (29) ноября, в Варшаве вспыхнуло восстание, которое Николаю удалось подавить только в сентябре 1831 г.

[1]) Эта фраза отчеркнута на полях карандашом.

[2]) В мае 1830 г. в Севастополе произошли беспорядки среди матросов и жителей Корабельной слободы, недовольных строгими карантинными мерами, предпринятыми для предупреждения занесения чумы из Турции, и протестовавших против намеченного переселения их в другое место. Во время беспорядков были убиты врем. севастопольский военный губернатор ген.-лейт. Н. А. Столыпин, полк. Воробьев и несколько чиновников. Особая следственная комиссия привлекла к ответственности 980 чел.; 7 человек из них были расстреляны.

подозрение, что, может быть, само правительство было косвенно причиной всего. Говорили о голоде и о местных злоупотреблениях, карантинных притеснениях и т. д. Государя однако оправдывали, а обвиняли крупных чиновников, старающихся всегда скрыть как свои собственные ошибки, так и злоупотребления своих подчиненных [1]).

Появление в Астраханской губернии холеры [2]) и быстрота), с которой эпидемия распространялась во внутренних губерниях, преисполнили всех ужасом и вызвали упреки по адресу министров. На них сыпались нападки, и правительство подверкалось осуждению за то, что дело управления поручается людям, которых общество считает неспособными. Говорили о том, что не было принято надлежащих мер для предотвращения бедствия, возмущались злоупотреблениями со стороны чиновников и упрекали правительство за недостаток врачей. По этому поводу фрондирующие поспешили возобновить свой обычный гвалт на тему о медлительности, с которой принимаются необходимые меры.

Известие о появлении холеры в Москве еще более усилило страх и волнение; слышался открытый ропот на правительство. Но государь сразу положил конец всему этому шуму и привлек к себе все сердца, и внимание всех сосредоточилось исключительно на его особе. Поездка государя в Москву были признана всеми, даже самыми закоренелыми фрондирующими, достойным восхищения геройством. Это великодушное самоотвержение монарха — следствие его любви к народу — и принятые полицией, согласно личным распоряжениям императора, санитарные меры способствовали успокоению умов, вселив уверенность, что он один уберег Петербург от заразы [3]).

Посылка графа Закревского в принципе не одобрялась; общество к нему не питало доверия, а партия Голицына старалась поддерживать

---

[1]) Эта фраза отчеркнута на полях карандашом.

[2]) В 1829 г. была занесена из Бухары и Хивы холера в Оренбург, откуда она в 1830 г. проникла на Кавказ и в Астрахань, а оттуда с чрезвычайной быстротой распространилась по Волге, дойдя до Москвы (конец сентября) и охватив почти всю Европ. Россию; после зимнего затишья эпидемия вновь вспыхнула в 1831 г. везде, кроме Сибири, и появилась в Петербурге. Общее число жертв холеры исчислялось до 100 000 чел. Неумелые и грубые действия властей в борьбе с эпидемией вызывали озлобление населения; в ряде местностей произошли так назыв. холерные бунты (особенно крупные в Петербурге на Сенной площади 22 июня 1831 г., в новгородских военных поселениях и др.). Отставка министра внутр. дел Закревского в 1831 г. была результатом его неумения справиться с распространением эпидемии. В связи с появлением холеры в Москве и опасностью возникновения там народных волнений Николай приезжал туда в конце сентября 1830 г. и пробыл до 7 октября.

[3]) Весь этот абзац отчеркнут на полях карандашом.

это предубеждение. Но проявленная министром деятельность оправдала выбор государя и заставила вскоре общество изменить свое мнение в пользу гр. Закревского, о котором громко говорили: «*Вот его дело: исполнение полицейских мер, а не управление министерством, где нужно высокое образование, обширные познания и соображения*».

Холера до сих пор держит всех в состоянии мучительной неизвестности. Боятся, чтобы передвижения войск не способствовали распространению эпидемии дальше по Европе и чтобы крупные политические европейские события не отвлекли внимания государя и не ослабили спасительной энергии, которую он проявил в деле борьбы с бичом заразы.

Каждый раз, как умы приходят в волнение, возобновляются упреки по поводу плохого отправления правосудия, продажности чиновников и деспотизма министров. При этом настроении первый арест Гежелинского очень благотворно подействовал на друзей порядка, желавших, чтобы он был предан суду [1]). Но как только он был выпущен и опять занял свое место, возобновилась усиленная критика: одни кричали, что он был лишен свободы без суда, другие выражали неудовольствие тем, что столь очевидный взяточник был оправдан, в то время как мелкие, в тысячу раз менее виновные, чиновники теряют свои места по одному подозрению. Последний его арест вызвал много толков. Все им очень довольны и желают, чтобы были опубликованы причины ареста, а сам виновный предан суду. Некоторые, впрочем, утверждают, что он опять вернется к своему посту. Они уверяют, что он пользуется слишком сильным покровительством со стороны министров и, особенно, графа Кочубея, что у него слишком много соучастников среди директоров различных департаментов для того, чтобы он опять не всплыл на поверхность.

Путешествие государя-императора в Финляндию [2]) не произвело у нас никакого впечатления, потому что русские совершенно не интересуются этим отдаленным краем, не имеющим никаких сношений с Россией. Но пришедшее почти в то же время известие о революции в Париже [3]) взволновало всех и направило все мысли на политику.

[1]) Эта фраза отчеркнута на полях карандашом.

[2]) Эта фраза отчеркнута на полях карандашом. — Путешествие Николая в Финляндию, совместно с А. Х. Бенкендорфом, продолжалось с 30 июля по 4 августа; были осмотрены войска, укрепления, госпитали, военные суда в Выборге, Фридрихсгаме, Свеаборге и Гельсингфорсе. Начавшаяся революция во Франции заставила царя торопиться с возвращением в Петербург, куда он прибыл в ночь на 5 августа 1830 г.

[3]) Июльская революция в Париже, свергнувшая Карла X, ликвидировавшего конституционную хартию и опиравшегося на землевладельческую аристократию и иезуитов, вызвала крайнее бешенство Николая и, в качестве защитника

Почти всякому грамотному было известно, что Франция в последнее время управлялась мистиками и иезуитами. Чувство ненависти к иезуитам присуще всем русским, и оно постоянно возбуждается историческими воспоминаниями и традициями; за последнее время у нас пробудилось также отвращение к мистикам и всяким сектантам. Вследствие этого большая часть общества встретила известие о падении правительства Карла X с некоторым удовлетворением [1]). В то же время либералы и конституционисты с восторгом увидели перед собой обширное поле для распространения своих пагубных доктрин. Молодежь, оказывающая некоторое влияние на гвардейских офицеров и на безрассудных людей из средних классов, громко торжествовала, пила за здоровье Луи-Филиппа, которого они чествуют под именем *Леонтия Васильевича*, дабы непосвященные не могли их понять; она также напыщенно рассуждала по поводу событий, выражая пожелание, чтобы революция обошла весь мир. Надзор старался следить за всеми этими собраниями и заметить главных говорунов; но, ввиду того, что все ограничивалось простой болтовней, ему не пришлось отметить ни одного сколько-нибудь достойного внимания факта. Главные болтуны принадлежали к высшему обществу. В средних классах, т. е. среди мелкого дворянства и купцов, особенно в провинции, Парижская революция не произвела особого впечатления. Самые смелые речи, которые приходилось отмечать, сводятся к следующему: «*Вот каково угнетать, вот каково не исполнять законов, вот каково слушать мистиков и сектаторов*!» Делали некоторое сопоставление Парижской революции с 14 декабря у нас и говорили: «И у нас Аракчеев [2]) да мистики взбесили народ и заставили молодых людей взбунтоваться» [3]). Но ни среди дворянства, ни среди купцов в провинции не было замечено каких-либо пагубных идей. Там слышатся только время от времени жалобы на администрацию.

легитимизма, он решил, было, прервать сношения с Францией и организовать международное вмешательство в ее дела. Однако он не смог выполнить этого своего намерения и вынужден был признать законным королем возведенного на трон либеральной буржуазией Луи-Филиппа. Испуганное революцией, правительство Николая строжайше воспретило газетам и журналам печатать что-либо о событиях во Франции. Только в «Северной пчеле» появилась перепечатка из «Journal de St.-Pétersbourg» составленной в министерстве иностр. дел и одобренной III отделением подтасованной информации об обстоятельствах перехода королевской власти от Карла X к Луи-Филиппу.

[1]) Далее от слов: «В то же время либералы» до слов: «*Вот каково угнетать...*» на полях резкая черта карандашом.

[2]) Аракчеев А. А., граф (1768—1836), ген.-от-инф., фаворит Александра I.

[3]) Против этой фразы на полях поставлены карандашом знак нотабене и черта.

До сих пор распространение эпидемии, произведенные ею опустошения в Москве и опасность и страх, царившие в Петербурге, поглощали все другое, и все только и говорили, что о холере. При этом принятые правительством для спасения Петербурга мудрые и энергичные меры рассеивали старательно поддерживавшееся либералами недовольство и внушили доверие. Одним словом, холера, несмотря на свои несчастные последствия, благотворно отразилась на общественном мнении, так как она отвлекла умы от политических дел и предоставила государю случай выявить свою любовь к народу и свои заботы об общем благе [1]).

Наконец, революция [2]) в Варшаве пробудила все временно затихшие споры и возбудила самые разнообразные чувства в разных слоях населения. Большинство становилось на сторону русских патриотов, которые жаждут не только пролития крови, но и истребления части польской нации и полнейшего порабощения последней. Принадлежащие к этой партии военные были в восторге от слов, с которыми к ним обратился монарх [3]), но партия либералов защищала поляков под тем условием, чтобы они не смели нападать на нашу границу или просить об отдаче им наших провинций. Некоторые молодые

---

[1]) Эта фраза дважды отчеркнута на полях карандашом, и против нее поставлен знак нотабене.

[2]) Национально-революционное восстание поляков за свою политическую независимость от России и за возвращение Польше оторгнутых от нее при разделах литовских провинций началось вооруженным мятежом в Варшаве в ночь на 17 (29) ноября 1830 г. Едва спасшийся от плена вел. кн. Константин Павлович вынужден был оставить с русскими войсками польскую столицу. Польская аристократия и крупная буржуазия предполагали добиться от Николая желательных им уступок путем переговоров, однако в Варшаве все более усиливалось революционное направление (Мохницкий, Броникowский, Лелевель и др.), которое, надеясь отчасти на помощь революционной Франции, стояло за немедленный и полный разрыв с Россией. 23 ноября было избрано временное правительство под председ. кн. Ад. Чарторижского, назначившее ген. И. Хлопицкого диктатором. Хлопицкий отправил к Николаю депутацию в составе польского министра финансов Любицкого и гр. Езерского, которая должна была требовать у Николая сохранения конституции и присоединения б.б. польских областей к Польше. Депутация не имела успеха в Петербурге. Николай готовился к вооруженному подавлению восстания. 1 декабря ген. Дибич был назначен командующим армией против поляков. 5 декабря было выпущено воззвание к народу и войскам Польши, а 12 декабря — манифест, в которых восставшим обещалось прощение под условием прекращения мятежа и отпуска пленных. В течение декабря происходило сосредоточение русских войск у польской границы, и 13 января ген. Дибич вступил с главными силами в Польшу. В этот же день польский сейм провозгласил Романовых лишенными польского престола.

[3]) Вся эта фраза отчеркнута на полях карандашом. — Автор отчета имеет в виду, вероятно, патристическую сцену, происшедшую 26 ноября в манеже во

дипломаты и несколько учащихся из французов приняли сторону оппозиции исключительно из желания досадить правительству. Мы были очень удивлены, слыша из уст русских речи, достойные самых экзальтированных поляков. Рассуждения эти основывались обычно на нарушении конституции, как было и во Франции. Нам пришлось даже встречать сумасшедших, утверждавших, что Польша в данный момент находится в таком же положении, в каком находилась Россия во времена Владислава [1]), и что памятник Пожарскому и Минину воздвигнут в честь подвигов, подобных тем, которые теперь ставятся в упрек полякам [2]). Следует, впрочем, заметить, что подобные рассуждения диаметрально противоположны чувствам массы, и, будучи развиваемы некоторыми безумцами из высших сфер, они могут произвести впечатление только на неуравновешенные головы каких-нибудь скверных либералов.

В тот момент, когда мы воспроизводим эту картину, настроение общества несколько успокоилось и устоялось, что дает нам возможность отметить три господствующих мнения:

П е р в о е мнение — неумолимых русских патриотов, желающих суворовской резни, уничтожения конституции, разделения королевства на русские провинции и раздачи имений участников восстания и староств генералам и другим русским чиновникам. В т о р о е мнение — умеренных, имеющее многочисленных сторонников, особенно в Петербурге, жители которого более европейцы, чем русские; это мнение высказывается за водворение мира. Эта партия рассуждает так: холера свирепствует в России, армия понесла большие потери во время последних турецких кампаний, наборы представляют большие затруднения, налоги поступают туго, поэтому было бы лучше избежать войны. Наконец, т р е т ь е мнение — мнение либералов, людей, пропитанных политическими принципами на французский манер; эти желают или войны, предполагая, что она вскоре станет европейской и что конституционная Франция одержит победу и возмутит все народы в Европе, или — мира при условии восстановления конституции в Польше, не из любви к этой стране, а из любви к консти-

---

время развода от 3-го бат. Преображенского полка. После развода Николай сообщил офицерам полученное им накануне сообщение о восстании в Варшаве и затем сказал, что, двинув уже войска к Варшаве, он надеется, что «если будет нужно, то пойдете и вы, моя гвардия, пойдете наказать изменников» и т. д. «Верноподданное» офицерство устроило Николаю восторженную овацию.

[1]) Владислав (1595—1648), королевич польский; избранный боярами на русский престол в 1610 г. в эпоху так назыв. «смутного времени», он отказался от претензий на него лишь в 1634 г.

[2]) Эта фраза отчеркнута на полях карандашом.

туции. Это самая скверная партия, потому что она грозит заразить общество.

Согласно правдивым информациям настроение на местах в польских провинциях тревожное, но хорошее.

Все испытывают страх и опасения за будущее. Все с удовольствием и нетерпением ждут возвращения прежней русской администрации, под управлением которой провинции эти были настолько же счастливы, насколько несчастными они оказались потом. Жители там только и говорят, что о губернаторах, как Ланской [1]), Лавинский [2]), Щербинин [3]) и т. д. [4]).

Дав этот краткий обзор развития общественного мнения по вопросам политики, надзор считает долгом упомянуть о крайне важном предмете, а именно распространении у нас либерализма и особенно о все возрастающей склонности к переменам и новшествам.

Среди молодых людей, воспитанных за границей или иностранцами в России, а также воспитанников лицея и пансиона при Московском университете и среди некоторых безбородых лихоимцев и других праздных субъектов, мы встречаем многих пропитанных либеральными идеями, мечтающих о революциях и верящих в возможность конституционного правления в России. Среди этих молодых людей, связанных узами дружбы, родства и общих чувств, образовались три партии, одна в Москве и две в Петербурге. Цель их — распространение либеральных идей; они стремятся овладеть общественным мнением и вступить в связь с военной молодежью. В последнем отношении так называемые политические училища, — как инженерные, артиллерийские и особенно путей сообщения, где офицеры жалуются на то, что с ними обращаются как со школьниками, — способствуют пополнению их рядов, так же как и унтер-офицерская школа, представляющая богатую почву для их эксплоатации. Люди, в этом отношении осведомленные, признают эти училища очень вредными, потому что нет ничего легче, как заронить в подобное учреждение пагубные горящие головни.

Из двух выше упомянутых партий одна в Москве и одна в Петербурге находятся вполне под влиянием нескольких литераторов, стремящихся во что бы то ни стало овладеть общественным мнением. Кумиром этой партии является Пушкин, революционные стихи которого, как «Кинжал» (Занда), «Ода на вольность» и т. д. и т. д., переписываются

---

[1]) Ланской В. С. (1762—1831), гродненский губернатор (1803—1809).

[2]) Лавинский А. С., виленский губернатор (1812—1816).

[3]) Щербинин С. А., правитель Белостокской области в 1811—1816 гг.

[4]) Следующие ниже шесть абзацев отчеркнуты на полях резкой чертой карандашом.

и раздаются направо и налево. Приверженцы этих партий выдают за своего покровителя г. Жуковского [1]), который, по их словам, дружен с г.г. Блудовым [2]) и Дашковым и пользуется особым покровительством е. в. императрицы. Они уверяют, что знатные особы и видные чиновники ищут его поддержки, что он находится в дружеских отношениях со всеми придворными дамами, выбирает среди детей товарищей игр для наследника. Вот почему ищущие мест и протекций молодые люди примыкают к этой партии. Некоторые члены этих партий [3]) присоединились к парижским революционерам.

Третья партия состоит из нескольких безбородых дипломатов и других бездельничающих молодых людей из высшего общества и нескольких гвардейских офицеров. Эта третья партия сочувствует двум первым и имеет среди своих членов лиц с плохой репутацией.

Эти три партии энергично работают, стремясь парализовать намерения правительства и, особенно, распространение монархических идей; они стараются распустить ложные и тревожные слухи, искажают и известным образом окрашивают не только действия, но и характер государя. Они считают, что приобретают влияние на общественное мнение, проповедуя недоверие и страх за будущее и рисуя монарха деспотом, не уважающим ни законы, ни личную неприкосновенность.

Стечение печальных обстоятельств: эпидемия, плохой урожай, застой в торговле, бедность, революция — все эти бедствия создали всеобщее тяжелое настроение, которым пользуются злонамеренные люди и интриганы для того, чтобы посеять сомнения относительно будущего и предсказывать репрессии. Несколько справедливых репрессий, имевших место в последнее время в литературном мире, яростно подчеркиваются. Государь обращает на это слишком много внимания,— говорят умеренные, — между тем как либералы очень этому рады и дают чувствовать, что это они в своих целях вызывают, при содей-

---

[1]) Жуковский В. А. (1783—1852), поэт, воспитатель наследника престола, вел. кн. Александра Николаевича; был с Бенкендорфом в неприязненных отношениях.

[2]) Блудов Д. Н. (1785—1864), личный друг Карамзина, Жуковского и др. писателей; видный член «Арзамаса»; в 1826 г. был назначен тов. министра нар. просвещения; в 1830 г. несколько месяцев (в отсутствие Дашкова) управлял мин. юстиции; впоследствии председатель Госуд. Совета и Комитета Министров.

[3]) Как Кологривов, Полторацкий и др. (Примечание в подлиннике). — Кологривов, М. А. (1813—1851), сын ген.-ст-кав. А. С. Кологривова; в 1830 г. был отправлен своим опекуном Д. Н. Бегичевым с воспитателем в Париж, где принял участие в июльской революции; в том же году поступил в отряд ген. Мины, поднявшего вооруженное восстание в Испании («священный легион»). Он был заочно предан суду. Дело о нем тянулось до 1832 г., когда он получил прощение. — Полторацкий, вер., Сергей Дм. (1803—1884), библиофил, писатель.

ствии самого великого князя Михаила [1]) все эти неприятности, стремясь завлечь в оппозицию всех литераторов.

С другой стороны, обманутые в своих происках и снедаемые самолюбием интриганы стараются посеять в умах беспокойство, утверждая, что жандармерия является единственной причиной всех зол [2]). Интриганы эти составляют многочисленную партию, распространяющую тревожные слухи и фабрикующую ложные доносы. У них есть несколько сильных покровителей, и они с невероятным рвением стараются вредить всему, что имеет отношение к надзору. Убежденное в противном, общество совершенно не верит этим инсинуациям, но все же испытывает некоторое беспокойство, и есть благонамеренные люди, которые, во избежание оскорблений со стороны интриганов, покинули жандармерию и боятся оказывать ей услуги [3]).

Партия мистиков усиленно старалась воздействовать на легковерных. Знаменитая речь митрополита Филарета [4]) по поводу появления холеры в Москве возмутила всех, а сектанты ей втайне радовались. Некоторые из них даже старались завлечь в свои сети литераторов, используя покровительство в качестве приманки. У этой партии много приверженцев в городах среди дворянства, чиновников и монахов, почему они и поддерживают сношения с некоторыми раскольничьими сектами. Весьма возможно, что найденные во многих местах империи афиши и плакаты с призывами к восстанию исходят из этого источника. Главной доктриной большинства сект в той или другой форме было всегда равенство согласно евангельскому слову. Это было доказано при раскрытии тайн секты мартинистов или Новикова [5]), имеющей еще приверженцев как в Москве, так и в Петербурге.

Следует прибавить, что донесения из провинции очень утешительны. Настроение там благоприятно правительству и, особенно, государю и вообще превосходно [6]). Происходившие в некоторых местах частичные беспорядки по поводу санитарных мер почти всегда были вызваны пороками администрации, а еще чаще недобросовестностью

---

[1]) Михаил Павлович, вел. князь (1798—1848), младший брат Николая I.

[2]) Конец этой фразы отчеркнут на полях карандашом.

[3]) Весь следующий абзац отчеркнут на полях карандашом.

[4]) Филарет (Дроздов) (1783—1867), митрополит московский.

[5]) Новиков, Н. И. (1744—1818), виднейший деятель русского франкмасонства, основатель «Дружеского Ученого Общества», из которого выделилась в 1784 г. «Типографическая компания», издавшая множество книг частью общеобразовательного, частью мистического характера. См. записку Ф. Булгарина «Нечто о Царскосельском лицее и о духе оного» — «Былое», 1918 г., № 1, стр. 17.

[6]) Слова: «Следует прибавить.... превосходно» отчеркнуты на полях карандашом.

местных властей. Таким образом, только обе столицы требуют столь же деятельного, сколь и длительного надзора.

Коснувшись действующих против правительства партий и отдельных лиц, надзор считает своим долгом указать также на материалы, которыми пользуются злонамеренные люди, чтобы колебать устойчивость настроения и возбуждать недоверие.

Масса недовольных слагается из следующих элементов:

1. Из так называемых русских патриотов, воображающих в своем заблуждении, что всякая форма правления может найти применение в России; они утверждают, что императорская фамилия немецкого происхождения, и мечтают о бессмысленных реформах в русском духе.

2. Из взяточников и лихоимцев, которые боятся суровых мер, направленных против их злоупотреблений.

3. Из гражданских чиновников, жалующихся на то, что их держат в черном теле, отдавая предпочтение военным и затрудняя им даже получение отличий.

4. Из литераторов и части читающей публики. Литераторы, как было уже сказано, испытывают некоторый страх перед преследованиями, а читатели жалуются на то, что мысли их подвергаются стеснению.

5. Из гвардейских офицеров, которые выражают определенное недовольство тем, что с ними, так же как и с войсками, дурно обращаются.

6. Из некоторых армейских офицеров, завидующих гвардейцам.

7. Из помещиков, которые жалуются на недостаток правосудия и недостаточное стремление изменить ход дел.

8. Из крупных коммерсантов, разделяющих мнение последних.

9. Из раскольников.

10. Из всего крепостного сословия, которое считает себя угнетенным и жаждет изменения своего положения [1]).

Но, несмотря на все это, государь-император пользуется всеобщей любовью: любят лично его, несмотря на все неудовольствия, ценят его личные качества и приписывают зло другим. При всяком новом проявлении великодушия или самоотвержения со стороны монарха все инсинуации фрондирующих стушевываются.

Надзор старался ознакомиться с мнениями многих умных и порядочных людей. Все высказывают следующее.

Никогда монарх не обладал столькими средствами привязать к себе нацию. Твердый, смелый, честный, искренний, великодушный,

---

[1]) Дальнейший текст отчеркнут на полях карандашом.

он создан для того, чтобы быть любимым, обожаемым. Преследование порока и злостности, награждение добрых, презрение к интриганам, большая строгость в соединении с кротостью, но никаких резких мер, особенно никаких придирок, которых боятся больше, чем самой тирании.

Вот что слышит надзор со всех сторон и что долг его повелевает ему повергнуть к стопам государя [1]).

Отчет о действиях корпуса жандармов за 1830 год [2]).

В течение 1830 года круг действия корпуса жандармов увеличен был значительно. Кроме прямых обязанностей г.г. генералов, штаб- и обер-офицеров жандармских, возложенных на них общим постановлением высочайше утвержденных в их руководство инструкций, кроме многочисленных поручений, обыкновенных и чрезвычайных, по части наблюдательной и следственной, высшей блюстительной полиции, они имели важные поручения и оказали существенные услуги по двум главным предметам, требующим всевозможное попечение, величайшую бдительность и осмотрительность со стороны правительства.

Сии два предмета суть: холера морбус и дух мятежа, который, пронесшись по всей Европе, раздирает ныне блаженствовавшую под благотворным скипетром вашего императорского величества Польшу и старается посевать плевелы безначалия между мирными своими соседями.

---

[1]) Далее следует «Отчет за 1830-й год корпуса жандармов». На титульном листе отчета Николаем поставлен карандашом знак рассмотрения и имеется, за подписью Дубельта, помета: «Государь изволил читать. 5 янв. 1831». Отчет представляет собой: 1) «Ведомость о состоянии разных воинских чинов к 1-му генваря 1831 года», 2) «Ведомость, сколько поступило дел по 1-е генваря 1831-го года» и 3) «Записку о действиях жандармских нижних чинов в течение 1830 года», содержащую сведения о поимке бродяг, военных дезертиров, воров, фальшивомонетчиков, о спасении утопавших и помощи по прекращению пожаров. Как «Ведомости», так и «Записка» подписаны Бенкендорфом. На «Записке» — знак рассмотрения, поставленный Николаем, и помета чернилами, за подписью Дубельта: «Государь изволил читать. 5 янв. 1831». Далее следует отчет, текст которого печатается нами ниже.

[2]) В подлиннике отчет (на русском языке) не имеет заголовка. На нем резолюция Николая карандашом следующего содержания: «Приношу мою искреннюю благодарность г.-а. Бенкендорфу за постоянные и неутомимые труды его по вверенной ему части и за то усердие, которым одушевил своих подчиненных. Предоставляю ему объявить мое удовольствие заслуживающим». Текст резолюции воспроизведен на том же листе чернилами с припиской: «С. П. Бург. 5 генваря 1831 года. Верно. Полковник Дубельт». Отчет написан каллиграфическим канцелярским почерком. Подписан г.-ад. Бенкендорфом и имеет дату: «31-го декабря 1830».

Таковые старания злонамеренных людей, коснеющих в превратном толковании священнейших прав человечества, требуют тем более бдительной осмотрительности, что на стогнах, опустошенных смертоносною болезнию, лишенных карантинными мерами всякого сообщения и промысла, легко могут приняться семена злонравия.

Посему поставлено в первую обязанность всем генералам, штаб- и обер-офицерам корпуса жандармов неусыпное наблюдение за действиями свирепствующих ныне зараз: животной и нравственной — одинаковых в своих следствиях и, в отношении к наблюдательной власти, тесно между собою сопряженных.

О физических действиях холеры морбус, о влиянии ее на гражданское состояние жителей, на торговлю и промышленность, о предохранительных и карантинных мерах, о некоторых злоупотреблениях по сей части, равно как о бесчисленных примерах самоотвержения и пожертвования собственностью, явленных верноподданными вашего императорского величества, все г.г. жандармские офицеры, кои находились в местах, где господствовала холера, и действовали с похвальным усердием, представили донесения подробные и удовлетворительные.

Особенную же благодарность по сему предмету заслуживает полковник Перфильев, который, как известно вашему императорскому величеству, отправлял должность начальника II округа во время отсутствия генерал-лейтенанта Волкова и даже по возвращении его оставался при нем в Москве для содействия во всех распоряжениях против ужасной сей напасти.

Полковник Огарев, начальник С.-Петербургского отделения, был посылан для осмотра всей карантинной линии и застав, устроенных для охранения сей столицы, и исполнил сие поручение весьма успешно, открыв некоторые беспорядки и упущения по сей части и представив весьма уважительные сведения и замечания.

По сей же части оказали отличные услуги полковник Языков, имевший, сверх того, команду над войсками в Нижнем-Новгороде, и подполковник Рутковский, употребленный киевским военным губернатором.

Полковник Маслов, назначенный в сем году управляющим V округа, не только оправдал мои ожидания, кои побудили меня просить всеподданнейше об утверждении его в сей важной должности, но еще превзошел оные. Большая часть отличных заслуг сего штаб-офицера известны вашему императорскому величеству. Ныне занят он следствием по делу о подкинутых в Муромском уезде Владимирской губернии возмутительных листках; сверх сего производятся во вверенном ему округе два важные следствия: по управлению удельными имениями

в Оренбургской губернии, возложенное на майора Базина, назначенного ныне в должность киевского полициймейстера, и по секретному сношению с г. министром финансов о смерти соляного пристава Гилля.

Невзирая на все сии занятия, полковник Маслов, движимый неутомимою ревностью, представляет множество сведений, столь же важных, как основательных, по всем частям управления в губерниях, составляющих его округ.

По случаю мятежных переворотов в Польше учрежден новый особый округ жандармский в приобретенных от Польши губерниях, под начальством генерал-майора Лесовского, предварительные донесения коего имел я счастие представлять всеподданнейше вашему императорскому величеству. Начальниками отделений подчиняются ему штаб-офицеры, кои имеют местные о тех губерниях сведения и кои уже заслужили особенное внимание начальства. Для состояния же при главнокомандующем действующею армиею графе Дибиче-Забалканском назначен мною отличный полковник Жемчужников, коего действия получили новое оправдание следствием, произведенным в Орле по высочайшему повелению флигель-адъютантом вашего императорского величества, полковником графом Строгоновым.

К г. генерал-фельдмаршалу графу Паскевичу-Эриванскому командирован подполковник Келчевский для учреждения там секретной полиции. Сей штаб-офицер представил мне донесение об успешном своем действовании к общей цели.

В сем же году воспоследовала высочайшая вашего императорского величества воля, чтобы с сенаторами, посылаемыми для ревизии губерний, командируемы были также штаб-офицеры жандармские, и сия новая обязанность корпуса жандармов принесла уже существенную пользу.

При г. сенаторе графе Гурьеве, производившем следствие в Архангельске по делу бывшего генерал-губернатора Миницкого, находился полковник Дубельт, исправляющий ныне должность дежурного штаб-офицера корпуса жандармов.

С г.г. сенаторами Салтыковым и Огаревым находился при ревизии Рязанской губернии полковник Вульферт. При сенаторах Мертенсе и Корнилове, ревизующих Вологодскую губернию, находится подполковник Кокушкин, а при сенаторе Лаврове в Астраханской губернии находится подполковник Микулин.

Все сии г.г. сенаторы, свидетельствуя о столь же ревностном, как полезном содействии им помянутых штаб-офицеров, неоднократно благодарили меня за прикомандирование их.

Генерал-адъютант Бенкендорф.

31-го декабря 1830 г.

Соед. Штаты в эпоху гражданской войны и Россия.

В сентябре 1863 г., когда над Северо-Американским Союзом, потрясенным в глубочайших основах своих гражданской войной, нависла опасность превращения неофициальной иностранной поддержки сепаратистских стремлений в открытую интервенцию со стороны Англии и Франции, в целях разрушения государственного единства Соединенных Штатов, — произошло событие, до сих пор приковывающее к себе внимание не только историков, но и широкой публики со всею силою одного из самых ярких и, в то же время, наименее выясненных эпизодов в истории международной политики.

11 сентября русская эскадра, под командой контр-адмирала Попова, и 24 сентября другая, под командой контр-адмирала Лесовского, появились — первая в Сан-Франциско, вторая — в Нью-Йорке, — «будто бы с запечатанной инструкцией» — «оказать помощь Союзу, если Великобритания и Франция предпримут против него враждебные действия... Содержание и даже существование «запечатанных инструкций» остается сомнительным. Но в Соединенных Штатах эти посещения были приняты с радостью и благодарностью, как явное указание на то, что, по крайней мере, одна европейская держава и — именно дружественная с давних пор, готова была помогать Союзу» [1]).

Теперь представляется возможным осветить этот полулегендарный эпизод при помощи частью малоизвестных, частью неопубликованных до сих пор документов русских архивов министерства иностранных дел и морского министерства. Но необходимо предварительно охарактеризовать то международно-политическое положение, из которого выросли как эти события, так и относящиеся к ним архивно-исторические памятники.

Положение это, прежде всего, определяется господствующей позицией, занятой в начале XIX в. в мировой политике Англией, и чрезвычайно энергичной деятельностью английской дипломатии в смысле дальнейшего ослабления всех своих соперников во всех частях земного шара. После разгрома революционной Франции Наполеона I наступила очередь России. Крымская война положила конец кошмару русского преобладания на ближнем Востоке. Поспешное сближение Франции с Россией сорвало однако осуществление английской программы в том объеме, в каком ее формулировал Пальмерстон, начиная коалиционную войну против России:

«Для меня идеальная цель начинающейся войны с Россией заключается в следующем: Аландские острова и Финляндия возвращаются Швеции; немецкие бал-

[1]) Fr. L. Schumann, American Policy towards Russia since 1917, p. 19—20.

тийские провинции России передаются Пруссии; ядро Польского королевства восстанавливается, как барьер между Германией и Россией; Валахия и Молдавия с устьями Дуная отдаются Австрии; Ломбардия и Венеция освобождаются от австрийского владычества и либо превращаются в независимые государства, либо присоединяются к Пьемонту; Крым, Черкесия и Грузия отрываются от России — Крым и Грузия передаются Турции, а Черкесия либо становится независимой, либо подчиняется сюзеренитету султана» [1]).

Начавшееся во время Парижского конгресса франко-русское сближение увенчалось в 1859 г. политическим соглашением о взаимопомощи в достижении пересмотра договоров 1815 и 1856 гг., и еще в августе 1862 г. вице-канцлер кн. Горчаков мог говорить в инструктивных обзорах текущей политики о «notre entente avec la France» и даже о существующем между Россией и Францией «alliance».

Ближайшей задачей английской дипломатии было разорвать эту связь между Францией и Россией. Польские дела дали ей верное средство достижения этой цели. 1860 и 1861 гг. прошли в русской Польше бурно. Весною 1861 г. русские чиновники принуждены были бежать с мест своей службы. В мае этого года начались серьезные репрессии: в октябре в Варшаве объявлено было осадное положение. В апреле — мае 1862 г. наступило на несколько месяцев смягчение кризиса в связи с опытом либерального, примирительного управления вел. кн. Константина, а 22 января 1863 г. вспыхнуло восстание в Варшаве. Через 2 дня вся Польша объявлена была на осадном положении. В два месяца восстание охватило всю страну, и поднятый Лондоном вопрос о дипломатическом вмешательстве не мог не быть разрешен в положительном смысле в Париже, где Польша и раньше и позже считалась естественной и надежнейшей опорой французской политики против Пруссии и России. Франция не могла отречься от поляков, уйти из Польши, уступить влияние в ней другим. В середине апреля 1863 г. состоялось это коллективное дипломатическое выступление. Первая задача английской дипломатии была, следовательно, полностью разрешена. Разрыв между Парижем и Петербургом стал фактом. Россия, в свою очередь, и совершенно так же, как в том же году Соединенные Штаты, очутилась перед угрозой осложнения в ближайшем будущем восстания вооруженной интервенцией Англии и Франции, а пока — перед фактической поддержкой повстанческого движения всем моральным и материальным весом английской и французской дипломатии.

Попытка вместе с тем разорвать связь также между Россией и Соединенными Штатами была сделана: Соединенные Штаты тоже были приглашены принять участие в совместном выступлении западных держав по польскому вопросу. Но вашингтонский кабинет решительно отклонил англо-французское предложение [2]), так же, как перед

[1]) Phil. Guedalla, Palmerston, p. 360—361. Письмо Пальмерстона к John Russell'ю.

[2]) Сюард — Дэйтону, 29 апреля 1863 г. Эта депеша была сообщена русскому двору, и ответом на нее послужило заявление Горчакова Клею 22 мая: «Федеральное правительство подало пример прямодушия и лойяльности, от которого может только возрасти уважение, питаемое императором к американскому народу». Татищев, «Имп. Александр II», том I, стр. 449.

этим русское правительство отклонило предложение принять участие в подобном же дипломатическом вмешательстве в конфликт Юга с Севером в Соединенных Штатах.

Действительно, английская дипломатия ставила Соединенные Штаты в одинаковое положение с Россией. Весною 1860 г. английские консулы писали из южных штатов о расчетах южан на поддержку Англии в начинавшемся еще только обострении отношений с северянами в связи с президентскими выборами. С другой стороны, W. H. Seward находил необходимым тогда же в публичных выступлениях предостерегать южан против иностранной провокации, а британское правительство — против вмешательства во внутренние американские дела. С начала 1861 г. английский посланник, лорд Ляйонс, вместе с французским, Мерсье, энергично пропагандировали на севере принятие медиации Англии, Франции и России (как бесспорно бескорыстной стороны, участие которой в этом деле, по убеждению Пальмерстона, только и могло бы склонить северян к этому исходу). Английское правительство считало — так же, как и Ляйонс, что принятие северянами этого предложения обеспечило бы окончательное отделение Юга от Севера. Таково же было однако мнение и вашингтонского правительства. Сюард разоблачал эту англо-французскую интригу, как замаскированную интервенцию, вследствие чего Ляйонс и писал о нем в Лондон, как о самом вредном и опасном человеке в составе федерального правительства, и Пальмерстон, разъяренный разоблачениями своей игры, писал Росселю, что «совсем не невероятно, что по своему дурацкому и близорукому высокомерию и самодовольству или же из политического расчета г. Сюард доведет дело до конфликта с нами» [1]). В Лондоне подготовлялась почва для концентрации военных сил в тылу северян пущенными в ход сообщениями об опасности, будто бы угрожающей со стороны северян Канаде. В действительности, дело было в том, что английское правительство опасалось упустить счастливую возможность осуществить свою программу в отношении Сев. Америки. Программу эту, — с тою же ясностью, как и русскую, — Пальмерстон определил в письме к Росселю: «В высшей степени вероятно, что Север окажется не в состоянии подчинить себе Юг; нет никакого сомнения в том, что если Союз Южных Штатов сделается независимым государством, он представит ценный и обширный рынок для британских мануфактуристов» [2]). Он ожидал лишь первых решительных успехов южан, чтобы признать «Южный Союз». И когда вашингтонский кабинет (28 февраля) попытался получить от лондонского опровержение надежд южан на признание Англией их правительства, Россель дважды заявил Далласу (посланнику Соединенных Штатов в Лондоне), что английское правительство не может «выдать вечное обязательство в отношении своих действий при неизвестных будущих обстоятельствах». Ответ этот был опубликован в Вашингтоне и был, естественно, принят общественным мнением, как открыто враждебный шаг со стороны Британии.

Идентичность английской политики в отношении Соединенных Штатов и России сказалась и в той противоречивости ее, которая проистекала из опасений, возбуждавшихся в

---

[1]) Palmerston, 427.
[2]) Ibid., 428.

Лондоне собственным союзником, Наполеоном III. В Лондоне хотели при помощи Франции разъединить Россию и Соединенные Штаты, но не хотели предоставить Франции приобрести значительные выгоды от этого, при английской поддержке. Ввиду союзных отношений между Россией и Пруссией на почве польских дел (соглашение 8 февраля 1863 г.), военный конфликт с Россией повлек бы за собою (даже и без участия Австрии) столкновение между Францией и Пруссией. Участие Англии в такой войне на стороне Франции (даже и при участии Австрии на стороне Англии и Франции) считалось королевой Викторией и ее министрами величайшей катастрофой с точки зрения английских интересов. Пальмерстон был совершенно уверен, что «при нынешнем состоянии прусской армии... первое серьезное столкновение между нею и французской армией будет не менее гибельным для Пруссии, чем сражение при Иене».

Вот почему английская дипломатия, возбуждая поляков к отчаянной борьбе, лишала их, в то же время, действительной — не только своей, но и французской помощи. И поэтому Горчаков мог на обращение (от 2 марта 1863 г.) Росселя, с требованием для поляков конституции и амнистии дать твердый, уверенно-решительный ответ, а имп. Александр II 14 марта услышал от британского посла (лорда Нэпир) довольно неожиданно, что протестантская Великобритания, в сущности, не может стремиться к независимости католической и франкофильской Польши и что религиозные и материальные интересы Англии — каковы бы ни были полонофильские демонстрации для избирателей вигов, в том числе и Росселя,— соединяют ее в польском вопросе не столько с поляками, сколько с русским царем и прусским королем. Таким образом, Лондон, сообща с Парижем и Веной, готовил второе коллективное выступление в Петербурге на тему о польской конституции, амнистии и т. д., состоявшееся 17 апреля, и к этому же времени успел подготовить Петербург к еще более твердому, еще более уверенно-решительному ответу. В интересах ухудшения отношений между Францией и Россией трудно было бы избрать более верный путь.

Нечего и говорить, что английские союзники Наполеона III были озабочены его мексиканскими проектами не в меньшей степени, чем перспективой французских побед в Европе и пересмотра договоров 1815 г. Как бы соблазнительно ни было добиться распада Соединенных Штатов, но выгоды от этого вряд ли вознаградили бы усилия англичан, в случае полного осуществления французских вожделений в Мексике.

13 мая Нэпир писал в Лондон: «Восстание распространяется в надежде на иностранную интервенцию. Если английское правительство не предполагает воевать, пусть оно так и скажет и этим остановит потери людьми и бедствия, связанные с мятежом, который без поддержки [иностранной — *Е. А.*] не может быть успешным».

Ляйонс мог бы написать то же самое, слово в слово, если бы был менее создан для той роли, которая на него была возложена, и если бы кровопролитие и страдания в Сев. Америке внушали в Лондоне не более надежд и не менее опасений, чем кровопролитие и страдания в восточной Европе. 27 июня состоялось последнее тройственное выступление в Петербурге, единственным результатом которого оказалось заявление России, что она согласна сговариваться по польскому вопросу лишь с соседствующими державами, Пруссией и Австрией. Переговоры вяло тянулись еще в продолжение нескольких

месяцев. К концу октября 1863 г. военная опасность в Европе фактически миновала. Для ликвидации ее не могло быть более верного средства, чем предложение Наполеона разрешить спор при помощи европейской конференции, на которой польский вопрос обсуждался бы в связи со всеми европейскими делами, т. е. с договорами 1815 г. Горчаков с величайшей готовностью отозвался на это предложение, предвкушая пересмотр Парижского трактата 1856 г. С неменьшей горячностью английское правительство восстало против такого оборота дела. Таким образом решилась судьба поляков, и европейский мир был обеспечен.

Еще в тяжелое время Крымской войны, т. е. во время полной изоляции России, правительство и общественное мнение Соединенных Штатов занимали самую дружественную позицию в отношении России. Так, о готовившемся нападении англо-французского флота на дальне-восточное русское побережье местные русские власти были своевременно предупреждены американским консулом в Гонолулу. Это дало возможность принять в Петропавловске меры, в результате которых небольшие русские силы успешно отбили нападение союзного флота, сбросив в море высаженный им десант. Эта русская победа вызвала в Соединенных Штатах всеобщее ликование.

События 1860—1861 гг. еще более укрепили дружественную связь между С.-Американской республикой и Российской империей. 9 января 1862 г. Горчаков поручил посланнику в Вашингтоне, барону Стёклю, выразить самые дружеские чувства русского императора американской нации, которая приобрела неоспоримое право «на уважение и благодарность всех правительств, заинтересованных в поддержании мира на морях и в преобладании принципов права над силою в международных отнсшениях».

Сюард ответил 18 февраля 1862 г., по поручению президента, письмом на имя Стёкля, выражавшим такие же чувства вашингтонского правительства к «старинному беспристрастному и неизменному другу» и уверенность, что и в будущем «отношения, основанные на взаимном доверии и дружбе между республиканской властью на Западе и великой, деятельной и человеколюбивой монархией на Востоке, создадут новые солидные гарантии мира, порядка и свободы для всех народов».

Русский царь, а тем более его дипломатические советники, должны были разрешить очень трудную для них задачу — оправдать в глазах собственных и в глазах всех поборников абсолютизма в России дружескую политику в отношении республиканцев, т. е отчаяннейших, ужаснейших, с официальной русской точки зрения, революционеров. Ибо демократ-республиканец для тогдашней правящей России был чем-то неизмеримо более опасным и отвратительным, чем даже современные «экстремисты» для демократических правительств наших дней. Тем не менее, царская дипломатия сумела преодолеть это противоречие, проведя полное разграничение между сев.-американской нацией, ее международно-политическим значением и положением, с одной стороны, и внутренним политическим строем ее, республиканским — в данный момент — правительством, с другой. Одним из наибольших успехов Стёкля в Петербурге была его депеша, которая постулировала это разграничение и, подавая надежды на падение в близком будущем республиканских учреждений в Сев.-Америке, обосновывала в то же время

возможность и необходимость дружбы царского правительства с правительством республиканским.

Обозревая историческое прошлое Соединенных Штатов, Стёкль в депеше этой (от 24 (12) февраля 1862 г., за № 10) сравнивает быстрый экономический рост их с упадком республиканских политических учреждений. В распаде Союза, в войне между Севером и Югом, он видит прямое доказательство банкротства этих учреждений. Экономический прогресс, по его мнению, совершался не благодаря республиканскому строю, а вопреки ему, несмотря на его существование. Единственные плоды его, — говорит русский дипломат, адресуясь непосредственно к Горчакову, а косвенно к самому царю, — это — демагогия, продажность, партийные интриги и борьба между собою честолюбивых политиканов. То, что спор между Севером и Югом не разрешился быстро и легко полюбовным соглашением, объясняется — если верить Стёклю — всецело демагогией республиканских честолюбцев и агитаторов в обоих лагерях.

«Опыт последних лет нам показал, — пишет далее русский дипломат,— как легко манипулировать всеобщим голосованием во всех странах и во всех направлениях. В Соединенных Штатах это учреждение ловко эксплоатировалось толпою политиканов самого низкого разбора, которые средствами коррупции и потаканием страстям черни добились абсолютной свободы распоряжения выборами. Таким путем пришли к власти люди, которые управляют теперь страной. Конечно, среди них есть люди честные, на первое место я должен поставить президента Линкольна, но их слишком мало, и они слишком слабы, чтобы противостоять авторитету всемогущих демагогов. События показали, на что способны эти люди. Исследуя причины, вызвавшие революцию [т. е. междоусобную войну. — *Е. А.*], нельзя не удивиться их ничтожеству.

Дело вовсе не идет об отмене рабства: по существу, вопрос был в том, чтобы установить, допустимо или недопустимо рабство на необитаемой почти территории Новой Мексики. Ничего не было легче, как притти к соглашению, но любители крайних мер, составлявшие подавляющее большинство конгресса, обязаны были своим политическим положением агитации, и только посредством агитации они могли удержать его за собою. Компромисс низверг бы их, потому они сделали все, чтобы не допустить его, и война разразилась».

За этим следует обвинение федерального правительства в неумелом, бесплодном израсходовании огромных ресурсов (600 тысяч солдат, 500—600 миллионов долларов) и выражается сомнение в том, что, при сохранении республиканского строя, Северу удастся, после подавления восстания, удержать Юг в повиновении.

«Демократический союзный парламент в 9—10 месяцев довел финансы страны до такого плачевного состояния, — заявляет дипломатический агент страны, едва выходившей из состояния полного финансового краха, чтобы очень скоро (в конце 70-х гг.) вновь вернуться в это состояние, — какое неизвестно ни одной из европейских стран, государственные долги которых накоплялись в течение не месяцев, а столетий».

«Революционеры и демагоги старого континента,— читаем далее,— всегда находили в американской демократии моральную поддержку и часто материальную помощь. С крушением демократической системы в Соединенных Штатах они теряют ныне одну из главных своих опор. В этом отношении американская революция [так называет автор разрыв между Севером и Югом.—*Е. А.*] будет, надо надеяться, спасительным уроком для европейских анархистов и фантазеров [пометка Александра II: «Я хотел бы

этого, но сомневаюсь, чтобы это было так»] — однако, с другой стороны, дезорганизация Соединенных Штатов как державы, с нашей точки зрения, — прискорбное событие. Американская конфедерация была противовесом английскому могуществу, и в этом смысле существование ее являлось элементом мирового равновесия. Во всяком случае, американская нация слишком жизнеспособна, чтобы быть уничтоженной революционной бурей. Что погибло, так это — ультра-радикальная система».

На этот доклад Горчаков ответил 24 февраля (ст. ст.) 1862 г. живейшей благодарностью и полным одобрением опытности, осведомленности и проницательности Стёкля. Горчаков при этом выражал надежду, что, несмотря на все трудности, федеральное правительство выйдет из борьбы победителем, и напоминал, что официально русское правительство не знает никакого деления Союза на два лагеря, признает единый Союз, «который с сожалением мы видим ослабевшим, раскол которого вызвал бы у нас глубокое прискорбие. Мы советуем умеренность и примирение, но мы не признаем другого правительства в Соединенных Штатах, кроме вашингтонского».

Получив это письмо, Стёкль попросил Сюарда сообщить ему для передачи Горчакову правительственную оценку положения. Сюард в ответ вручил ему в копии извлечение из своей инструкции посланнику Соединенных Штатов в Париже, Дэйтону. Последнему аналогичный запрос, но, конечно, в ином тоне и смысле, предъявлен был императором Наполеоном, который, указав на ущерб, причиняемый французской промышленности прекращением экспорта хлопка из южных штатов, спросил: «1) скоро ли надеется федеральное правительство получить возможность снять блокаду и 2) после открытия портов будут ли посылать в них свой хлопок южные плантаторы».

Ответная вашингтонская инструкция характеризовала подавляющее превосходство федеральных вооруженных сил на всех театрах военных действий, доказывала, что опасения, выраженные Наполеоном относительно будущего, лишены основания и с присущей Сюарду энергией отмечала, что упорство южан «в сопротивлении правительству своей страны зависит от безосновательной веры их в иностранное вмешательство» и что «до тех пор, пока иностранная держава будет считать их воюющей стороной, они не перестанут надеяться на это вмешательство». Пересылая этот документ Горчакову (25 марта (6 апреля) 1862 г.), Стёкль комментировал его в смысле полного признания со своей стороны военного превосходства и неизбежного успеха северян, но в то же время сомневался в том, что крайнее ожесточение южан позволит, после победы над ними, легко и быстро вернуться к нормальному течению государственной жизни. При этом он жаловался на то, что политическая обстановка и полный разрыв сообщений с Югом держат его в «полной неизвестности относительно того, что там происходит», и вынуждают его пользоваться более чем сомнительными английскими и французскими источниками информации.

В октябре 1862 г. представителю Соединенных Штатов Бэйярд-Тэйлору поручено было Сюардом передать Горчакову для вручения царю собственноручное письмо президента. Передача эта ознаменовалась интересной беседой посланника с Горчаковым. Переписка вашингтонского правительства с его дипломатическими агентами в Петербурге, включая и октябрьские переговоры, была опубликована, по распоряжению

конгресса, в ноябре — декабре 1862 г., а потому мы отметим здесь лишь вкратце важнейшие моменты упомянутой беседы.

«Ваше положение становится все хуже и хуже, — говорил Горчаков Тэйлору, — виды на сохранение союза — все более ухудшаются... Не можете ли вы найти почву для примирения раньше, чем силы ваши истощатся настолько, что вы потеряете на многие годы ваше положение в мире?» [1])

«Опасно не только это, — продолжал Горчаков, — но и то, что ненависть, владеющая обеими сторонами, все более и более усугубляет пропасть между ними. Надежда на их воссоединение все слабеет. Пусть ваше правительство знает, что раскол Союза, которого я опасаюсь, рассматривается Россией, как одна из величайших возможных катастроф». «Россия одна помогала вам с самого начала и будет помогать вам дальше. Мы очень и очень [подчеркнуто здесь и далее в подлиннике] хотим, чтобы были приняты какие-либо меры, чтобы найден был какой-либо путь к предотвращению раскола, который пока кажется неминуемым. За первым расколом последует второй; вы распадетесь на мелкие обломки».

Тэйлор ответил, что его правительство не может принять условий, на которых мятежники согласны вступить в переговоры. В ответ на это Горчаков воскликнул с величайшей серьезностью:

«Вы знаете чувства России к вам. Мы желаем более всего сохранения американского союза, как неделимой нации. Россия определила свою позицию и не будет ее менять. Нам будут сделаны предложения об интервенции, о присоединении России к какому-либо плану вмешательства. Россия ответит отказом на всякое предложение такого рода. Вы можете положиться на нас, мы не переменимся. Но мы убедительно советуем вам покончить с вашими затруднениями. Я не могу найти слов, чтобы описать вам опасения, которые мы испытываем, — насколько велики они».

К этому времени — ко второй половине 1862 г. — относится упоминавшееся нами внешнее и кратковременное успокоение в Варшаве после прибытия туда наместника вел. кн. Константина Николаевича и ввиду выжидания результатов введения либерального режима. В Петербурге считали угрозу европейского вмешательства ослабленной. Многие историки полагали, что в связи с этим русское правительство допустило распыление своей тихоокеанской эскадры, адмирал которой сам ушел в южное полушарие 18 января 1863 г. Но против этого говорит то обстоятельство, что на случай войны России с Англией и Францией имелись в виду операции чисто крейсерского характера, допускавшие рассеивание действующих единиц в тихоокеанских водах. Рассылая суда своей эскадры в 1862 г., адмирал А. А. Попов предписывал уже им «тщательно знакомиться с колониями европейских морских держав, изучать их слабые стороны и постоянно быть настороже» [2])...

[1]) Цитируем по извлечению из донесения Тэйлора Сюарду от 29 октября 1862 г., присланному Стёклем Горчакову, при письме от 4 (16) декабря 1862 г.

[2]) См. документированную историю «Второй тихоокеанской эскадры» в статье, подписанной «А. Беломор», в издававшемся русским морским генеральным штабом «Морском сборнике», т. CCCLXXXIII, № 8 (август) за 1914 г., стр. 54—55 неофициального отдела. В июне 1862 г. вся эскадра Тихого океана состояла из 10 судов, 5 корветов, 4 клиперов и 1 лодки сибирской флотилии.

В начале мая 1863 г. Попов, вернувшись из южного полушария и находясь в Николаевске на Амуре, получил через Иркутск письмо управляющего морским министерством Н. К. Краббе, посланное из Петербурга с особым фельдъегерем еще 12 апреля (телеграф доведен был лишь до Омска). Краббе писал Попову, что международно-политическая обстановка, осложнившаяся вследствие мятежа в Польше, вызывает необходимость принять меры, необходимые для того, чтобы Попов мог «по получении известия об открытии военных действий» направить свои суда на уязвимые места неприятельских владений, а также для нанесения противникам вреда на торговых путях сообщения. Попов, один из образованнейших и лучших моряков старой России, писал по поводу этого предупреждения: «Если я буду иметь три-четыре недели времени, то с божией помощью надеюсь, в случае нужды, мы будем в состоянии сделать много вреда неприятелю, прежде нежели понадобится нас исключить из списков флота» [1]).

Однако англичане имели в своих руках телеграф и почту. Следовательно, раньше, чем до отдельных русских судов дошло бы известие о начале войны, противники могли напасть на них в любом из китайских или японских портов, нейтралитет которых они не постеснялись бы, разумеется, нарушить. Поэтому русский адмирал остановился на Сан-Франциско, как на наиболее выгодном пункте для сосредоточения эскадры и для скорейших и наиболее обеспеченных сношений с Петербургом.

«Я принял такое решение потому, — писал Попов управляющему морским министерством 3 августа уже из Шанхая, — что не имею здесь других указаний, кроме собственных своих соображений, которые мне говорят, что наши (дальневосточные) порты неудобны для сосредоточения, так как не представляют никаких способов ни для продовольствия эскадры, ни для необходимых исправлений. И, следовательно, в случае даже своевременного получения известия о войне, я вместо того, чтобы выбежать с полными запасами и совершенно исправными судами, отчего наиболее зависит успех наших действий, принужден буду выйти в море в таком состоянии, которое заставит нас искать не успехов, а пропитания, не борьбы с неприятелем, а широт, обещающих спокойное плавание. Кроме того, наши порты почтовых сообщений не имеют, а, следовательно, я должен буду держать одно из судов в Шанхае, откуда оно, наверное, не будет выпущено англичанами, потому что они, как я уже доносил, могут воспользоваться Бомбейскою почтою и телеграфом до Калькутты, а оттуда военными судами. Таким образом, англичане могут получить необходимые известия, по крайней мере, на две и даже на три недели ранее нас. Испанские, португальские и голландские колонии представляют нам не более удобные ручательства за успех нашей задачи. Республики Центральной и Южной Америки, разумеется, не осмелятся выгнать нас из своих портов, хотя они и наводнены поляками. Зато они, как и Мексика, не помешают ни французам, ни англичанам наблюдать за нашей эскадрой на своих рейдах. Таким образом, остаются С.-А. Соединенные Штаты, которым Англия и Франция надоели донельзя последними своими вмешательствами» [2]).

С октября 1863 г. русская тихоокеанская эскадра стояла в С.-Франциско в готовности выйти в море в течение 24 часов, находясь в беспрерывной связи с атлантической

[1]) «Морской сборник», т. CCCLXXXIV, № 10 (октябрь) за 1914 г., стр. 38—39 неофициалького отдела.

[2]) Там же, стр. 45.

эскадрой и с Петербургом через посланника в Вашингтоне. Помимо все еще ожидавшегося разрыва с Англией и Францией, перед русским адмиралом стояла трудная задача определить свое отношение к возможному нападению на город, оказывавший ему самое широкое гостеприимство, со стороны оборудованных, при помощи англичан, крейсеров южан, со знаменитой «Алабамой» во главе. На посланный по этому поводу запрос Попов получил ответ лишь 1 (13) марта 1864 г., да и этот ответ оставлял ему достаточно простора для выбора образа действий, на основе его весьма широких полномочий.

«По имеющимся здесь сведениям, — писал Стёкль, — главное назначение южных корсаров — охота за судами в открытом море. Поэтому здесь не ожидают нападения их на береговые укрепления и не полагают, чтобы С.-Франциско угрожала опасность. Действия корсаров в открытом море до нас не касаются, даже в случае нападения их на форты, обязанность вашего превосходительства соблюдать строгий нейтралитет. Значит, остается тот случай, если бы корсар, пройдя форты, угрожал самому городу. В том только случае, если он вообще возможен, вы имели бы право, единственно во имя человеколюбия, а не политики, употребить влияние ваше для предупреждения зла. Должно полагать, что представления ваши, при имеющихся в вашем распоряжении средствах, произведут желаемое действие, не прибегая к употреблению силы и не вовлекая таким сбразом нас в затруднения, которые правительство наше желает всего более избежать».

Обратимся к атлантической эскадре [1]) контр-адмирала Лесовского, появившейся в сентябре 1863 г. в Нью-Йорке.

По инструкции Лесовскому, датированной 14 июля 1863 г. и впервые нами здесь публикуемой, «цель эскадры (см. § 3) состоит в том, чтобы, в случае предвидимой ныне войны с западными державами, действовать всеми возможными доступными ей средствами против наших противников, нанося посредством отдельных крейсеров наичувствительнейший вред и урон неприятельской торговле или делая нападения всей эскадрою на слабые и малозащищенные места неприятельских колоний», — формулировка, совпадающая с инструкцией морского министерства контр-адмиралу Попову.

На сообщение Стёкля о предстоящем прибытии эскадры в Нью-Йорк Уиллс, морской министр Соединенных Штатов, ответил 23 сентября, что «присутствие в наших водах эскадры, принадлежащей флоту его величества, может быть источником только радости и счастья для наших соотечественников», что все приспособления бруклинских верфей — в распоряжении Лесовского для всякого ремонта и что с радостью будет ему оказано всякое содействие во всем, чего он пожелает.

В цитированной выше статье «Морского сборника» упоминается письмо управляющего морским министерством к Лесовскому от 16 октября, в котором не без иронии сообщается, что появление русской эскадры в Нью-Йорке «сильно встревожило осторожного посла нашего в Лондоне (бар. Бруннова), и депеша его, написанная под впечатлением злобных статей английских газет, произвела некоторое влияние на нашего вице-канцлера, который дружески упрекнул меня в том, что «цель снаряжения вашей эскадры не была сохранена в тайне». Ниже мы воспроизводим этот интересный исторический

[1]) Состав ее: 3 фрегата, 2 корвета и 1 клипер, — не считая клиперов, которые должны были присоединиться к ней позднее.

документ — депешу бар. Бруннова. Она показывает, в какой мере действия русских адмиралов не одобрялись влиятельнейшими советниками царя. Консервативные государственные деятели школы Нессельроде, виднейшим из которых оставался «Нестор русской дипломатии», бар. Бруннов, исходили из самой неблагоприятной оценки тех самых боевых русских сил, в которые, как мы видели, верили русские адмиралы, жаждавшие вступить в борьбу с неизмеримо более сильным, конечно, врагом, превосходно им известным однако по личному участию их в Крымской кампании. Александр II, признав основательными рассуждения бар. Бруннова, отказался все же сделать то, чего хотел «осторожный» и всегда стоявший за всемерную уступчивость по отношению к Англии лондонский посол, — отозвать эскадру из американских вод. Русским морякам даны были лишь инструкции соблюдать осторожность в своих публичных выступлениях во время бесчисленных торжеств, устраивавшихся в их честь. «Сердечно благодаря за оказанный им дружеский прием, — писал Горчаков Стёклю 10 октября (ст. ст.) 1863 г., — мы хотим верить, что наши храбрые моряки воздержатся от выражений, угрожающих какой бы то ни было державе».

В инструкции Стёклю от 14 октября Горчаков высказывал уже мнение, что британское правительство отказывается от плана признать южные штаты, т. е. пойти на разрыв с вашингтонским правительством. «Америка стала крупным фактором в мировой политике, — писал в этом письме Горчаков, — наши отношения с Соединенными Штатами приобретают все бо́льшую важность с каждым днем. Мы можем только поздравить себя с позицией, занятой нами с самого начала кризиса, через который они проходят. Горячее, чем когда-либо, желаем, чтобы они скорее вышли на путь воссоединения и даже укрепления их союза. В этом — основа их политической силы, а для нас — незаменимый элемент мирового равновесия».

В это же время появилась мысль о заключении политического союза между Россией и Соединенными Штатами. Определяя свое отношение к ней,— официального оформления она не получила, — Горчаков писал барону Стёклю, что заключение такого союза ничего не изменило бы в существующем положении, — «так как союз этот фактически существует на основе общности интересов и политических традиций» (депеша Стёклю от 10 октября 1863 г., с пометой Александра II: «Очень хорошо»).

Таким образом, отправка русских эскадр в С.-Франциско и Нью-Йорк вовсе не имела (и не могла, конечно, иметь) целью, как предполагает упомянутый в начале этой статьи сев.-американский писатель, удалить русские военные суда в Америку для их спасения от неприятеля. Целью было поставить ее в условия, наиболее благоприятные для открытия военных действий с максимальной энергией и продуктивностью против Англии и Франции. Основным из этих условий считалась, как мы видели, политическая солидарность России и Соединенных Штатов. Русские моряки несколько опередили в этом случае русскую дипломатию, у которой однако же создалась (так же, как у северо-американской) совершенно четкая и твердая концепция этой солидарности, нисколько не затемненная непримиримыми противоречиями между существовавшими в то время в России и в Соединенных Штатах формами государственного строя.

Е. А. Адамов.

ПРИЛОЖЕНИЕ [1]).

I.

Инструкция морского министерства к.-адм. Лесовскому.

Копия.

14 июля 1863 г.
№ 120.

Г. контр-адмиралу Лесовскому.

1. По высочайшему его императорского величества повелению, вы назначаетесь начальником эскадры Атлантического океана.

2. Эскадра эта состоит из фрегатов «Александр Невский», «Пересвет» и «Ослябя», корветов «Варяг» и «Витязь» и клиперов «Алмаз», «Жемчуг» [2]) и «Изумруд».

Примечание I. Фрегат «Ослябя» находится ныне на станции в Пирее, и его предположено отправить в Нью-Йорк, чтобы там соединиться с вашей эскадрой или получить приказания о присоединении к ней в том месте, которое будет для сего вами назначено.

Примечание II. Клипер «Изумруд» будет готов не ранее августа и потому присоединится к эскадре в том случае, если в августе война не будет еще объявлена.

3. Цель отправления вверяемой вашему начальству эскадры состоит в том, чтобы, в случае предвидимой ныне войны с западными державами, действовать всеми возможными и доступными вам средствами против наших противников, нанося посредством отдельных крейсеров наичувствительнейший вред и урон неприятельской торговле или делая нападения всею эскадрою на слабые и малозащищенные места неприятельских колоний.

4. Хотя первоначальным местом пребывания эскадры назначается Атлантический океан, но вам не возбраняется, смотря по обстоятельствам и по вашему усмотрению, переносить театр действий всей эскадры или части ее в Индийский или Восточный океаны.

5. По выходе из Финского залива, вы направитесь со всею эскадрою к берегам Северо-Американских Соединенных Штатов, не заходя на пути ни в какой порт, и по прибытии в Америку бросите якорь в Нью-Йорке. Если окажется возможным по местным обстоятельствам остаться в этом порте со всею эскадрою, то вы будете там выжидать исхода переговоров по польскому вопросу. Если же посланник наш в Вашингтоне, с которым вы войдете в сношение немедленно по прибытии вашем в Америку, нашел бы, что пребывание всей эскадры в Нью-Йорке может подать повод к затруднениям с федеральным правительством или к иным неудобствам, то вам предоставляется разделить эскадру на две, на три части и распределить ее по тем портам северо-американского прибрежья, которые будут признаны вами для сего наиболее пригодными.

В предвидении объявления войны вам предоставляется обсудить, по соображению с местностью и с современными обстоятельствами, возможно и выгодно ли остаться с эскадрою в Нью-Йорке или других северо-американских портах до

---

[1]) ЛОЦИА, Архив армии и флота, фонд морского министерства.

[2]) Клипер «Жемчуг», требующий осмотра в доке и исправлений, не может выйти из Кронштадта с прочими судами и присоединится к эскадре впоследствии, если политические обстоятельства это позволят. — Примечание в подлиннике.

самого открытия военных действий, или же, оставив якорную стоянку, по пополнении запасов или в то время, когда объявление войны сделается неизбежным и близким, выйти в океан с тем, что на известное, заранее условленное, рандеву к вам будет доставлено посредством парочно для сего зафрахтованного действительным статским советником Стёклем судна известие об объявлении войны. Само собою разумеется, что распоряжение это надо будет сохранить в величайшей тайне и место рандеву не должно быть известно никому, исключая нашего посланника.

6. Если на пути в Нью-Йорк вы узнаете достоверно, что война объявлена, то вы примете в руководство наставления, ниже сего в этой инструкции изложенные, для действий ваших в случае открытия военных действий.

7. Если по прибытии в Нью-Йорк вы сочтете нужным вскоре выйти в океан, то, во всяком случае, до объявления войны вы должны стараться держать эскадру соединенно, избегая тщательно мест, посещаемых обыкновенно военными и даже купеческими судами, для того, чтобы скрыть эскадру от наблюдения, которое, по всей вероятности, постараются учредить за нею наши будущие противники.

Если бы, паче чаяния, вы не получили долго ожидаемых от действит. статского советника Стёкля известий о назначенном рандеву, то, выйдя на один из торговых путей, вы постараетесь от купеческих судов разузнать о ходе политических дел, обращаясь для сего преимущественно к судам тех держав, с которыми мы не ожидаем быть в войне. Полученные таким образом сведения вы должны поверять взаимными показаниями шкиперов и известиями, почерпнутыми из газет, которые могут оказаться на встреченных судах. Бдительность и осторожность вы должны усугублять по мере того, как доходящие до вас слухи и сведения заставят вас предполагать, что разрыв и война становятся близкими.

8. Когда вы получите извещение от нашего посланника в Вашингтоне об объявлении войны или когда другим каким-либо положительным образом вы получите убеждение, что война объявлена, то вы должны начать неприязненные действия против неприятельской торговли, дав для сего заблаговременно подробные надлежащие инструкции командирам судов вверенной вам эскадры. Суда эти вы распределите с таким расчетом, чтобы они заняли пути, наиболее посещаемые и по коим направляются самые значительные и наиболее ценные грузы. Вместе с тем вы назначите несколько рандеву для соединения всей эскадры, как для того, чтобы осмотреть отдельные суда, собрать сведения об их действиях и дать им указания о способах возобновления запасов провизии и топлива, так и для того, чтобы по вашему усмотрению избрать другой театр действий против неприятельской торговли или же предпринять нападения на те места неприятельских колониальных владений, которые, по вашим соображениям и сведениям, представят вероятие легкой добычи и набег на которые обещает возможность нанести неприятелю чувствительный урон или убыток.

9. Для принятия мер к обеспечению эскадры своевременным снабжением ее необходимыми запасами продовольствия командируется в Америку кап. 2 ранга Кроун, который, по соглашению с вами, распорядится, при содействии нашего посланника в Вашингтоне, доставлением всего нужного на условленные рандеву и в назначенные сроки. Опытность и испытанная распорядительность этого штаб-офицера могут служить ручательством, что эта важная сторона вверяемого вам дела будет исполнена вполне удовлетворительно.

10. Как в действиях ваших при осмотре нейтральных судов, так и в действиях против неприятеля вы должны во всем соображаться с общими законами международного права и с условиями декларации Парижского конгресса 1856 г.,

до морской торговли относящимися и помещенными во главе прилагаемого при сем извлечения из свода правил о военных крейсерах, которые должны служить вам руководством при предстоящих вам действиях.

11. Если в течение вашего плавания в военное время вы встретитесь с контр-адм. Поповым, то вам предоставляется сообразить с ним вместе о действиях, которые вы сочтете наиболее полезным и возможным предпринять в усиленном составе обеих эскадр. К контр-адмиралу Попову посылаются наставления в этом же смысле, причем, само собою разумеется, обе эскадры должны поступить под начальство старшего из командующих флагманов.

12. Высочайше предоставленные вам права над чинами вверенной вам эскадры изложены в особом прилагаемом при сем предписании.

13. Вы будете стараться как можно чаще доставлять о себе сведения, вверяя их в надежные руки и сообщая все касающееся ваших движений и предположений не иначе как шифром, который вверяется вам в числе «6» экземпляров. Шифр этот вы вручите командирам лично, обязав их подпискою хранить его в величайшей тайне и не вверять никому, кроме старшего офицера. Подобный шифр посылается к контр-адм. Попову на случай могущих оказаться возможными между вами сношений. По возвращении в Россию вы и каждый из командиров должны немедленно возвратить этот шифр лично директору канцелярии морского министерства под его росписку.

14. Во время плавания, будет ли объявлена война или нет, прошу вас обратить особенно внимание на собрание самых подробных и точных сведений о главнейших торговых путях, по коим следуют океанами товары, с обозначением, какие именно и из каких стран отправляются по ним грузы. Прошу вас также составить по возможности полное описание колониальных владений западных государств, включив в него соображения о возможности нападения на них, откуда и с какими силами нападения эти могут быть делаемы, о средствах защиты их, важности в военном и торговом отношениях и проч. Вместе с тем, вы не упустите собрать сведения о тех местах, где эскадра и отдельные суда могут найти убежище в военное время и где они могут освежиться, снабдиться продовольствием и углем.

Убежденный, что вы оцените всю важность таких сведений, надеюсь, что вы обратите на этот предмет то внимание, которое он заслуживает.

15. В случае мирного исхода настоящих переговоров о польских делах, суда вверенной вам эскадры должны будут отправиться по назначению на заграничные станции, о чем вы в свое время получите надлежащее извещение.

В заключение мне остается сказать, что в настоящее время и отсюда невозможно предугадать и предвидеть всех случайностей, которые могут представиться в продолжение предстоящего вам плавания. Поэтому, хотя в этой инструкции и заключаются в общих чертах наставления для предстоящих вам действий, но вам предоставляется во всех тех случаях, когда вы признаете то необходимым, не стесняться данными наставлениями и действовать по вашему усмотрению.

Даруя вам такие права, государь император не сомневается, что вы воспользуетесь ими с тем отличным знанием дела и искусством, которые вместе с прочими вашими достоинствами приобрели вам почетную известность во флоте. Вверяя в ваши руки в столь важном деле честь русского флага, его величество вполне убежден, что если враги России восстанут на нее, то моряки наши, проникнутые доблестным духом своих праотцев и одушевленные теми чувствами, которые несутся ныне к подножию престола со всех концов земли русской, впишут на водах океана славную страницу в морскую летопись России.

Управляющий морским министерством ген.-адъютант Н. Краббе.

Депеша посла в Лондоне Бруннова в мин. ин. дел от 17(5) октября 1863 г. № 250 [1]).

Лондон. 5(17) октября 1863 г.

Считаю долгом представить на ваше усмотрение прилагаемую депешу, которую я только что получил от нашего посланника в Вашингтоне.

Он мне сообщает назначение эскадры под командой контр-адмирала Лесовского и просит меня пересылать ему известия, необходимые для того, чтобы наши суда имели время выйти в море в случае предвидимой возможности войны с Англией и с Францией.

Позвольте мне, князь, изложить вам теперь же невозможность для меня способствовать успеху плана морского министерства, о котором г. Стёкль только что меня уведомил.

При приближении войны, инициатива которой принадлежала бы английскому правительству, оно первое сообщило бы о ней командующему ее морскими силами у берегов Америки. Они могли бы преградить путь нашей эскадре раньше, чем я мог бы передать г. Стёклю информацию, которую он ожидает от меня. Уже теперь семь военных английских и французских судов следят за движениями контр-адмирала Лесовского, и скоро он окажется лицом к лицу с силами, превосходящими те, которыми он располагает.

Одного его появления у Нью-Йорка достаточно было для того, чтобы привлечь в эту сторону внимание английского правительства и общества. Умение молчать не настолько распространено в Соединенных Штатах, чтобы там можно было держать что-либо в секрете продолжительное время. Это настолько верно, что курьер, которому наш посланник в Вашингтоне доверил свои депеши, сам узнал из разговоров публики секретное назначение нашей эскадры.

Более того. На одном обеде, данном в Нью-Йорке в честь наших морских офицеров, американский оратор поспешил осведомить аудиторию о намерениях императорского правительства. Мистер Уолридж сказал, что «Россия посылает эскадру в Нью-Йорк для того, чтобы по первому данному сигналу смести английскую и французскую торговлю с поверхности морей».

Это американское откровение красуется на столбцах газет, выходящих в Лондоне.

Морское министерство рассудит после этого, может ли английское адмиралтейство упустить из виду русскую эскадру, назначение которой заранее определено, как явно направленное против Англии.

Я считаю долгом повергнуть на ваше усмотрение, князь, рассуждение, которое мне кажется заслуживающим серьезного изучения при нынешних обстоятельствах.

Существует у нас мнение, — я это очень хорошо знаю, — что наш флот мог бы нанести чувствительный удар процветанию английской торговли и что одно опасение таковой возможности могло бы повлиять на английскую поли-

---

[1]) Московский Архив Революции и Внешней Политики, фонд мин. ин. дел. Подлинник на франц. языке. На подлиннике помета Александра II: «Он во многом прав, но это не причина для того, чтоб отказаться от пребывания нашей эскадры в этих морях».

тику в смысле большего миролюбия и большей уступчивости по отношению к нам.

Обе эти надежды совершенно иллюзорны. В нынешнем положении надо быть готовым к тому, что флот наш будет сражаться против соединенных сил Англии и Франции. Несмотря на уважение, которое я питаю к энергии и храбрости наших моряков, я не верю, чтобы три фрегата, два корвета и один клипер, прибывши в Нью-Йорк, были в состоянии предпринять борьбу, которую неравенство сил сделало бы катастрофической для нашего флага.

Допустим даже, что нашей эскадре удалось бы ускользнуть от бдительности неприятельских сил, назначение которых — не давать ей хода; допустим, что наши суда, рассеянные по всему пространству морей, будут иметь свободу преследовать торговые суда Англии и Франции. Но где порты, которые могли бы служить для них убежищем? Каковы средства снабжения, которыми они располагают? В течение какого времени, наконец, смогут они противостоять случайностям судьбы, которая неизбежно приведет их к верной гибели?

Во всяком случае, вред, который мы сумеем причинить нашим врагам, будет бесконечно меньше вреда, который нанесут они России.

Английская торговля смертельно мстит всем тем, кто наносит ущерб ее безопасности. Достаточно было бы высказать подобную угрозу, чтобы поднять против нас самых влиятельных людей среди всех классов, связанных с торговыми и промышленными интересами этой страны. До сих пор именно решительно высказанное мнение этих людей вынуждало английский кабинет вести мирную политику. Но с момента, когда эти же самые люди считали бы, что Россия нападает на их благосостояние, они единодушно обратились бы против нас. Чтобы защитить свои собственные интересы, они первые потребовали бы от правительства ее британского величества поставить Россию в состояние невозможности оспаривать свободу морей, составляющую мощь и национальное богатство Англии. Мы достигли бы таким образом результата, диаметрально противоположного тому, к которому стремимся. Вместо того, чтобы обеспечить мир, мы сделали бы войну неизбежной.

В особенности теперь, когда наше правительство старается привлечь английские капиталы к участию в наших обширных железнодорожных предприятиях, — существенном условии внутреннего благосостояния империи, — соответствует ли нашему разумно понятому интересу вызвать ненависть к нам торговых и промышленных классов этой страны?

Споры, которые завязываются на море, это те, которые ведутся Англией всегда с величайшей настойчивостью.

Опыт прошлого нам оставил в этом отношении серьезное предостережение. Желание разрушить наш Черноморский флот было одной из основных причин Крымской войны. Пушечные выстрелы у Синопа разрушили Севастополь.

Эти соображения представляются мне слишком убедительными и бесспорными для того, чтобы я мог поколебаться повергнуть их на рассмотрение императорского кабинета.

Наш августейший государь, позволяю себе надеяться, удостоит счесть это изложение новым доказательством почтительной откровенности, с которой я высказываю мысли, внушаемые мне моим преданным служением ему.

Бруннов.

Депеша посланника в Вашингтоне Стёкля на имя посла в Лондоне Бруннова от 23 (11) сентября 1863 г. [1]).

Вашингтон. 11 (23) сентября 1863 г.

Секретно.

Г. посол.

Ваше превосходительство, без сомнения, осведомлены о посылке в Нью-Йорк русской эскадры, состоящей из 3 фрегатов, 2 корветов и 1 клипера. Суда эти предназначены крейсировать по океану и действовать против морской торговли и колоний Франции и Англии или той из этих двух держав, с которой мы можем вступить в войну.

По последним полученным из С.-Петербурга известиям, не существует опасности немедленного разрыва. Если бы однако политические события снова приняли угрожающий оборот, я прошу вас, г. посол, соблаговолить сообщить об этом мне для того, чтобы я мог, в свою очередь, предупредить об этом командующих нашей эскадрой. В этом случае им нужно будет выйти в море и этим избежать внезапной атаки или блокады в американских портах бесконечно превосходящими их морскими силами, которыми союзники располагают у берегов Соединенных Штатов.

Стёкль.

---

[1]) Перевод с франц. — Архив Революции и Внешней Политики, фонд мин. ин. дел.

Из записной книжки архивиста.

Морские карательные батальоны в Прибалтийском крае.

Революционные события 1905 г. в Прибалтийском крае заставили царское правительство принять ряд энергичных мер. 29 ноября 1905 г. министерство внутренних дел потребовало «двинуть в Лифляндскую губернию все свободные в Петербургском военном округе военные части». Через несколько дней (4 декабря) в крае была введена военная диктатура в лице генерал-губернатора Сологуба. Между тем правительство столкнулось с отсутствием войск для комплектования карательных отрядов.

Использовав все возможные резервы, Петербургский военный округ встал перед опасностью при дальнейшем уменьшении гарнизона оставить столицу перед всякими случайностями. В связи с этим возникла мысль об использовании некоторых морских частей. Эта мысль была поддержана во всех инстанциях, и через две недели морское министерство предоставило в распоряжение прибалтийского генерал-губернатора 18 рот с пулеметами, обозами и пр. Морские охранные батальоны, разделенные на отдельные роты, были предназначены для усмирения наиболее беспокойных районов края. 1-й и 2-й батальоны заняли всю железнодорожную магистраль, начиная с Балтийского порта и кончая предпоследней станцией у Нарвы. Два других батальона заняли железнодорожный путь Рига — Двинск; кроме того, один батальон действовал на острове Эзель. Оценку царем действий карательных отрядов находим в письме Николая II к матери от 12 декабря 1905 г.: «В Прибалтийских губерниях Орлов и моряки Рихтер и барон Ферзен д е й с т в у ю т в е л и к о л е п н о». После докладной записки Витте (от 28 декабря) о формировании новых частей морской пехоты Николай II на следующий же день, 29-го, пишет матери: «В Прибалтийских губерниях восстание все продолжается. Орлов, Рихтер и др. д е й с т в у ю т о т л и ч н о; много банд уничтожено, дома и их имущество сжигаются. Н а т е р р о р н у ж н о о т в е ч а т ь т е р р о р о м [разрядка здесь и выше моя. — *А. Д.*]. Теперь сам Витте это понял».

Несколько слов об организации морских батальонов.

Батальоны были скомплектованы из состава почти всех флотских экипажей, причем исключительно брались строевые. Из числа же последних преобладали новобранцы и сверхсрочно служащие; на каждых 4 матросов приходился офицер или унтер-офицер.

Публикуемые документы воспроизводятся по подлинникам, хранящимся в деле № 28172 главного морского штаба (Ленинградское Отделение Центр. Истор. Архива).

А. Дрезен.

Выписка из рапорта командующего отрядом морских батальонов в Эстляндской губернии кап. 1 ранга барона Ферзена.

Батальон 14-го флотского экипажа, выступив из Кронштадта 22 декабря 1905 года, 24 прибыл в Ревель, где я получил приказание от генерал-лейтенанта Воронова разместить батальон, разделив его на четыре роты, в западной части Эстляндской губернии. В силу этого приказания, в тот же день выступили по линии Гапсальской ж. д. 3-я рота, под командой лейтенанта Зарубаева, в Кегель и 4-я рота, под командой лейтенанта Добролюбова, в местечко Леаль, под общим командованием капитана Васильева. 1-я рота, под командой лейтенанта Щетинина, и 2-я рота, под командой лейтенанта Пини, выступили утром 25 числа по Феллинской ж. д., и с этими ротами отправился я с моим штабом, чтобы начать объезд районов с участка 2-й роты, как наиболее опасного в смысле возможности вооруженного сопротивления. Командиры рот назначены начальниками районов, и главнейшая их обязанность: восстановление полного спокойствия в своих районах, водворение на места всех чинов правительственных учреждений, удаленных со своих мест бунтовщиками, и арестование зачинщиков беспорядков, бывших в Эстляндской губернии.

Для выполнения сего предписано: имея постоянное квартирование в определенном пункте, делать объезды по своим районам, оставляя не менее одной трети команды для охраны квартиры, так как при квартирах остаются боевые запасы и провиант.

Место расположения батальона 14-го экипажа обозначено на карте, приложенной к рапорту командира 1-го батальона, под №№ 5, 6, 7 и 8.

Оставив 1-ю роту на месте ее квартирования в Койле, я с 2-й ротой отправился дальше и, высадившись около имения Вальдау, окружил это имение, согласно выработанному заранее плану, причем было арестовано несколько важных агитаторов. Из опроса арестованных и местных жителей выяснилось, что один из главных агитаторов, Март Лауриман, находится в соседнем поместье, почему туда сейчас же было отправлено отделение при кондукторе Ягнове, под командою лейтенанта Пини. С отделением также отправился старший фельдшер Гаврилов. Войдя в избу, где находился Лауриман, наши застали там человек 10—12, которые на требование выдать Лауримана ответили отказом, и, когда после этого было заявлено, что будут арестованы все, Лауриман, переодевшись женщиной, выстрелил из револьвера и очень серьезно ранил фельдшера Гаврилова. После этого, потушив огонь, бывшие в избе крестьяне бросились с ножами на команду, но бывший здесь же кондуктор Ягнов осветил избу карманным фонарем, и команда, открыв огонь, моментально перебила восемь человек, в том числе и Лауримана, которого первым убил квартирмейстер Грошев, почти одновременно с произведенным выстрелом из револьвера.

На следующее утро этот дом был нами сожжен, и жители предупреждены, что так же будет поступлено с каждым домом, в котором будет найдено какое-либо оружие.

Разобрав в этот день арестованных в Вальдау, я перевел на следующий день 2-ю роту в город Рашель, на место ее постоянного квартирования, а сам со штабом вернулся в Ревель, посетив на пути первую роту. 29 декабря выехал в объезд районов по Гапсальской дороге. Во время объездов было произведено несколько арестов важных агитаторов, которые, по установлении судом их виновности,

были расстреляны. Из этих объездов пришел к заключению, что положение в Эстляндской губернии представляется в следующем виде. Существует банда революционеров, которая, с оружием в руках, заставила мирных жителей грабить, жечь и громить имения, преимущественно помещичьи дома, свергала правительственные власти и, видимо, имела в виду поднять вооруженное восстание. В настоящее время, при появлении войск, банда эта рассыпалась по деревням, и поимка агитаторов сводится к одиночному арестованию. Вооруженного сопротивления ожидать трудно, и случай, имевший место близ имения Вальдау, следует отнести к исключению.

Действия наших отрядов заключаются в следующем: прибыв в какое-либо местечко своего района, начальник района, собрав местных жителей, объясняет им назначение посылки войск и требует немедленной сдачи оружия, выдачи агитаторов и восстановления нормального течения жизни, предупреждая, что охрану мирных жителей он берет на себя, но в случае неповиновения, а тем более какого-либо покушения на воинских чинов, будет поступлено крайне энергично. Жители охотно идут к нам на помощь. Оружие, хотя в большинстве старое, сдается массами, но в выдаче агитаторов и указании их жители крайне осторожны, указывают неохотно, боясь, что если агитаторы будут арестованы и преданы судебным властям, то часть их, как-либо оправдаясь, часть же, будучи освобождена силой, снова вернутся и, собравшись бандой, жестоко отомстят.

Бывший в Ревеле в день нашего прибытия генерал-майор Безобразов и также генерал-лейтенант Воронов говорили офицерам, чтобы они действовали крайне энергично и решительно, расстреливая главных агитаторов, не стесняясь никакими средствами для достижения спокойствия страны, причем генерал Безобразов говорил, что ответственности никто нести не будет, даже в случае могущих произойти ошибок. В силу этого распоряжения, начальники районов, установив судом вину, расстреливали главарей беспорядков, и мирные жители, не боясь мести, выдавали своих зачинщиков.

В настоящее время в некоторых районах судебные и полицейские власти возбудили вопрос о прекращении суда морскими командами, и генерал-губернатор требует письменного донесения о причинах и основаниях расстрела, дал инструкцию арестовывать зачинщиков, составляя полицейские протоколы и препровождая арестованных в тюрьму в Ревель.

Таким образом, действия наших отрядов сводятся к нулю, так как на выдачу главарей беспорядков потеряны все шансы, и спокойствия страны можно достигнуть лишь кажущегося, до тех только пор, пока войска будут находиться в губернии.

Продолжать действия по-старому, в силу распоряжения об арестовании зачинщиков, я не считаю возможным, так как этим можно поставить морские команды в положение критическое, не имея власти и инструкции уничтожать главарей революционеров. Перемена же действий теперь может иметь очень вредное влияние, в особенности имея в виду, что революционеры распространяют слух, что войска ими подкуплены.

За неделю пребывания отряда в губернии уже удалось во многих местах восстановить полное спокойствие, исправить средства сообщения и восстановить телефоны и телеграфы.

Успех, достигнутый в столь короткий промежуток, следует отнести к крутым мерам, а также, и главным образом, к образцовому поведению команды и исполнению ею своего долга с полным сознанием и преданностью царю и отечеству.

Выписка из рапорта ком. 1-го батальона кап. 2 ранга Рихтера.

Доношу главному морскому штабу, что во время дороги — происшествий не было; по пути уже заранее, совместно с генерал-майором Безобразовым, составили план обороны страны. Главным образом, я указывал на то, что наша команда должна составлять летучий отряд. На станции Везенберг встретило нас приказание генерала Воронова оставить полуроту в Везенберге. Оставил капитана Максимова и мичмана Иванова.

В Тапсе оставил 1-ю роту, которую направил на Весенштейн, а полуроту второй роты в самом Тапсе, с мичманами Штейн и Омониным. В г. Ревель отправлены пулеметы и пушки Барановского с прислугой и прикрытием. В Ревеле выяснилось, что пушки останутся в городе; тогда я просил мне возвратить людей и оставил летучую роту из 100 человек, которую передал капитану Беклемишеву. Объяснив генералам, что мы посланы не для того, чтобы сидеть в городе, просил дать сейчас же командировку в уезд. В этот же вечер было решено отправить сформированную полуроту в уезд, а именно — по Петербургскому тракту, в имение Егелехт, Яговая, Разиг, и, как было приказано, «хорошенько очистить место».

В три часа ночью поднял людей, на подводах отправились в путь. Нас сопровождал помощник начальника уезда Вальден и состоящий при мне один из местных помещиков D-r Neff.

На утро мы пришли в имение, оно сильно разграблено, но не сожжено; из расспросов местных дворовых и волости установили виновных, которых облавой начали искать; двух удалось найти, и полевым судом я их предал повешению или расстрелянию. Считаю, что вешать не красиво для воинской части, для этого служит — министерство внутренних дел и его агенты. Для первого раза, все же, одного повесили; другой просил разрешения проститься с женой, что ему позволил, на пути из дома он побежал, но, рассыпав взвод цепью, перехватил его. Как матросы говорят — пуля догонит, и на этот раз догнала.

Картина страшно подействовала не только на эту местность, но далеко за пределы уезда. Двор одного из предводителей сожгли на том же основании, что они нас жгли, и это сильно действует на умы. На ночь перешли в именье Разиг, оказывается — гнездо всего движения; здесь разыскали человек трех-четырех, которых тоже расстреляли.

Обыск приходилось делать в 3—4 часа утра, когда были люди дома. Жильцов собираем на двор и объявляем, чтобы выдали все оружие и, если по обыску найдутся еще ружья, то владелец будет расстрелян за ложь и скрывательство; один такой случай пришлось произвести и этим дать начало добровольному приносу оружия. На субботу 24-го решил возвратиться в город, дабы дать возможность команде отдохнуть, сходить в баню и провести хоть один день праздников спокойно, не неся за собой смерть.

Нужно сказать, что экзекуция действует также на команду, и она становится одичалой, кровожадной, и ее приходится удерживать. Очень был обрадован, что команда поняла, что имеет дело с зверским, мстительным народом и, конечно, не ждет, пока ее заденут, а стреляем во всякого. Так в имении Разиг послал на ж.-д. станцию пятерых отдать телеграмму. На пути на них наскочили люди (было вечером), и только благодаря решительному действию матросов не произошло крупного скандала с нашими. Они, не задумываясь, открыли огонь — произведено 5 выстрелов, и 5 попали, правда, в одного.

На следующий день я указал на этот случай народу, объяснив, что

матрос гораздо решительнее солдата и стреляет без промаха.

24-го в субботу возвратились в город, отпустил команду в баню.

Сгоряча нас поместили в казармах Онежского полка, и полк должен был нас кормить. В первое мое прибытие, являясь адмиралу, командиру порта, я высказал ему идею нашей посылки и нашел полное сочувствие желания помощи, и переговорили, что мы будем останавливаться в казармах полуэкипажа; на первый раз не удалось хорошенько обсудить этот вопрос, а потому, во второй свой приход в город, остался в казармах полка, но сейчас же пошел орудовать с начальством; нужно сказать, что генералы и сухопутные всеми силами стараются утопить, дискредитировать флот, и только решительное действие наших отрядов несколько подняло мнение о нас. Адмирал принял нас, как родных; то же можно сказать и про экипажное начальство.

В Ревеле осталось команды 2-го батальона человек 50. Их поместили в отдельных казармах при экипажах, накормили и вообще делают все, чтобы было хорошо. Сухопутные не желали нас выпускать, но я им объявил, что мое начальство — адмирал и что считаю даже нетактичным в порту, где имеется наша часть, игнорировать ее. В общем, все удалось устроить и уладить. 26-го, в 9 часов утра, вступил по жел. дор. до станции Разиг, где предстояло произвести экзекуцию трех преступников, убивших помещика Баранова. Приговор приведен в исполнение вчера, и сейчас же перешел в имение «Анния», в 10 верстах, где теперь нахожусь в волостном управлении. Принимаю оружие — ружья, револьверы. Ружья большею частью двустволки — старые, револьверы — новые, Смита. Прошу извинить за писание, но нигде ничего нельзя достать, имения сожжены, все разбежалось, и только здесь в правлении нашел бумагу. Из прилагаемой карты видно, что нам, морякам, дана охрана всей губернии. Районные начальники — самостоятельные губернаторы с полными полномочиями, их задача — усмирять край, успокоить его, водворить законную власть и завести сложный механизм администраций и сельскохозяйственных работ. Будучи начальником 1-го батальона, я являюсь главным начальником 4-х районов. Сейчас я объезжаю вверенную мне область и дней через 5 буду в Тапсе, где моя главная квартира. Тогда подробно донесу о действиях прочих отрядов, о которых теперь совершенно не имею сведений. Известно только, что генерал Воронов очень доволен решительными действиями лейтенанта Максимова (Везенберг), но, что им сделано, мне неизвестно. Почтительнейше прошу, чтобы в случае успеха наших команд не давались бы награды. Мы шли идейно, и разрешение выступить уже есть награда. На обратном пути можно просить, чтоб государь (нас) команду лично поблагодарил за примерную службу.

Неопубликованное письмо Н. П. Огарева.

В конце 1866 г. был подвергнут обыску и аресту проживавший в Москве иркутский купеческий сын Николай Пестерев, относительно которого у III отделения были сведения о посещении им во время заграничной поездки русских эмигрантов. При разборе отобранных у него бумаг следственными властями было, между прочим, установлено, что Пестерев находился в близких отношениях с купцом Иваном Прокофьевичем Ворожцовым, проживавшим в г. Слободском, Вятской губ., где Ворожцов владел спичечной фабрикой. В начале 1867 г. у Ворожцова был произведен обыск, во время

которого в руки властей попало письмо за подписью: «Н. О.». По объяснению Ворожцова, это было письмо Пестерева. Однако в III отделении, куда оно было доставлено, сразу же заподозрили, что автором его является не Пестерев, а эмигрант Н. П. Огарев. Для проверки этого подозрения в III отделение был вызван незадолго до того раскаявшийся и вернувшийся в Россию эмигрант В. И. Кельсиев, который по близким своим отношениям с Герценом и Огаревым должен был хорошо знать почерк последнего. На допросе 8 августа 1867 г. в высочайше учрежденной следственной комиссии Кельсиев категорически удостоверил: «Почерк предъявленного мне письма я без всякого колебания признаю почерком Н. П. Огарева — ошибиться мне в этом невозможно».

Пестерев, допрошенный в той же комиссии, показал, что в конце 1864 г. Ворожцов, желавший устроить в России фосфорный завод, ездил за границу для ознакомления с выделкой фосфора, был в Женеве, Лондоне и Париже, познакомился с эмигрантами Н. И. Утиным, Герценом и Огаревым. Перед отъездом за границу Ворожцов виделся с Пестеревым в Москве, и Пестерев, по его собственным словам, «полушутя» сказал Ворожцову, чтобы он привез ему из-за границы «самых новейших книг», а еще лучше — организовал бы постоянный транспорт издающихся за границей русских книг в Россию. По возвращении Ворожцова в Россию Пестерев спросил его: «А «Колокол»-то что же? или струсил?» Ворожцов ответил, что заграничных изданий не привез.

Сам Ворожцов на допросе подтвердил, что с ноября 1864 г. по январь 1865 г. он в сопровождении переводчика был за границей, куда отправился для осмотра фосфорных фабрик, так как хотел устроить такую же фабрику у себя в Слободском, и где посетил Гамбург, Берлин, Париж, Женеву, Лондон и др. города. В Лондоне в театре он случайно встретил некоего Якова Александровича Шнеура, с которым был знаком по Слободскому, где Шнеур проживал в конце 50-х гг. Шнеур пригласил Ворожцова к себе на встречу Нового года. У Шнеура Ворожцов встретил эмигранта кн. П. Долгорукова и «книгопродавца русских книг, фамилию которого я припомнить не могу». К этому книгопродавцу в лавку Шнеур через несколько дней завез Ворожцова, и последний купил там русские книги: «Полярную звезду», «Колокол» и др. Несомненно, что этим книгопродавцом был Тхоржевский, торговавший в Лондоне изданиями Герцена.

«Ездивши с Шнеуром смотреть хрустальный дворец за Лондоном, — говорил Ворожцов на допросе, — помню, он завозил меня к кому-то из русских эмигрантов, но только не к Долгорукову, где мы завтракали... Я встретился тут с книгопродавцом, у которого покупал прежде с Шнеуром книги, и они предлагали мне продажу их в России, но я отказался от этого дела... Этого эмигранта фамилию я припомнить не могу и более нигде с ним не встречался».

Когда же Ворожцову предъявили найденное у него письмо Огарева, то он заявил:

«При допросе помощника слободского уездного исправника по почерку руки я полагал, что письмо это от Пестерева, но если по сличении рук оно действительно Огарева, то значит, что Шнеур к нему меня и завозил; я только помню, что личность эта высокого роста с седыми на голове волосами и бородой, что заезжал к нему не в Лондоне, а вне оного. Письмо это могло быть доставлено мне не иначе как Шнеуром в Лондоне же, ибо, сколько я припомню, 6 (18) января я должен был быть в Лондоне, или, может быть, послал его в Париж.

На вопрос следственной комиссии Ворожцов сообщил следующие подробности свидания своего с Огаревым:

«Всего разговору я припомнить не могу; припоминаю только, что я встретил здесь какие-то «Русские ведомости», которых в Лондоне нигде не видал, занялся просмотром их, и с них разговор обратился на земские учреждения; причем, как вспоминаю, Огарев советовал всеми силами хлопотать о выборах в земство податного сословия, на что, сколько припомню, я отвечал, что очень трудно, в особенности из крестьян, найти людей, которые бы сумели сказать слово, на что он ответил, что они были забиты крепостью, а что по освобождении из крепостных у них появится и слово и что они говорят же теперь на мирских сходках и решают свои дела. На это я, сколько могу припомнить, ответил, что, чтоб научились понимать правильность, например, расходов уезда, нужно много времени, а сначала, вероятно, будут хлопотать горожане, чтоб свалить что возможно на земство, а земство на горожан. Потому-то, вероятно, Огарев и писал в письме, чтоб и я принимал участие в земских выборах и что мы по возможности должны хлопотать, чтобы сократить время несогласия в сословиях и что вслед затем должны открыться присяжные суды, которые избавят нас от взяточничества и дадут возможность стать на ноги бедному пред богатым. Сколько могу припомнить, советовалось научиться писать и говорить в собраниях земских, но я обыкновенно в этих случаях говорю, что я человек, не привыкший к обществу, что я посвятил себя практической химии и буду жизнь мою хлопотать о развитии в России тех продуктов, которые теперь достаем из-за границы.

Об оппозиции против правительства я не помню, был ли разговор и кто в ней участвует, никогда не слыхал от Огарева, да и ему невозможно, я думаю, высказывать имен таких личностей человеку, который не участвовал ни в одной демонстрации против правительства...»

Позднее Ворожцов добавил, что у Огарева еще разговор шел о незадолго до того подавленном восстании в Польше. Относительно этого разговора Ворожцов показал:

«У Огарева, — еще вспомнил, — что на замечание мое о бунте поляков, что это дело затеял не народ, а шляхта, которая угнетает народ лучше наших помещиков, — Огарев горячо заступился за них, говорил, что это не бунт, а народная война, что поляков непременно поддержат извне, что эта война продолжится десятки лет и что в России должны стараться о том, чтобы не отстраняться от знакомства с ссыльными поляками, а напротив, всеми силами стараться вводить их в общество и учиться у них страдать за родину, что и они, эмигранты, надеются через поляков возвратиться в Россию. Не припомню уже, возражал ли я что на эту речь, но только помню, что Шнеур был на его стороне и, кажется, мне не дал говорить».

Следственная комиссия заинтересовалась, не давал ли Пестерев Ворожцову поручения наладить транспорт русских книг, печатающихся за границей. Ворожцов ответил на этот вопрос отрицательно. По его словам, Пестерев говорил только, что Герцен «пишет гораздо умнее и правдоподобнее всех русских издателей». На это Ворожцов будто бы ответил, «что сочинения Герцена немного найдется охотников читать за их резкость, что и теперь они читаются больше из моды, за их дороговизну, а что будь они дешевы, то и мода на них пройдет».

К этому Ворожцов прибавил, что в Женеве он познакомился с Н. Утиным, который предлагал ему организовать доставку книг в Россию, но Ворожцов на это не согласился.

Следственная комиссия, рассмотрев дело о Ворожцове, постановила учрежденный над ним полицейский надзор оставить в силе *).

Показания Ворожцова в следственной комиссии вряд ли были вполне искренними. Сопоставление их с показаниями Пестерева делает весьма вероятным предположение, что встреча Ворожцова с Огаревым не была случайной и что Ворожцов имел намерение организовать доставку в Россию эмигрантской литературы.

Из письма Огарева видно, что Ворожцов произвел на него весьма благоприятное впечатление. Повидимому, Огарев заинтересовался Ворожцовым как представителем нового, неизвестного ему ранее типа людей — типа делового человека, в котором недостаток образования **) компенсируется природной сметливостью и энергией. Из письма Огарева видно, что земская реформа, проведенная в России, по мнению Огарева, открывала широкое поприще для деятельности людей этого типа.

Письмо Огарева к Ворожцову представляет несомненный интерес для характеристики политических настроений Огарева в период после подавления польского восстания и ликвидации тайного общества «Земля и Воля». Вот это письмо:

И. П. В. [1]) 18 января (1865 г.)

Итак мои хлопоты о вашей встрече [2]), Иван Прокофьевич, кажется, были порожни, и я вам, пожалуй, только попусту помешал продолжать путь. Простите мне это за искреннее желание устроить встречу, которую я считал далеко не бесполезною. В том, что это время для нас идет не так, как нам бы его повернуть хотелось, не мы виноваты. Личная жизнь так прищиблена случайными обстоятельствами, что лишь бы пройти это время, спасая все, что можно спасти..., и опять стать на ноги! Да не об этом я хотел говорить. С тех пор, как вы уехали, я почти исключительно занимался чтением русских газет. Все газеты дали мне одинаковый результат: дворянство везде неохотно, туго принимается за земские учреждения (даже и судебную реформу ждет то же, т. е. мировые инстанции); оно устраняется. Оно пойдет поддерживать правительство в военной и гражданской администрации, т. е. как чиновничество, а общественным представителем, как бы ни было ограничено это представительство, не будет или будет очень вялое и редкое. Для меня это из газет очевидно; вместе с этим очевидно убеждение, что за общественные должности должны горячо схватиться разночинцы (купцы, семинаристы, университетцы и т. п.), ибо в этом явится путь: развитие понятия выборности, способов явной оппозиции, сближения со всеми слоями общества для всякой оппозиции. Пора, кроме литературного дела, которое вертится в крошечном кружку и наиболее указывает на идеалы, даже не всегда ясно выработанные, пора приняться за практический труд, который близко ли, далеко ли ставит свой идеал, но развивает случающиеся обстоятельства, без развития которых ни шагу нельзя шагнуть. — Но вы сами это хорошо понимаете и можете спросить, — зачем я это пишу? Затем, чтобы протянуть вам руку сочувствия, которая поддержала бы ваше убеждение, если встретятся люди, даже и хорошие, но смотрящие на дело с иной стороны... может, не с уясненной стороны. Кончу тем, что скажу вам: да, я страшно рад, что встретился с вами: я почувствовал растущую силу практического направления. — Жму руку вам и Л. [3]).

*) Моск. Архив Революции и Внешней Политики. Дело выс. учрежд. следств. комиссии, 1866 г. № 302, ч. IV.

**) Ворожцов говорил о себе на допросе: «Образования никакого в заведениях не получил, кроме как выучен азбуке и священной истории у священника».

Все, что у меня теснится в мозгу по этой задаче, я скажу вам в мартовском номере в 3-м письме к одному из многих [4]). Не знаю, этот один согласен со мной или нет, но этот взгляд следует выразить в непродолжительном времени. — Ну, прощайте. Кланяйтесь дома. Ваш *Н. О.*

Это письмо писал днем позже, чем хотел, ибо вчера был болен, как пес *).

Сообщил *Б. Козьмин.*

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Т. е. «Иван Прокофьевич Ворожцов».

[2]) На вопрос следственной комиссии, о какой встрече говорит Огарев, Ворожцов ответил, что Огарев обещал ему устроить встречу с одним фабрикантом, занимающимся изготовлением фосфора.

[3]) На вопрос об этом «Л.» Ворожцов показал: «Положительно должен сказать, что я пожимания рук никому не передавал, а по чистой совести показываю, что даже этого «Л.» в письме не заметил, так как оно написано очень мелким почерком, и, так как Огарев мне не сказывал ни одной фамилии, то это могло относиться только к Лапре [переводчик, ездивший с Ворожцовым за границу.— *Б. К.*], о котором я, вероятно, поминал, как о товарище путешествия, но который, не помню, чтоб был со мной у Огарева».

[4]) Огарев имеет в виду свою статью «К одному из многих (письмо третье)», появившуюся в № 196 «Колокола»; первые два письма были напечатаны в №№ 189 и 190.

А. С. Пушкин и гр. М. С. Воронцов.

Публикуемые ниже извлечения из дела коллегии иностранных дел «о коллежском секретаре Пушкине» за 1824 г. [1]) представляют собой семь документов, из которых четыре известны исследователям по копиям или отпускам, а три являются новостью и дают несколько новых деталей и штрихов к истории высылки Пушкина из Одессы.

Дело о высылке Пушкина освещает преимущественно роль графа Воронцова. Первое хронологическое упоминание о Пушкине, исходящее от Воронцова, находится в письме графа Воронцова начальнику штаба 2-й армии П. Д. Киселеву из Одессы от 6 марта 1824 г. Воронцов отражал здесь выдвинутые против него обвинения в том, что он поддается влиянию лиц неблагонадежных и склонных к беспорядкам. Обвинение, которое могло быть чреватым последствиями в 1824 г., когда император Александр уже был объят настроениями мрачного, реакционного мистицизма. Стараясь отгадать, кого имел в виду его обвинитель, Воронцов писал: «Относительно же тех людей (на которых намекают) я хотел бы, чтобы взглянули, кто находится при мне и с кем я говорю о делах. Если имеют в виду Пушкина и Александра Раевского, то по поводу последнего скажу вам, что я не могу помешать ему жить в Одессе, когда ему того хочется, но с тех пор, что мы говорили о нем с вами, я только елеле соблюдаю с ним формы, которые требует благовоспитанность в отношении старого товарища и родственника, и уж, конечно, мы никогда не разговариваем о делах или о назначениях по службе, — по всему, что до меня

[1]) Московский Архив Революции и Внешней Политики.

*) Воспроизводится по подлиннику в назв. деле след. ком., л. 2.

о нем доходит, он благоразумен и сдержан во всех своих речах и понимает, я полагаю, свое положение и, главным образом, тот вред, который он причинил своему отцу. Что же касается Пушкина, то я — говорю с ним не более 4 слов в две недели, он боится меня, так как знает прекрасно, что при первых дурных слухах о нем я отправлю его отсюда и что тогда уже никто не пожелает взять его на свою обузу; я вполне уверен, что он ведет себя много лучше и в разговорах своих гораздо сдержаннее, чем раньше, когда находился при добром генерале Инзове, который забавлялся спорами с ним, пытаясь исправить его путем логических рассуждений, а затем дозволял ему жить одному в Одессе, между тем как сам оставался в Кишиневе. По всему, что я узнаю на его счет и через Гурьева [1]), и через Казначеева [2]), и через полицию, он теперь очень благоразумен и сдержан; если бы было иначе, я отослал бы его и лично был бы в восторге от этого, так как я не люблю его манер и не такой уж поклонник его таланта — нельзя быть истинным поэтом, не работая постоянно для расширения своих познаний, а их у него недостаточно» [3]).

Отношения графа Воронцова к Пушкину обрисованы в этом письме ярко и точно. Он совсем невысоко ценит поэтический талант Пушкина, лично он ему неприятен весьма, и он был бы в восторге не видеть его около себя; отношения графа к поэту высокомерны: едва два слова в неделю процедит граф поэту. Он бы и отослал его, если бы поведение его не было благоразумно и сдержанно. Но Пушкин был знаком не только с графом Воронцовым, но и с графиней тоже. Об его увлечении графиней по Одессе говорили усиленно [1]). Прошло три недели, и отношение Воронцова к Пушкину круто переменилось. Надо сказать, что во второй половине марта Пушкин ездил из Одессы в Кишинев, а в начале апреля Воронцов с женой уезжает в свои именья в Белую Церковь. В сношениях Пушкина с Воронцовой происходит таким образом перерыв. В последние дни марта Воронцов принимает решение удалить Пушкина из Одессы. 28-м марта датировано письмо графа Воронцова графу Нессельроде — первый документ публикуемого нами дела. Этот документ был известен нам до сих пор лишь по копии или отпуску, сохранившемуся в деле новороссийского и бессарабского генерал-губернатора о высылке Пушкина. Дело это находится ныне в Одесском историческом архиве [2]). Текст подлинника публикуется здесь впервые. В копии имеется несколько разночтений, отвергнутых в окончательной беловой редакции. Так как нет никакого сомнения, что письмо если не составлено самим Воронцовым, то во всяком случае тщательно им проредактировано, отступления копии приобретают некоторый интерес для характеристики автора письма. Даем перевод подлин-

[1]) А. Д. Гурьев, граф, одесский градоначальник.

[2]) А. И. Казначеев, — правитель канцелярии гр. Воронцова.

[3]) «Пушкин и его современники», вып. XXXVII, стр. 140.

[1]) См. «Пушкин. Статьи и материалы», III, Одесса, 1927. Здесь в статьях о Воронцовых Е. К. и М. С. точно установлены хронологические даты некоторых моментов общения Пушкина с Е. К. Воронцовой. Я основываюсь на датах этой работы.

[2]) Полностью в русском переводе с отпуска письмо напечатано впервые в 1875 г. в Лейпциге, в издании Э. Л. Каспровича «Материалы для биографии Пушкина» (стр. 35—37) и в России — в «Русск. старине» 1879, октябрь, стр. 292—293. Французский текст отпуска напечатан впервые в 1899 г. в «Ведомостях одесского градоначальства» (№ 102).

ника (на франц. языке), отмечая в примечаниях варианты черновика.

«Его сиятельству графу Нессельроде.

Одесса, 24 марта 1924 г.

Граф! Ваше сиятельство осведомлены об основаниях, по которым молодой Пушкин был послан несколько времени тому назад с письмом графа Каподистрии к генералу Инзову. При моем приезде сюда этот генерал, если можно так выразиться, вручил его мне, и он жил с тех пор постоянно в Одессе, где находился еще до моего прибытия и в то время, когда генерал Инзов был в Кишиневе. Никоим образом я не приношу жалоб на Пушкина, справедливость даже требует сказать, что он кажется гораздо сдержаннее и умереннее, чем был прежде, но собственный интерес молодого человека, не лишенного дарований, недостатки которого происходят, по моему мнению, скорее от головы, чем от сердца, заставляют меня желать, чтобы он не оставался в Одессе. Основной недостаток г. Пушкина — это его самолюбие. Он находится здесь и за купальный сезон приобретает еще множество восторженных поклонников своей поэзии, которые, полагая, что выражают ему дружбу лестью, служат этим ему злую службу, кружат ему голову и поддерживают в нем убеждение, что он замечательный писатель, между тем он только слабый подражатель малопочтенного образца (лорд Байрон), да кроме того, только работой и усидчивым изучением истинно великих классических поэтов он мог бы оправдать те счастливые задатки, в которых ему нельзя отказать [1]). Удалить его отсюда — значит оказать ему истинную услугу. Возвращение к генералу Инзову не поможет ничему, ибо все равно он будет тогда в Одессе, но без надзора [1]). Кишинев так близко отсюда, что ничто не помешает этим же почитателям поехать туда; да и, наконец, в самом Кишиневе он найдет в боярах и в молодых греках достаточно скверное общество.

По всем этим причинам я прошу ваше сиятельство испросить распоряжений государя по делу Пушкина. Если бы он был перемещен в какую-нибудь другую губернию, он нашел бы для себя среду менее опасную и больше досуга для занятий. Я повторяю, граф, исключительно в его интересах я обращаюсь с этой просьбой. Я надеюсь, что моя просьба не будет истолкована ему во вред, и убежден, что, только согласившись со мною, ему можно будет дать более средств обработать его рождающийся талант, удалив в то же время от того, что может ему сделать столько зла.

Я говорю о лести и о столкновении с сумасбродными и опасными идеями.

Имею честь быть с глубоким уважением вашего сиятельства преданнейший и покорнейший слуга

Граф Михаил Воронцов.

Сравнивая это письмо к Нессельроде с письмом к Киселеву, написанным тремя неделями раньше, нельзя не отметить совпадения: и там и здесь отмечается умеренность и сдержанность Пушкина и необходимость для него усидчивого труда и расширения познаний. Но Воронцов в письме к Киселеву обещал отправить Пушкина при первых дурных слухах. Но никаких таких мотивов в письме к Нессельроде, новых по сравнению с отзывом в письме к Киселеву, Воронцов не указывает. Он умоляет только об одном, чтобы Пушкин был удален из Одессы; почти не скрывая своего лицемерия, он пытается убедить министра

[1]) В копии зачеркнут конец фразы: «и стать отличным писателем».

[1]) В копии иначе: «ибо это вовсе не удалит его от Одессы, и в таком случае он останется вне моего надзора».

и царя, что просьба его вызвана исключительно заботами о благе Пушкина. Но что произошло за эти три недели? Произошел перерыв общения, и Воронцов решил его продлить хотя бы ценой доноса. Возбудив вопрос об удалении Пушкина, Воронцов проявляет необычайную настойчивость и стремительность. Помимо официального обращения к Нессельроде Воронцов пытается воздействовать в этом вопросе и через своего клеврета в Петербурге, друга и благоприятеля Н. М. Лонгинова, занимавшего место управляющего канцелярией жены Александра I Елисаветы Алексеевны. 8 апреля Воронцов из Белой Церкви сообщал Лонгинову: «Я писал к гр. Нессельроду, прося, чтоб меня избавили от поэта Пушкина. — На теперешнее поведение его я жаловаться не могу, и, сколько слышу, он в разговорах гораздо скромнее, нежели был прежде, но, первое, ничего не хочет делать и проводит время в совершенной лености, другое — таскается с молодыми людьми, которые умножают его самолюбие, коего и без того он имеет много; он думает, что он уже великой стихотворец, и не воображает, что надо бы еще ему долго почитать и поучиться прежде, нежели точно будет человек отличной. В Одессе много разного сорта людей, с коими едакая молодежь охотно видится, и, желая добро самому Пушкину, я прошу, чтоб его перевели в другое место, где бы он имел и больше времени, и больше возможности заниматься, и я буду очень рад не иметь его в Одессе...» [1]). Но никакого движения по делу Пушкина не было, и 29 апреля Воронцов вновь напоминает Лонгинову: «О Пушкине не имею еще ответа от гр. Нессельроде, но надеюсь, что меня от него избавят. Сегодня ввечеру отправляюсь в Кишинев дней на пять». Из Кишинева Воронцов писал 2 мая графу Нессельроде о наводнявших Молдавию греческих выходцах, подозрительных для русского правительства, и об установлении за ними секретного наблюдения. По этому случаю он возобновил свое ходатайство об удалении Пушкина: «По этому поводу я повторяю мою просьбу — избавьте меня от Пушкина; это, может быть, превосходный малый и хороший поэт, но мне бы не хотелось иметь его дольше ни в Одессе, ни в Кишиневе. Прощайте, дорогой граф» [1]). А через два дня 4 мая Воронцов из Кишенева же снова инспирировал Лонгинова: «Казначеев мне сказывал, что Туманский [чиновник Воронцова, поэт и приятель Пушкина] уже получил из П[етер]бурга совет отдаляться от Пушкина, и я сему очень рад, ибо Туманский — молодой человек очень порядочный и совсем не Пушкинова разбора. Об эпиграмме, о которой вы пишете, в Одессе никто не знает, и, может быть, П. ее не сочинял; впрочем нужно, чтоб его от нас взяли, и я о том еще Нессельроду повторил».

Время шло. Пушкин, ничего не подозревавший, пребывал в Одессе. В конце апреля вернулись в Одессу Воронцовы, и нетерпение графа Воронцова росло с каждым днем. В середине мая Воронцов назначил свой отъезд с семьей в Крым, но болезнь дочери помешала поездке и держала его и жену в Одессе. Воронцов должен был удалить Пушкина во что бы то ни стало. Тогда он прибегнул к необычайному способу и использовал свою власть начальника в личных целях. Пушкин считал себя числящимся на службе лишь номинально, да так смотрели на его службу и все его начальники. В письме, о котором будет сейчас речь, к А. И. Казначееву Пушкин

[1]) Письма Н. М. Лонгинова, хранящиеся в «Пушкинском доме», использованы у Б. Л. Модзалевского: «Пушкин», 1929, стр. 84—85.

[1]) «Пушкин и его современники», XVI, стр. 68, в статье Н. О. Лернера.

говорил о себе: «7 лет я службою не занимался, не написал ни одной бумаги, не был в сношении ни с одним начальником». Поэтому Пушкина не могло не уколоть и не огорошить неожиданно полученное им предписание графа Воронцова от 22 мая 1824 г. за № 7975: «Желая удостовериться о количестве появившейся в Херсонской губернии саранчи, равно и том, с каким успехом исполняются меры, преподанные мною к истреблению оной, я поручаю вам отправиться в уезды Херсонской, Елисаветградский и Александрийский. По прибытии в город Херсон, Елисаветград и Александрию, явитесь в тамошние общие уездные присутствия и потребуйте от них сведения: в каких местах саранча возродилась, в каком количестве, какие учинены распоряжения к истреблению оной и какие средства к тому употребляются. После сего имеете осмотреть важнейшие места, где саранча наиболее возродилась, и обозреть, с каким успехом действуют употребленные к истреблению оной средства и достаточны ли распоряжения, учиненные уездными присутствиями.

Обо всем, что по сему вами найдено будет, рекомендую донести мне» [1]).

Пушкин весьма оскорбился, возмутился крайне и почувствовал, что он должен протестовать, но как? Не подчиниться приказу начальника, потребовать отставки? Сохранились в бумагах Пушкина два черновика его письма к правителю воронцовской канцелярии А. И. Казначееву, верноподданному чиновнику. В этом письме, писанном в день получения предписания, 22 мая, Пушкин сдерживает волнующие его чувства. Излагая свой взгляд на свою службу, Пушкин остерегается сделать решительный вызов. «Будучи совершенно чужд ходу деловых бумаг, не знаю, вправе ли о т о з в а т ь с я на предписание его сиятельства»... как будто бы Пушкин и не думает о н е п о д ч и н е н и и приказу! «Знаю, что довольно этого письма, чтоб меня, как говорится, уничтожить. Если граф прикажет подать в отставку, я готов; но чувствую, что, переменив мою зависимость, я много потеряю, а ничего выиграть не надеюсь»... как будто в этих словах Пушкин отклоняет от себя инициативу в вопросе об отставке! Кончается письмо жалобным воплем, ссылкой на неизлечимую болезнь — аневризм: «ужели нельзя оставить меня в покое на остаток жизни, которая, верно, не продлится?» [1]) Во всяком случае предписание Воронцова было им выполнено, и в командировку он отправился. Впоследствии, месяца через два, когда угроза высылки стала реальной, княгиня В. Ф. Вяземская, с 7 июня жившая в Одессе и установившая с Пушкиным дружеские и откровенные отношения, писала мужу о Пушкине: «Он виноват только в некотором ребячестве и довольно справедливой досаде за то, что его послали на открытие саранчи, а все же он послушался» [2]). В командировку Пушкин отправился 23 мая; в этот день он расписался в получении 400 рублей прогонных денег [3]). Но Воронцов обманулся в своих ожиданиях. Если принять во внимание обширность территории, на которой должен был действовать Пушкин (Херсон, Александрия, Елисаветград), и

[1]) История командировки Пушкина «на саранчу» освещена на основании подлинного дела о саранче в статье Г. Сербского «Дело о саранче». Статья появится на страницах издания «Пушкин и его современники». Ознакомлением с этой статьей обязан любезности автора.

[1]) «Пушкин. Письма». Ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, стр. 77—80. Дата, приведенная редактором — 25 мая, — непонятна.

[2]) Остафьевский архив, т. V, вып. I, стр. 130.

[3]) «Пушкин. Статьи и материалы», I, Одесса, 1925, стр. 50.

крупные размеры суммы, полученной им на прогоны, то надо думать, что Пушкину была предложена командировка значительной длительности. Очевидно, в расчеты Воронцова входило продержать Пушкина возможно дольше вне Одессы, пока не придет решение из Петербурга. Но Пушкин в конце мая был уже в Одессе: в «Journal d'Odessa» от 2 июня 1824 г. в числе прибывших 31 мая в Одессу значится «коллежский секретарь Пушкин» [1]). Максимальная длительность командировки — неделя, но в этот срок предписание Воронцова не могло никак быть выполнено, даже при бешеной езде на почтовых.

Итак Пушкин опять оказался около Воронцова. Но как раз в это время Воронцов уже читал датированное 16 мая и шедшее до Одессы недели две (не больше) письмо от графа Нессельроде: «Я представил императору ваше письмо о Пушкине. Он был вполне удовлетворен тем, как вы судите об этом молодом человеке, и дал мне приказание уведомить вас о том официально. Но что касается того, что окончательно предпринять по отношению к нему, он оставил за собою дать свое повеление во время ближайшего моего доклада» [2]). Сообщение не очень ясное: правда, оно не предвещало ничего хорошего для Пушкина, но в то же время не подавало графу Воронцову категорической надежды на устранение Пушкина из Одессы. Воронцову надо было нажимать. У Пушкина возникала мысль об отставке, но он не привел ее в исполнение немедленно по получении приказа о командировке. Мы не знаем, что произошло по возвращении Пушкина из командировки, в промежуток до 8 июня. Княгиня Вяземская писала мужу (19 июля): «Пушкин, был там [«на саранче»] и, вернувшись, подал в отставку, так как самолюбие его было уязвлено» [1]).

Сам Пушкин излагал свое дело в письме к князю П. А. Вяземскому (от конца июня): «Я поссорился с Воронцовым и завел с ним полемическую переписку, которая кончилась с моей стороны просьбой в отставку, — но чем кончат власти, еще неизвестно. Тиверий рад будет придраться; а европейская молва о европейском образе мыслей графа Сеяна обратит всю ответственность на меня. Покамест не говори об этом никому. А у меня голова кругом идет» [2]). Позже, 14 июля, Пушкин писал А. И. Тургеневу: «Вы уж узнали о просьбе моей в отставку; с нетерпеньем ожидаю решения своей участи и с надеждой поглядываю на ваш север. Не странно ли, что я поладил с Инзовым, а не мог ужиться с Воронцовым; дело в том, что он начал вдруг обходиться со мною с непристойным неуважением; я мог дождаться больших неприятностей и своей просьбой предупредил его желания. Воронцов — вандал, придворный хам и мелкий эгоист. Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое» [3]).

---

[1]) Н. О. Лернер, «Труды и дни Пушкина», 2-е изд., СПБ. 1910, стр. 98. Не представляется возможным установить раннюю дату возвращения Пушкина на основании сообщения М. Ф. Орлова в письме к жене от 29 мая: «Пушкин был послан на саранчу. Он воевал с нею, и, после весьма трудной кампании, вчера вернулся, отступив пред несметным неприятелем» («Былое», 1906, октябрь, стр. 308). Надо обратить внимание, что письмо Орлова писано из К и е в а. Каким образом 29 мая Орлов из Киева мог сообщать, что Пушкин вернулся в Одессу 28 мая?

[2]) Архив кн. Воронцова, кн. 40, стр. 12.

[1]) Остафьевский арх., т. V, в. II, стр. 131.

[2]) Под полемической перепиской надо понимать переписку с Казначеевым: едва ли Пушкин вел ее непосредственно с графом.

[3]) «Пушкин. Письма». Ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, стр. 85 и 88.

Прошение Пушкина об отставке до сих пор не было известно исследователям. Оно находится в названном выше деле и печатается впервые. Вот его текст:

«Всепресветлейший, державнейший, великий государь император Александр Павлович, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший.

Просит коллежский секретарь Александр Пушкин, а о чем, тому следуют пункты:

I.

Вступив в службу вашего императорского величества из Царско-сельского лицея с чином коллежского секретаря в 1817 году, июня 17 дня, в коллегии иностранных дел продолжал оную в Санкт-Петербурге до 1820 году, потом во..ею вашего императорского величества откомандирован был к уполномочному наместнику Бессарабской области.

II.

Теперь, по слабости здоровья не имея возможности продолжать моего служения, всеподданнейше прошу.

III.

Дабы высочайшим вашего императорского величества указом повелено было сие мое прошение принять и меня, вышепоименованного, от службы уволить.

IV.

Всемилостивейший государь, прошу ваше императорское величество о сем моем прошении решение учинить. июня . . . дня 1824 года. Одесса.

К подаче подлежит через Новороссийского генерал-губернатора и полномочного наместника Бессарабской области в государственную коллегию иностранных дел.

Сие прошение сочинял и писал коллежский секретарь Александр Сергеев сын Пушкин» [1]).

8 июня просьба Пушкина находилась в руках Воронцова и на другой же день (какая спешка!) была препровождена графу Нессельроде при следующем письме Воронцова (на франц. языке), тоже впервые нами печатаемом. Даем перевод.

Одесса, 9 июня 1824.

Дорогой граф,

Пушкин представил прошение об отставке. Не зная, по справедливости, как поступить с этой просьбой, и необходимо ли представить свидетельство о болезни, я посылаю вам ее в частном порядке и настоятельно вас прошу либо дать ей ход, либо мне ее возвратить, в зависимости от того, как вы рассудите. И в последнем случае благоволите мне сказать, должна ли она быть ему возвращена, или же она должна быть сопровождена аттестатом и послана по форме.

...Ваш Воронцов».

В сущности прошение Пушкина могло быть и лишним в деле, но повредить ему должно было. Воронцов сознавал это: извилистый тон его письма достаточно свидетельствует об этом. И, притом, как прав был Пушкин: при собственноручном прошении об отставке ответственность падала на него, а не на Воронцова. О перенесении ответственности именно на Пушкина постарался и верноподданный правитель канцелярии А. И. Казначеев. Не без инспирации со стороны графа — нужно так думать. Казначеев письменно выразил Пушкину огорчение по поводу подачи прошения и сожаление по поводу могущих быть последствий. Сохранился черновик ответа Пушкина:

[1]) На подлиннике помета: «Пол. 8 июня 1824 г.».

«Что касается ваших опасений относительно последствий, которые может повлечь эта отставка, то я не нахожу их основательными... Вы говорите мне о покровительстве и о дружбе — двух вещах, по моему мнению, несовместимых. Я не могу, да и не хочу претендовать на дружбу графа Воронцова, еще менее — на его покровительство, ничто, сколько я знаю, не принижает более, чем покровительство, и я слишком уважаю этого человека, чтобы пожелать унижаться перед ним. У меня есть на этот счет демократические предрассудки, которые стоят предрассудков аристократической гордости. Я жажду только независимости... Я устал зависеть от хорошего или дурного пищеварения того или другого начальника. Мне наскучило, что ко мне в моем отечестве относятся с меньшим уважением, чем к первому попавшемуся дураку, мальчишке-англичанину, который является к нам, чтобы среди нас проявить свою (зачеркнуто: глупость) плоскость (зачеркнуто: небрежность) и свое бормотанье. Нет никакого сомнения, что граф Воронцов, — человек умный, — сумеет (зачеркнуто: сделать меня виновным) выставить меня в глазах общественного мнения виноватым: победа весьма лестная, — и я предоставляю ему наслаждаться ею в свое удовольствие, ибо так же мало забочусь об общественном мнении, как и о брани и о восторгах наших журналов». Последняя фраза о Воронцове была повторена, как мы видели, в письме к Вяземскому. Пушкин и не подозревал в этот момент, что участь его была предрешена Воронцовым еще в марте месяце, не подозревал того деятельного обмена письмами, который шел между Одессой и Петербургом, но одно он знал: просьба, поданная им как будто бы и добровольно, в действительности вынуждена образом действий Воронцова. Не разгадывал Пушкин и мотива, руководившего Воронцовым: ему казалось, что цель Воронцова — в уязвлении его самолюбия — и только, но он не предполагал, что основная цель действий — непременное удаление его, Пушкина, из Одессы, из пределов генерал-губернаторства. И тут, конечно, в Воронцове говорил не наместник края, а муж, имевший основания опасаться близости, создавшейся между его женой и Пушкиным. Не будет далеким от истины предположение, что Пушкин не представлял себе размеров осведомленности графа Воронцова об интимных своих делах. Не ревность возбуждала активность мужа, а честолюбие высокопоставленного вельможи. Любовный быт четы Воронцовых отличался необычайной распущенностью — в духе времени. По свидетельству современников, «жена Воронцова не отличалась семейными добродетелями и так же, как и муж, имела связи на стороне» [1]). Приведу красноречивую цитату из неизданных воспоминаний другого современника, барона А. К. Боде, хорошо знавшего Воронцовых как раз в пушкинские времена: «Граф Воронцов очень любезен, когда захочет, но, по упорно мстительному его нраву, не дай бог попасться ему в когти, когда он на кого думает иметь право быть в претензии, хотя бы то было и без всякого основания... Графиня Воронцова — женщина светская, очень любезная и любит заняться любовниками, на что ее муж вовсе не в претензии; напротив того, он покровительствует их, потому что это доставляет ему свободу заняться беспрепятственно любовницами». Мотивировка покровительства, может быть, и неверна, а в случае — предположительном — с Пушкиным, может быть, и неприемлема: слишком велико было расстояние между вельможей и ссыльным поэтом. О Воронцове можно сказать, что и до

[1]) «Русский архив», 1913, I, стр. 355—358.

сих пор он еще не разоблачен окончательно, особенно у пушкинистов. Уж слишком давил он исследователей авторитетом имени, сана, богатства, английского воспитания, и они никак не могли принять полностью на сто процентов высказывания о нем Пушкина: «Полугерой, полуневежда, к тому ж еще полуподлец!.. Но тут однако ж есть надежда, что полный будет, наконец».

14 июня Воронцовы, наконец, покинули Одессу. Свою роль Воронцов сыграл. С момента доклада (в первой половине мая) письма Воронцова, о судьбе Пушкина стал думать сам царь, и роль Александра I — не последняя в драме высылки поэта. С характеристикой неблагонадежного поэта, данной Воронцовым, царь был согласен, но разрешение вопроса о каре Пушкину оставил до ближайшего доклада. 27 июня граф Нессельроде сообщил Воронцову о дальнейшем высочайшем движении по делу Пушкина: «Император решил и дело Пушкина: он не останется при вас; при этом его императорскому величеству угодно просмотреть сообщение, которое я напишу вам по этому предмету, что может состояться лишь на следующей неделе, по возвращении его из военных поселений» [1]). Воронцов мог быть доволен: Пушкина от него убирали. Но, куда будет направлен Пушкин, еще не было известно.

Друг и покровитель Пушкина в Петербурге Александр Иванович Тургенев в конце июня узнал о бедах, которые стряслись над головой Пушкина, и бросился помогать. «Граф Воронцов, — писал он князю П. А. Вяземскому 1 июля, — прислал представление об увольнении Пушкина. Желая, coûte, qui coûte, оставить его при нем, я ездил к Нессельроде, но узнал от него, что это уже невозможно; что уже несколько раз, и давно, граф Воронцов представлял о сем et pour cause; что надобно искать другого мецената-начальника. Долго вчера толковал я о сем с Севериным, и мысль наша остановилась на Паулуччи, тем более что Пушкин — и псковский помещик. Виноват один Пушкин. Графиня его отличала, отличает, как заслуживает талант его, но он рвется в беду свою. Больно и досадно! Куда с ним деваться?» [1]) Вяземский, по письмам жены из Одессы, представлял себе дело иначе и полагал, что инициатива в вопросе об отставке исходила от Пушкина. Отвечая 7 июля Тургеневу на его письмо, Вяземский процитировал из письма жены от 13 июня: «Ничего не могу тебе сказать хорошего о племяннике Василия Львовича; это сумасбродная голова, которая никого не признает; он наделал новых глупостей; после чего попросил об отставке: во всем виноват он сам. Я знаю из хорошего источника, что он отставки не получит. Я делаю все возможное, чтобы его успокоить, браню его за тебя, уверяя его, что ты, конечно, первый осудил бы его; его последние проказы — поступки ветренника. Он высмеял важную для него персону, об этом узнали и теперь на него косятся, что и понятно. Он меня очень огорчает, так как я ни в ком не встречала столько легкомыслия и наклонности к злословию, как в нем; вместе с тем я думаю, что у него доброе сердце и что он большой мизантроп; не то, чтобы он избегал общества, но он боится людей; это, может быть, результат несчастья и вина родителей, которые сделали его таким». Любопытно, что в своей цитате Вяземский опустил слова, набранные у нас разрядкой, об осмеянии Пушкиным важной персоны, т. е., конечно, Воронцова. А приведя цитату, Вяземский добавил: «Разумеется, будь осторожен с этими

[1]) Архив Воронцова, кн. 40, стр. 14.

[1]) Остафьевский архив, т. III, стр. 57.

выписками. Но, видно, дело так повернули, что не он просится: это неясно! Грешно, если над ним уже промышляют и лукавят. Сделай одолжение, попроси Северина устроить что можно, к лучшему. Он его, кажется, не очень любит: тем более должен стараться спасти его; к тому же, верно, уважает его дарование, а дарование не только держава, но и добродетель». На это письмо Тургенев ответил 15 июля: «Письмо твое от 7 июля получил. О Пушкине ничего еще не знаю, ибо не видел ни Нессельроде, ни Северина. Последний совершенно отказался принимать участие в его деле, да ему и делать нечего. Решит, вероятно, сам государь; Нессельроде может только надоумить. Спрошу его при первом свидании. Вчера пронесся здесь слух, что Пушкин застрелился; но из Одессы этого с вчерашней почтой не пишут, да и ты бы от жены лучше знал» [1]).

Публикуемое нами дело приносит неизвестный еще документ, свидетельствующий о моменте, нашедшем отражение в письме Тургенева. Это маленькая справка о семье А. С. Пушкина, предлагавшая материал для решения вопроса (даем ее в переводе с франц.):

«Г. Александр Пушкин, сын Сергея Львовича Пушкина, некогда исполнявшего должность чиновника комиссариата, где он имел чин 5-го класса, и в настоящее время отставленного от службы. У него должна быть недвижимость в Псковской губернии. Мать его, госпожа Пушкина — урожденная Ганнибал.

«Это фамилия мало состоятельная, и молодой Пушкин, ничего не получая от своих родителей, был вынужден жить на свое скромное жалование в 700 рублей в год и на доходы со своих сочинений».

Когда Александр Павлович придумывал кару Пушкину, пред ним лежало не только представление Воронцова, но еще добытая путем перлюстрации выписка из письма Пушкина. Вот эта выписка:

«Читая Шекспира и Библию, святый дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира. Ты хочешь знать, что я делаю — пишу пестрые строфы романтической поэмы и беру уроки чистого афеизма. Здесь англичанин, глухой философ, единственный умный афей, которого я еще встретил. Он исписал листов 1000, чтобы доказать qu'il ne peut exister d'être intelligent crèateur et règulateur, мимоходом уничтожая слабые доказательства бессмертия души. Система не столь утешительная, как обыкновенно думают, но, к нещастию, более всего правдоподобная».

Письмо в подлиннике нам неизвестно; самая же выписка стала известна по копии, присланной графом Нессельроде Воронцову и полностью оглашена в помянутом выше лейпцигском издании «Материалы для биографии Пушкина», в 1875 г. [1]). Перлюстрированный отзыв Пушкина об «афеизме» сыграл, конечно, известную роль в решении царя, но замечательно то, что перлюстрация совершенно затушевала роль Воронцова. Сам Пушкин искренне и простодушно приписывал свою ссылку этой перлюстрации. «Я сослан за строчку глупого письма...» (письмо к Жуковскому от 29 ноября 1824 г.). «Покойный император сослал

[1]) Остафьевский арх., т. III, стр. 57—59.

[1]) Затем полностью выписка напечатана в «Русской старине» 1879 г. и в 1899 г. в «Русской старине», т. 98, стр. 245, и в «Ведомостях Одесского градоначальства». В публикациях до 1899 г. начало выписки читалось так: «читая библию» и только в 1899 г. было дано правильное чтение «читая Шекспира и библию», но зато в «Ведомостях» была сделана новая ошибка: «предпочитаю Гейне и Шекспира». Публикуемая нами выписка, повидимому, подлинная, т. е. поступившая от почт-директора.

меня в деревню за две строчки нерелигиозности... Его величество, исключив меня из службы, приказал сослать в деревню за письмо, писанное три года тому назад, в котором находилось суждение об афеизме» (письмо к Жуковскому 7 марта 1826 г.). Уже в ноябре 1824 г., как видим, Пушкин уже знал о перлюстрированном письме, о выписке из него. Где же он мог познакомиться с ней? Конечно, в Одессе, в канцелярии генерал-губернатора, которому копия выписки была прислана. Эта выписка и заслонила инициативу графа Воронцова.

В Одессе Пушкин и его друзья еще долго ничего не знали о конце дела Пушкина. 18 июля Вяземская писала мужу: «Мы ничего не знаем, что происходит в Петербурге по поводу него». А 19 июля поясняла: «Из-за отсутствия гр. Воронцова мы ничего о нем не знаем». Воронцовы отсутствовали из Одессы с 14 июня. 23 июля вернулась графиня Воронцова, а 27 июля Вяземская писала мужу: «Мы продолжаем ничего не знать про судьбу Пушкина. Даже графиня знает, что и ты, что он должен уехать из Одессы. Ее муж просто сказал, что в Одессе ничего нельзя было сделать для него, но мы не знаем, чем это кончится» [1]).

Но как раз в это время это уже кончалось. 6 июля на Каменном острове, в Елагином дворце, Александр I просмотрел проект письма, написанного Нессельроде графу Воронцову, и одобрил его. 11 июля письмо было подано на подпись Нессельроде и в тот же день отправлено в Одессу. В руках Воронцова оно было 24—25 июля. В публикуемом здесь деле письмо находится в «отпуске». Подлинник его — в названном деле новороссийского и бессарабского генерал-губернатора. Даем перевод документа.

«Граф, я не преминул представить государю письма, которые ваше сиятельство мне направили, по поводу коллежского секретаря Пушкина. Его величество в полной мере одобрил предложение удалить его из Одессы, вследствие соображений весьма справедливых, на которых вы основывались и которые за это время получили подтверждение еще другими сообщениями об этом молодом человеке, дошедшими до его величества.

Совокупность обстоятельств обнаруживает, к несчастью, в настоящее время, что он далек от отречения от дурных принципов, которые таким губительным образом отметили его первые шаги на общественном поприще.

Вы в этом убедитесь, граф, пробегая прилагаемое при сем письмо, которое его величество поручил мне сообщить вам и о котором московская полиция поставлена в известность вследствие той огласки, которую оно получило.

Вследствие этого император, дабы дать почувствовать ему всю тяжесть его вины, приказал мне вычеркнуть его из списка чиновников министерства иностранных дел, мотивируя это исключение недостойным его поведением. С другой стороны, его величество не считает возможным согласиться предоставить его самому себе, так как, не будучи немедленно подвергнут наблюдению, он будет пытаться, без сомнения, распространять в той или иной степени опасные взгляды, которые он исповедует, и этим самым поставит правительство в необходимость применить к нему, наконец, строжайшие меры.

Чтобы отдалить насколько возможно эти последствия, его величество не соизволил ограничиться исключением его со службы, но почел нужным выслать его в имение, которым его родители владеют в Псковской губернии, и водворить его там под надзор местных властей. Да благоволит ваше сиятельство поставить в известность гос-

[1]) Остафьевский архив, т. V, вып. II, стр. 127, 136.

подина Пушкина обо всех решениях, которые его касаются; наблюсти, чтобы они были выполнены со всею точностью, и отправить его без промедления в Псков, обеспечив ему путевые издержки.

Примите, граф, уверение в моем высоком уважении»...

Итак, Александр I пошел дальше Воронцова: он не только удалил Пушкина из Одессы, но исключил со службы, правда номинальной, и изолировал его в псковской деревне. Весть о высылке Пушкина разнеслась по Петербургу и Москве довольно скоро. Уже 31 июля Вяземский сообщал так: «Из Петербурга пишут, что он выключен из службы, и велено ему жить у отца в деревне. Правда ли? Надобно было дарование уважать! Грустно и досадно». А 5 августа Тургенев писал Вяземскому: «Ты уже знаешь, что Пушкин отставлен; ему велено жить в псковской деревне отца его под надзором Паулуччи. Это не по одному представлению графа Воронцова, а по другому делу, о котором скажу после, на словах. О приезде его туда еще ничего не слышно, и не знаю еще, приехал ли?» [1])

«Решительное» письмо Нессельроде было получено графом Воронцовым в отсутствие его из Одессы. Немедленно он предписал одесскому градоначальнику привести в исполнение волю царя. 29 июля эта воля была объявлена Пушкину. С него взята была следующая подписка:

«Нижеподписавшийся сим обязывается, по данному от г. одесского градоначальника маршруту, без замедления отправиться из Одессы к месту назначения в губернский город Псков, не останавливаясь нигде на пути по своему произволу, а по прибытии в Псков явиться лично к г-ну гражданскому губернатору. Одесса, 29 дня 1824 г. Коллежский секретарь А л е к с а н д р П у ш к и н.

По маршруту от Одессы до Пскова исчислено верст 1621. На сей путь прогонных на три лошади триста восемьдесят девять рублей четыре копейки получил коллежский секретарь А л е к с а н д р П у ш к и н».

Псковская губерния находилась в то время в составе Рижского военного генерал-губернаторства. Управлявший Прибалтийским краем и Псковской губернией маркиз Паулуччи был уже предупрежден о прибытии Пушкина письмом от 12 июля (последний документ нашего дела). Даем перевод документа.

«Господин маркиз.

Император повелевает мне препроводить вашему превосходительству прилагаемую копию депеши, отправленную мною господину новороссийскому генерал-губернатору касательно коллежского секретаря Пушкина, который несколько лет тому назад был сослан в полуденные края империи за некоторые заблуждения, в которых он провинился в Петербурге. Надеялись, что с течением времени удаление от столицы и в связи с тем деятельность, которую могла предоставить этому молодому человеку служба, сначала при генерале Инзове и потом при графе Воронцове, будут в состоянии привести его на стезю добра и успокоят избыток воображения, к несчастью не всецело посвященного развитию русской литературы — природному призванию г-на Пушкина, которому он уже следовал с величайшим успехом. Ваше превосходительство усмотрите, прочитав бумаги, которые я имею честь вам сообщить, что это ожидание не оправдалось. Император убедился, что ему необходимо принять по отношению к г-ну Пушкину некоторые новые меры строгости, и, зная, что его родные владеют недвижимостью в Псковской губернии, его величество положил сослать его туда, вверяя его вашим, господин маркиз, не-

[1]) Остафьевский архив, т. III, стр. 66.

усыпным заботам и надзору местных властей. От вашего превосходительства будет зависеть, по прибытии молодого Пушкина в Псков, дать этому решению его величества наиболее соответствующее исполнение.

Примите, господин маркиз, уверение в моем высоком уважении

Нессельроде.»

В деле сохранился отпуск письма, а подлинник его находится в деле о высланном из столицы коллежском секретаре Пушкине, хранившемся раньше в архиве Рижского военного генерал-губернаторского управления, которое в 1900 г. поступило в Публичную библиотеку в Петербурге [1]).

Отпуском письма графа Нессельроде маркизу Паулуччи заключается «дело коллегии по иностранным делам о коллежском секретаре Пушкине» за 1824 г.

П. Щеголев.

Новый рассказ о казни декабристов.

Этот рассказ взят из недавно найденной рукописи записок декабриста Н. И. Лорера. Записки никогда не выходили отдельным изданием — они печатались отдельными частями в старых журналах («Русский архив» 1874 г. и «Русское богатство» 1904 г.). Царская цензура — или издатели в угоду ей — неузнаваемо изуродовали текст: страницами выбрасывались интереснейшие места мемуаров, искажался смысл отдельных фраз, неугодных цензуре, и т. д. Выпущен, например, эпизод прощания декабриста с солдатами, ряд мест, касающихся А. С. Пушкина, и многие другие. Выпущен был и рассказ о казни декабристов, ныне печатающийся впервые. В опубликованном «Русским богатством» тексте сохранились лишь небольшие фрагменты начала и конца этого рассказа, воспроизводимые здесь для полноты картины вместе с вычеркнутым цензурой текстом.

Этот рассказ дает нам неизвестные ранее живые подробности события. Он превосходит многие известные описания казни полнотой и своеобразной художественностью, не свободной от налета сентиментального пафоса и романтики, столь свойственного эпохе. Запечатлелся в рассказе и ряд черточек, характерных для дворянского происхождения декабристов и связи их с господствующим классом — молитвы «за царя», сентиментальная религиозность, уверенность в благородстве будущего шефа жандармов Бенкендорфа и т. д.

Поясним отдельные детали и имена: генерал-адъютант Александр Иванович Чернышев — ненавистный декабристам участник Следственной комиссии по их делу, изо всех сил старавшийся угодить торжествовавшему победу самодержавию. Николай I щедро расплатился со своим преданным слугой, «пожаловав» ему графское достоинство в день коронации и поставив на долгое время во главе военного министерства. Член Общества соединенных славян декабрист Иванов, комиссариатский чиновник, «родом из почтальонских детей», был, как и большинство «славян», своего рода «плебеем» среди декабристов и бросился в глаза Лореру. Унтер-офицер Соколов — тюремный служитель, выразивший человеческое отношение к Лореру. Эпизод с Александром Муравьевым объясняется тем, что он ушел из тайного общества декабристов еще в 1819 г., и верховный уголовный суд «по уважению» совершенного и искреннего раскаяния приговорил его к ссылке в Сибирь без ли-

[1]) Подлинный текст документа издан Н. О. Лернером в «Русской старине» 1908, октябрь, стр. 109—110.

шения чинов и дворянства, — поэтому в церемонии этого лишения А. Муравьев и не должен был участвовать. По всеподданнейшему донесению петербургского генерал-губернатора сорвались с виселицы Рылеев, Каховский и Муравьев-Апостол, а не Пестель, Рылеев и Муравьев, как сказано в публикуемом тексте. Римские-Корсаковы, о которых идет речь в конце, были родственниками, но не братьями. Они оставили тайное общество в 1821 г., и поэтому их участие в нем было «высочайше повелено оставить без внимания».

Рукопись записок Н. И. Лорера хранится в Коммунистической академии СССР. В скором времени издательство последней выпустит «Записки» отдельным изданием.

М. Нечкина.

* * *

«...Рано утром, едва солнышко встало, меня разбудили и повели с моими сотоварищами по заключению на маленький мостик, соединяющий Алексеевский равелин с Петропавловской крепостью. Здесь мы сошлись с товарищами другого разряда, которые ссылались на 15 лет, как то: Никита Муравьев, брат его Александр, Кюхельбекер и нас 18 человек.

От раннего времени и от бессонницы мы все были очень бледны и грустно тянулись к воротам крепости. Но тут сцена переменилась, лица ожили, языки развязались, потому что вовсе неожиданно на гласисе мы встретили остальных товарищей несчастия. Начались рукопожатия, обнимания, и восторг был общий. — Я и не подозревал, что нас так много и даже, правду сказать, многих и не знал вовсе в лицо. Этот процесс был столько замечателен по величайшему разнообразию общественных элементов, составлявших его, как и по числу арестованных, принадлежавших ко всем классам общества, начиная от сословий самых низших до самых высоких.

Тут встретил я даже мундир комиссариатского чиновника — г-на Иванова и увидал Лунина, привезенного из Варшавы, в странном одеянии: на нем был Гродненского гусарского полка сюртук, а ноги обуты были в казематные туфли! Наша толпа составляла смесь черных фраков, круглых шляп, грузинских папах, кирасирских белых колетов, султанов и даже киверов. Несмотря на всю эту пестроту мы рады были увидеться с некоторыми и сожалели, конечно, о тех, которых полагали избегнувшими наказания и которых нашли-таки в нашей среде. Солдаты нас окружали.

Наконец прискакал Чернышев, в ленте, разодетый как будто на парад какой-нибудь, осмотрел нас в лорнет и, видя, что никто его не замечает даже, отъехал прочь. Колонна наша зашевелилась и двинулась в ворота крепостные. Гвардейские войска полукругом опоясывали большую площадь, и между ими и нами рисовались на небе виселицы, и 5 веревок качались на роковой перекладине!

На площади разложены были костры, и люди поддерживали огонь. Чернышев летал с озабоченным видом по рядам: другие генерал-адъютанты разъезжали также, но скромно. Меня удивляет только, что и благородный Бенкендорф, знавший многих из нас и любивший, не сумел отклонить от себя этой грустной обязанности.

На деревянных подмостках расхаживали палачи в красных рубахах. Пять мученников, с вечера еще отделенные от целого мира, всю ночь провели с нашим священником и готовились предстать чистыми пред судилище вечного. С Пестелем беседовал пастор Рейнгольд. Их тут не было...

Нас поставили в небольшое карре, фурлейты принесли надпиленные шпаги... Приказали снимать эполеты, ордена, мундиры и стали бросать в ко-

стры... У меня были золотые эполеты, и я хотел было сохранить их для моего доброго унтер-офицера Соколова, но Чернышев заметил это и приказал мне кинуть их в огонь...

Подле меня стоял Александр Муравьев, он был полковником генерального штаба в отставке. Перед церемонией ломания шпаг к нему подъехал генерал-губернатор с.-петербургский — Кутузов и спросил:

— Вы Александр Муравьев?

— Я.

— Отступите назад.

— Генерал! Я не один здесь Александр Муравьев, — тут есть и другой...

— Вы отставной полковник генерального штаба?

— Я.

— Ну, так отойдите назад.

И тогда Александр Муравьев стал за мной...

Когда, повидимому, все было готово, приблизился какой-то чиновник, и стал читать что-то вроде вторичного приговора, но его вообще мало слушали.

По команде нас поставили на колени и стали ломать над нашими головами шпаги. Трубецкому, Одоевскому, князю Барятинскому, Муравьеву и другим гвардейцам ломали шпаги перед гвардейскими полками. Моряков же, которых было много, отправили в закрытых катерах в Кронштадт и там, на военном корабле, исполнили над ними сентенцию, а мундиры побросали в море.

После этой грустной церемонии нас развели по казематам и занялись вешанием пятерых наших товарищей...

Все нижеследующее передаю со слов священника нашего, который, проводив несчастных в вечность и оставаясь при них до последней минуты их земной жизни, вечером, в 5 часов пришел ко мне и передал все подробности.

Пестель, Муравьев-Апостол, Рылеев, Бестужев-Рюмин и Каховский, в белых саванах, с черными завязками, опоясанные кожаными поясами, на которых большими буквами написано было «Государственный преступник», простились друг с другом и с покойным духом взошли на подмостки... Когда Муравьев стал на скамейку, то еще подозвал священника и сказал ему: «Благословите меня в последний раз, я расстаюсь с здешним миром без злобы, даже на того, который приговорил меня к этой позорной смерти... Прощаю ему, лишь бы он сделал счастливою Россию».

Народу было немного, ибо полиция обманула его, распространив слух, что казнь совершится в другое время и в другом месте, — в 8 часов утра на Волковом поле. Говорили, что с того момента, как нас выводили из казематов, каждые $^1/_4$ часа скакали с донесениями в Царское село фельдъегеря и что Бенкендорф промедлил нарочно казнью в ожидании помилования, для чего постоянно обращался в ту сторону, откуда ждал вестника... Но увы! Курьеры мчались в Царское село, и обратного никого не было. В 6 часов утра их не стало...

Как я уже сказал, вечером ко мне вошел в каземат наш священник Петр Николаевич, бледный, расстроенный, ноги его дрожали, и он упал на стул, при виде меня залился слезами, и, само собой разумеется, что я с ним плакал... Петр Николаевич рассказывал, что, когда под несчастными отняли скамейки, он упал ниц, прокричав им: «Прощаю и разрешаю!» И более ничего не мог видеть, потому что очнулся тогда уже, когда его уводили. Говорят, что когда сорвался Пестель, Муравьев-Апостол и Рылеев, то Чернышев, подскакав, приказал подать другие веревки и вешать вторично...

Говорят также, что Бенкендорф, чтоб не видеть этого зрелища, лежал ничком на шее своей лошади...

На другой день гром пушек известил какое-то чрезвычайное торжество. На

Сенатской площади было молебствие,— духовенство кропило святою водой, а вечером кавалергардский полк дал праздник шефу своему, императрице Александре Федоровне, на Елагином острову! Они забыли, что многие из их товарищей накануне этого дня приговорены были к смерти, а многие томятся еще в казематах! Они забыли это! Срам и стыд навеки офицерам кавалергардского полка!

Скоро после этого печального происшествия весь двор отправился в Москву, на коронацию, а государь уехал прежде. Рассказывали, что во время судной комиссии великий князь Михаил Павлович, замечая, что, по допросам, все идет так, что не миновать многим из нас смертной казни, уехал в Москву, под видом родов великой княгини, чтобы не прикладывать своей руки к постыдному приговору. Ежели это правда, то подобный поступок делает честь чувствам великого князя.

В Большом театре милая, любезнейшая женщина и знаменитая певица m-lle Зонтаг с большим выражением и чувством пропела романс, который, намекая на нашу ссылку, произвел фурор в публике и дошел даже до Сибири. Вот слова этого романса:

Ты прости, наш соловей,
Голосистый соловей!
Тебя больше не слыхать,
Нас тебе уж не пленять.
Не от лютые зимы,
Соловей, несешься ты,
Не веселый край сманил,
Но злой рок тебя сгубил!
Твоя воля отнята,
Крепко клетка заперта.
Ах, прости, наш соловей,
Голосистый соловей!
Песню нам прощальну спой,
Пусть волшебный голос твой
Перелетом ветерка
Нас пленит издалека.

Говорят, что многим женщинам и знакомым ссылаемых сделалось дурно, и весь театр рыдал. Из кресел также вышли два человека, со слезами на глазах, на свободе они горячо обнялись и скрылись. Это были два брата Римские-Корсаковы из наших, но счастливо избегнувшие общей участи.

В то время, когда театр аплодировал знаменитой певице... восемь фельдъегерских троек и восемь жандармов выезжали из крепости и понеслись по тракту в Сибирь...

Ответственная редакция: В. Адоратский. В. Максаков. М. Покровский.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
«9 января» в Петербурге. С предисловием *В. Невского*	3—19
25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова)	20—69
К истории процесса 21. С предисловием *С. Валка*. (*Окончание*)	70—108
Гр. А. Х. Бенкендорф о России в 1827—1830 гг. С предисловием *А. Сергеева*. (*Окончание*)	109—147
Соединенные Штаты в эпоху гражданской войны и Россия. С предисловием *Е. Адамова*	148—154

Из записной книжки архивиста

Морские карательные батальоны в Прибалтийском крае. Сообщил *А. Дрезен*	155—169
Неопубликованное письмо Н. П. Огарева. Сообщил *Б. Козьмин*	169—173
А. С. Пушкин и гр. М. С. Воронцов. Сообщил *П. Щеголев*	173—185
Новый рассказ о казни декабристов. Сообщила *М. Нечкина*	185—188

ГОСИЗДАТ РСФСР

1905 год

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Под общей редакцией М. Н. ПОКРОВСКОГО

Комиссия ЦИК СССР по организации празднования 20-летия революции 1905 года и Истпарт.

БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ПРОКЛАМАЦИИ И ЛИСТОВКИ ПО МОСКВЕ И МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

1925. Стр. XIII+460. Ц. 5 р.

Содержание: Большевистские прокламации и листовки 1905 г. по Москве и Московской губ. Приложение (прокламации и листовки небольшевистских организаций). Январь — декабрь. Хроника событий 1905 г. — Тематический указатель. Указатель прокламаций и листовок. Сколько нибудь полного собрания прокламаций не имеется ни в одном из архивных и музейных хранилищ г. Москвы. Ввиду этого просмотрены десятки дел (жандармских донесений). Использованы материалы Историко-революционного архива: 1) Фонд Московского охранного отделения. 2) Фонд Московского губернского жандармского управления. 3) Отдел печати. 4) Секретное отделение канцелярии Моск. генерал-губернатора. 5) Женевский архив. Архив истпарта. ЦК ВКП(б). 6) Музей революции Союза ССР. 7) Библиотека Румянцевского (им. Ленина) музея. Частное собрание прокламаций.

★

СОВЕТСКАЯ ПЕЧАТЬ И ЛИТЕРАТУРА О СОВЕТАХ

Составил В. НЕВСКИЙ

1925. Стр. XIII+532+7 вкл. листов. Ц. 5 р.

Материал, воспроизведенный в настоящем томе, — трех родов: 1) Литература, издававшаяся Советами („Известия", листовки, воззвания, резолюции, постановления, прокламации). 2) Литература о Советах и литература Советов, извлеченная из легальной прессы 1905 г. (Отчеты о заседаниях, резолюции, объявления, уставы и т. д.). 3) Библиография Советов по легальной периодической прессе 1905 года. Алфавитный указатель городов и уездов, где происходило революционное движение. Предметный указатель

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И КИОСКАХ ГОСИЗДАТА. Москва, 64, ГОСИЗДАТ «КНИГА—ПОЧТОЙ», высылает любую книгу, имеющуюся на книжном рынке, наложенным платежом. При высылке стоимости заказа вперед — пересылка бесплатно.